
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ежедневно с завода «Ростсельмаш» уходят эшелоны с комбайнами новой модели — «РСМ-8».

Фото С. Фридлянда.

На первой странице обложки: Весенний выводок. Ленинабадская инкубаторная станция.

Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

ОГОНЁК

№ 20 (1561) 12 МАЯ 1957

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

7 мая в Большом Кремлевском дворце начала работу седьмая сессия Верховного Совета СССР четвертого созыва.

В повестку дня сессии включены следующие вопросы: 1) О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. 2) Утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР.

С докладом по первому вопросу выступил Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза депутат Н. С. Хрущев.

Фото М. Кухтарева.

МИЛЛИОНЫ БРАТЬЕВ

К. Е. Ворошилов и Сун Цин-лин на аэродроме в Шанхае.

А. СОФРОНОВ **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька».

...Недолог путь самолета из Шанхая в Ханчжоу — красивейший тихий город на берегах озера Сиху. Здесь издревле селились поэты. Полчаса полета — и вот уже под нами свинцово-серая полуда затопленных водой рисовых полей, очерченных тонкой кромкой. Еще несколько минут — и самолет касается бетонной дорожки. К нему подбегают школьники с букетами цветов. На аэродроме тысячи людей. Среди них, рядом с местными общественными и партийными деятелями, стоит товарищ Чжоу Энь-лай, прилетевший сюда накануне, чтобы провести с товарищем Ворошиловым еще три дня.

— В нынешнем году, — говорит он, — я уже дважды бывал в Ханчжоу и могу вам кое-что рассказать о нем.

— Вам при вашей занятости, видимо, нелегко находить время для путешествий, — замечает товарищ Рашидов.

— Это верно, — соглашается товарищ Чжоу Энь-лай, — но если все время сидеть в Пекине, пожалуй, можно и обюрократиться.

— Я слышал, — спрашивает Рашидов, — что сейчас в Китае развернулась энергичная борьба с явлениями бюрократизма?

— Да, это действительно так, — говорит премьер Китая и подробно рассказывает гостям и журналистам о мерах, какие принимают коммунистическая партия и правительство Китая по борьбе с бюрократизмом...

...Снова дорога цветов и приветствий. На этот раз путь в город лежит мимо деревень. Благодатны места, окружающие Ханчжоу! Сколько труда вложено в землю здешними крестьянами!

Незаметно поля переходят в окраины города. Машины катят по запруженным народом улицам. У широких ступеней недавно отстроенной первоклассной гостиницы «Ханчжоу», в которой разместились гости, собрались тысячи людей. Люди толпятся у всех подъездов, окружают машины. Всем хочется увидеть товарища Ворошилова. Далеко разносятся возгласы:

— Да здравствует советско-китайская дружба!

— Да здравствует великий Советский Союз!

— Да здравствует председатель Ворошилов!

Собравшиеся терпеливо ждали, пока Климент Ефремович отдыхал с дороги, и снова стали восторженно аплодировать, когда увидели, как он, товарищ Чжоу Энь-лай и их спутники направились к раскинувшемуся под окнами гостиницы чудесному озеру Сиху.

Ханчжоу — один из древнейших городов. О красоте и поэтичности его окрестностей можно судить даже по названиям показанных нам достопримечательностей. Беседка и каменная площадка, окруженная с трех сторон водой, называется «Луна над гладью озера в осеннюю ночь». Говорят, что особенно пленительное зрелище отсюда открывается осенними ночами, когда молодой месяц отражается на зеркальной глади озера. Дамба с шестью арочными мостами названа в честь поэта Су Дун-по, который во второй половине XI века был начальником городского управления Ханчжоу. Он углубил озеро и из грунта, поднятого со дна Сиху, построил эту дамбу. Таким образом, поэзия здесь действительно «лежит на прочном основании», и особый смысл приобретают названия арочных мостов: «Отблеск волн», «Преграда от валов», «Узда дамбы», «Верхом на радуге»...

Здесь же есть «Цветущая заводь созерцания рыб», которая, по существу, является гигантским аквариумом. В нем плавают десятки тысяч огненно-красных, золотых рыбок. Даже в пасмурный день, когда стоишь на каменном мостике у заводи, кажется, что всегда спокойные здесь воды озарены алым закатом: это рыбы устремляются к мосту, зная, что сейчас им будут бросать крошки хлеба или галет...

Десятки лодок устремились по озеру. В одной из них Климент Ефремович, товарищ Чжоу Энь-лай и Н. Т. Федоренко. Увидев работающую на озере небольшую землечерпалку, товарищ Ворошилов спросил:

— Что это здесь делают?

— Углубляют дно... А грунт идет на удобрение полей.

Лодка пристала к островку с беседкой посредине. Гости вышли на берег.

Товарищ Чжоу Энь-лай купил маленький пакетик местных конфет, называющихся «Цветок коричного дерева», и угостил каждого из советских гостей.

— Очень вкусно, — похвалил конфеты товарищ Ворошилов.

Ханчжоу. Прогулка по озеру Сиху.

И СЕСТЕР

Прогулка продолжалась. На отмели Сяоинчжоу гости прошлись по небольшой бамбуковой роще. Климент Ефремович интересовался, на что употребляется бамбук. Товарищ Чжоу Энь-лай сорвал побег молодого бамбука и сказал:

— Вот такой идет в пищу, у нас его очень

Ждут товарища Ворошилова...

любят... А из зрелого бамбука изготовляют самые различные промышленные изделия: он очень крепкий...

Косые лучи заходящего солнца пробились сквозь облака. Гости снова садятся в лодки. На берегах озера собрались толпы молодежи. Девушки и юноши перебегали с моста на мост, желая увидеть товарищей Ворошилова и Чжоу Энь-лая. К одному из мостиков лодки подошли совсем близко. Молодежь громко захлопала в ладоши. Ворошилов взял Чжоу Энь-лая под руку и запел «Москва — Пекин». Молодежь подхватила песню. Товарищ Чжоу Энь-лай поднялся и стоя начал дирижировать, а товарищ Ворошилов отбивал такт ладонями.

...На другое утро гости отправились по берегу широкой реки в крестьянский производственный кооператив «Октябрь».

На дороге кипела обычная трудовая жизнь. Шли с тяжелой поклажей на плечах грузчики. Навстречу им шагали рабочие чайных плантаций. По рисовым полям по колено в воде ходили за буйволами, запряженными в деревянные плуги, крестьяне. На реке стояли новые, прочные джонки. Качались на волнах желтые бамбуковые плоты. По глинисто-пепельной глади реки скользили черные, ребристые, как большие рыбьи плавники, паруса.

Дорога сворачивает в горы. Машины мчатся по каменистому проселку в деревню Мэйцзяо. Сотни жителей в синих рабочих куртках горячо встречают товарищей Ворошилова и Чжоу Энь-лая у въезда в деревню и вместе с ними направляются в небольшое деревянное строение.

К товарищу Ворошилову обращается заместитель председателя кооператива Лу Чжень-хао — молодой, невысокого роста человек.

— Разрешите, — говорит он, — я доложу о положении в нашем кооперативе. Мы хотим, чтобы вы все знали о нашем хозяйстве.

— С удовольствием, — отвечает Климент Ефремович и, окинув взглядом помещение, спрашивает: — Это что у вас, клуб?

— Здесь мы проводим наши собрания. Бывшая помещичья собственность, — отвечает Лу Чжень-хао.

— Поменялись с помещиками местами?

— Да... Но у нас есть два своих помещика... Был еще один, умер от старости. Этим двум мы после испытательного срока присвоили звание крестьян.

— Кто решает такие вопросы? — спрашивает товарищ Ворошилов.

— Сами крестьяне...

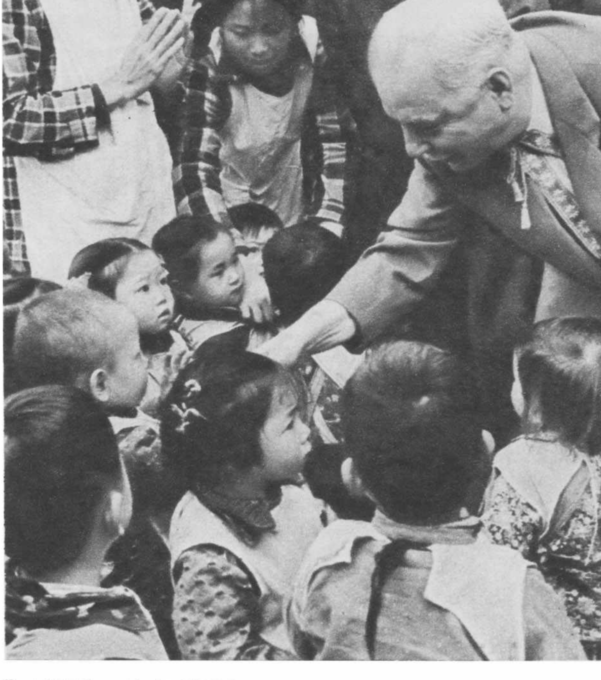
Лу Чжень-хао продолжает рассказывать о кооперативе:

— Кооператив мы назвали «Октябрь». В нем 277 дворов. У нас 685 му[1] чайных плантаций, 378 му под рисом, 60 му под бататом... Недавно на участке в 22 му мы посадили фруктовые деревья.

Пока Лу Чжень-хао называл эти цифры, лицо его было спокойным, но вот глаза его загорелись:

— До освобождения крестьяне нашей деревни собирали с каждого му не более 30 килограммов чая... А в прошлом году в среднем вышло у нас по 76 килограммов. В этом же году предполагаем, что будет не менее восьмидесяти... Такую задачу мы поставили перед собой.

[1] Му — одна шестнадцатая гектара.

В детском саду производственного кооператива «Октябрь».

— Что же у вас с чайным кустом произошло? — спрашивает Ворошилов.

— Стали тщательнее обрабатывать землю и улучшили метод сбора...

— Сколько зарабатывают члены кооператива? — спрашивает внимательно слушавший объяснения Климент Ефремович.

— В среднем у нас вышло по 640 юаней.

— А при единоличном хозяйстве?

— У нас нет точной цифры... По-разному... Но очень мало... Не могли даже расплатиться с долгами.

Кто-то из сидевших рядом сказал:

— Не больше 150 юаней в год зарабатывали... Это в пересчете на теперешний денежный курс.

Держа чашку чая, Ворошилов спросил:

— А есть такие крестьяне, которые молят бога о возвращении помещиков?

Лу Чжень-хао живо ответил:

— Таких, прямо сказать, нет, но есть люди, которые ищут себе труд полегче. Попадаются и такие, которые пытаются обманывать кооператив.

— Что же вы с ними делаете?

— Сначала беседуем, стараемся повлиять на их сознание. А если это не помогает, со-

На чайной плантации производственного кооператива «Октябрь» в деревне Мэйцзяо, близ Ханчжоу.

В Кантоне К. Е. Ворошилов посетил парк, устроенный в память павших героев Кантонской коммуны.

бираем общее собрание... Но мы все же стараемся больше поощрять людей. Пример хороших людей действует очень благотворно.

— Это правильно, — соглашается Ворошилов и спрашивает: — Вы коммунист?

— Да.

— А сколько всего в кооперативе коммунистов?

— Девятнадцать.

— Не мало?

— На тысячу человек это хорошо, — говорит товарищ Чжоу Энь-лай. — У них есть своя партийная организация...

Ханчжоу окружен новыми санаториями, в которых отдыхают железнодорожники, текстильщицы, металлурги и летчики, общественные деятели и партийные работники. Многие из них пишут стихи. Секретарь парторганизации в рабочем санатории на горе Пинфин сочинил стихотворение, которое и написал на черной школьной доске.

Товарищ Чжоу Энь-лай медленно читал строку за строкой, переводчик тихо переводил их:

Привет вам, почтенный староста,
Посетивший, несмотря на преклонный возраст,
Наши края...

В Китае говорят: «На небе рай, на земле Ханчжоу». И действительно, чудесные воспоминания остались у нас от этого города, от встреч и бесед с жителями всех этих благодатных мест. И невольно рождались стихи:

Говорят, что в Ханчжоу воздух
Весь настоенный на стихах,
Что ночные на небе звезды
Ярко светят и в облаках.

Говорят, что сюда поэты
Приезжают со всех сторон,
Чтоб увидеть зарей нагретый
Нежно-розовый небосклон.

По веленью самой природы
Между синих гор и долин
Рисоводы и чаеводы
Здесь поэты все, как один.

Говорят, что здесь каждый стебель
Излучает тепло во мгле...
Говорят, что есть рай на небе,
А Ханчжоу — на земле.

Я поверил в рассказы эти
У студеной воды Сиху,
И до солнца еще, на рассвете,
Потянулась рука к стиху.

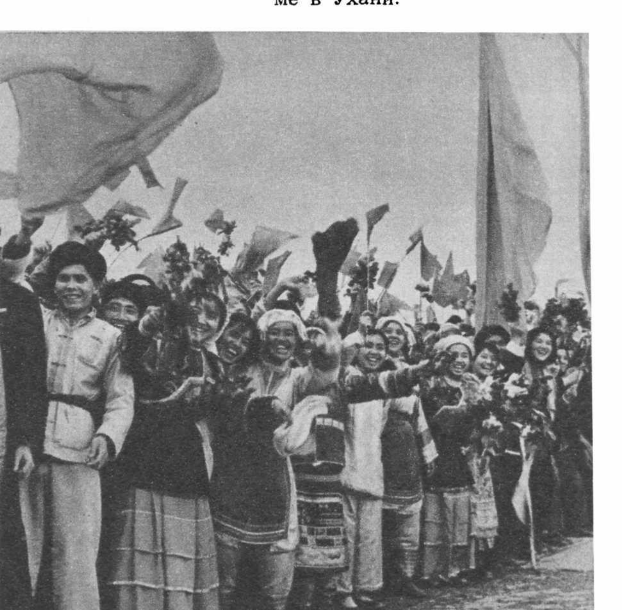
Все здесь сердцу поэта любо,
Птицы, словно в раю, поют...
Все же главное — это люди,
Те, что здесь на земле живут;

Те, что чай на горах выводят,
Рис сажают у берегов;
Те, что с трудной поклажей ходят
И на джонках идут на лов.

Не тоскуем по райским кущам,
Не святые, чего нам лезть!
Мы хотим, чтобы каждый впущен
Был в счастливую жизнь, как здесь!

Труд немалый еще, тяжелый,
Гор высоких вдали гряда...
Слава труженикам Ханчжоу
И поэзии их труда!

Во время встречи К. Е. Ворошилова на аэродроме в Ухани.

...Самолеты идут на юг. Аэропорт города Гуанчжоу (Кантон). Здесь уже по-настоящему жарко. Из окна самолета видим огромную массу людей. Красные знамена. Белые одежды. Зонтики от солнца.

Местные жители считают здешний климат теплым: средняя годовая температура — плюс 26 градусов... Я бы скорей назвал его жарким. Но какова была температура встречи советских гостей, трудно передать! Бесчисленные вереницы людей приветствовали дорогого советского гостя. Песни, овации — все выдавало южный темперамент и древние традиции, рожденные в этом городе.

Еще в 1841 году крестьяне села Саньюаньли подняли знамя борьбы против английских колонизаторов. В 1911 году китайские революционеры под руководством доктора Сун Ятсена начали вооруженное восстание против власти династии Цин. Восстание было жестоко подавлено. Прах 72 героев покоится на холме «Желтых цветов». Но дело героев кантонского восстания продолжало жить.

Здесь начали работу курсы крестьянского движения. В 1925 году товарищ Мао Цзэ-дун был руководителем этих курсов. Товарищ Чжоу Энь-лай читал здесь лекции.

...Мы стоим возле могилы борцов Кантонской коммуны 1927 года. На стене выбиты золотые буквы, воспроизведенные по надписи, сделанной рукой маршала Чжу Дэ: «Могила павших героев Кантонской коммуны. Чжу Дэ. 1/II — 1955 г.».

Склонив головы, стоят маршал Ворошилов, участник Кантонской коммуны маршал Хэ Лун, товарищ Пын Чжень... Огромный венок от Председателя Президиума Верховного Совета СССР прислонен к медной плите.

— Нельзя ли посмотреть место, где погибли наши советские люди? — после молчания спрашивает Климент Ефремович.

— Можно, товарищ Ворошилов, это здесь же, поблизости, — говорит Пын Чжень.

Неподалеку, на небольшом глинистом холмике, все останавливаются.

— Здесь, — говорит Хэ Лун.

Климент Ефремович ищет глазами журналистов.

— Записывайте, — говорит он и обращается к генеральному консулу СССР в Гуанчжоу Орлову: — Рассказывайте.

— На этом месте 14 декабря 1927 года погибли коммунисты, работники советского консульства... — говорит Орлов.

— По решению китайского правительства здесь будет сооружен памятник отважным советским людям, — сообщает собравшимся товарищ Пын Чжень.

В этом парке посажены цветы только красного цвета.

— Чтобы всегда помнили живущие о крови, пролитой героями, — говорят нам китайские друзья.

На широкой каменной лестнице, отделившись от своих подружек, к Клименту Ефремовичу подбегает маленькая девочка, быстро снимает с себя пионерскую косынку и что-то говорит.

— Она хочет подарить вам свой пионерский галстук, — сообщает переводчик.

Ворошилов наклоняется к школьнице. Она быстро завязывает галстук. Климент Ефремович поднимает ее на руки.

— Ишь ты, какая шустрая! — говорит он, улыбаясь.

...Недолгим было пребывание товарища Ворошилова в Ухани — всего несколько часов. Здесь сейчас полным ходом идет строительство второго, после Аньшаньского, металлургического комбината, который будет оборудован первоклассной современной техникой. Идет монтаж Уханьской ТЭЦ, первый агрегат которой даст промышленный ток уже в июне этого года. Заканчивается строительство станкостроительного завода... Подходит к концу монтаж великолепного моста через реку Янцзы.

Строители моста через Янцзы в Ухани приветствуют советских гостей.

Когда машины, шелестя шинами по мокрой после дождя дороге, вынеслись к основанию моста, катера и плавучие краны огласили широкую реку протяжными гудками. Вместе с китайскими рабочими и инженерами встречать К. Е. Ворошилова вышла группа советских специалистов. По узкой деревянной лестнице товарищ Ворошилов и его спутники поднялись на крутой откос, ведущий к бетонным аркам. В синих замасленных спецовках, с небольшими рукавицами за поясами стояли китайские мостостроители. Лица их сияли. Один из технических руководителей стройки, инженер Константин Сергеевич Силин, объяснял примененный здесь принцип бескессонного строительства.

Все дошли до середины моста и остановились. Пятнадцать — двадцать метров пустого пространства отделяли нас от другой половины моста. Там, стоя на железных балках в несколько рядов, строители восторженно приветствовали Ворошилова. Обернувшись к фотокорреспондентам, Климент Ефремович сказал:

— Что вы все меня снимаете? Снимайте строителей, создателей этого замечательного моста. Вот его, например, — показал он на седого человека с еще моложавым лицом.

Празднование Первого мая в Пекине. На правительственной трибуне.

Фото агентства Синьхуа.

— А это как раз один из авторов проекта, — сказал Силин, — Николай Николаевич Тихонов.

Ворошилов улыбнулся.

— А-а, вот вы кто! — и протянул руку Тихонову.

На обратном пути я разговорился с главным инженером мостотряда № 2 Федором Тамаровым. Он говорил:

— Мы всеми силами старались помогать нашим китайским друзьям, но и у них научились многому. У китайцев золотые руки. У них отличные инженеры-мостовики. Вот, например, товарищ Ван Тун; он старый специалист, инженер нашего мостотряда, мудрый, пытливый человек. Или товарищ Лю Лин-сян, начальник мостотряда; он проходил практику на строительстве Ново-Арбатского моста в Москве. Трудно перечислить, сколько ценнейших предложений они внесли, исходя из местных условий... А как нам по сердцу их дружеская прямота! Скоро мне уезжать, я навсегда сохраню в памяти счастливое время строительства моста через Янцзы...

...И вот снова Пекин. Расцвела белая сирень. Густо зазеленели деревья. Пекин встречает праздник Первомая. Древняя, но кажущаяся такой молодой площадь Тяньаньмынь. Солнечный день наполнен гулом оркестров.

Десятки, сотни тысяч людей, приветствующих Мао Цзэ-дуна, дорогого гостя Климента Ефремовича Ворошилова, руководителей партии и правительства... Торжественные звуки гимна народного Китая и такая близкая сердцу мелодия «Интернационала»... Бесчисленные, трепещущие в воздухе цветы, улыбки девушек и юношей. Летящие в небо разноцветные шары с развернутыми белыми свитками, на которых золотыми, белыми и красными иероглифами начертаны слова о вечной дружбе между народами Советского Союза и Китая, слова привета Председателю Ворошилову. Колонны за колоннами. Большие модели станков, паровозов, сложных агрегатов — всего того, чего не имел когда-то старый Китай и имеет сейчас новый, молодой, богатырски шагающий народный Китай.

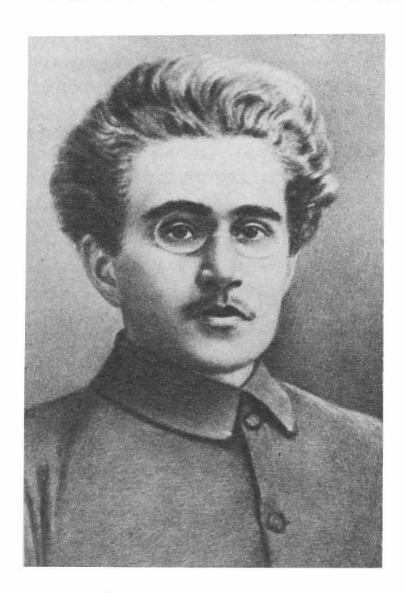
Двадцать один день провели в Китае товарищ Ворошилов и его спутники. И каждый день был словно год, насыщенный до края впечатлениями.

Выступая перед отъездом из Пекина перед советскими специалистами, Климент Ефремович говорил:

— Наша сила, наша дружба, наш общий рост нужны человечеству. Это не фраза. Именно человечеству! Такой горячий прием нам оказан потому, что народ Китая чествовал нашу страну и наш народ. Мы все испытываем гордость за нашу Родину, начавшую 40 лет назад свой новый путь. Это всей своей огромной и чуткой душой понимает великий китайский народ. Он любит нас и нашу Родину так же, как советский народ любит Китай и мужественный китайский народ. Да, наша сила, наша дружба нужны всему человечеству! До новых встреч, наш брат и великий друг и товарищ — народный Китай!

Пекин, 5 мая.

ПАМЯТИ АНТОНИО ГРАМШИ

Антонио Грамши.

28 апреля трудящиеся Италии отмечали двадцатилетие со дня смерти Антонио Грамши, основателя Итальянской коммунистической партии, выдающегося революционера и мыслителя, загубленного в фашистском застенке.

Печатаемое ниже письмо Антонио Грамши, написанное им в юные годы, раскрывает перед нами новые черточки в характере известного революционера. Это письмо хранилось у его сестры Терезы. Впервые оно опубликовано в итальянском журнале «Вие нуове» в январе 1957 года.

Письмо к матери

Дорогая моя мама, отвечаю тебе не медля, чтобы отец не вздумал поступить неразумно и приехать сюда.

Вас пугает, что полиция собирает сведения о некоем лице? Не стоит принимать это так близко к сердцу. Вы, наверно, теперь подумали, что Наннаро[1] либо сидит в кутузке, либо шагает между четырьмя карабинерами.

[1] Уменьшительное имя Дженнаро, старшего брата Антонио Грамши.

Успокойтесь — ничего подобного не случится. Наннаро взял на себя некоторую работу в Палате труда, поэтому его имя, доселе неизвестное, бросилось в глаза полиции; вот она и захотела узнать, кто этот внезапно появившийся революционер, эта новая гроза шпиков, и поэтому собирает о нем информацию. Ты довольна? Как видишь, во всем этом нет ничего плохого, и на этом и делу конец.

Здесь была объявлена забастовка, и, так как Наннаро — казначей Палаты труда, полиция заинтересовалась его адресом: видно, вознамерилась захватить деньги палаты и удушить забастовку; но забастовка кончилась сама собой, и деньги остались на месте. Только имя Дженнаро Грамши, внезапно выплывшее, заставило полицию им заинтересоваться. Любопытство теперь удовлетворено — и будьте здоровы!

В следующий раз, если услышите о таких делах, не тревожьтесь. Смейтесь в лицо пришедшему к вам лейтенанту и в бороду всем карабинерам, как это делаю я.

Бедняги, в конце концов они заслуживают сострадания! Им ведь так много времени приходится тратить на социалистов и анархистов, что не хватает на воров и грабителей. Приходится ли удивляться, что полицейские сами боятся, как бы их не обокрали...

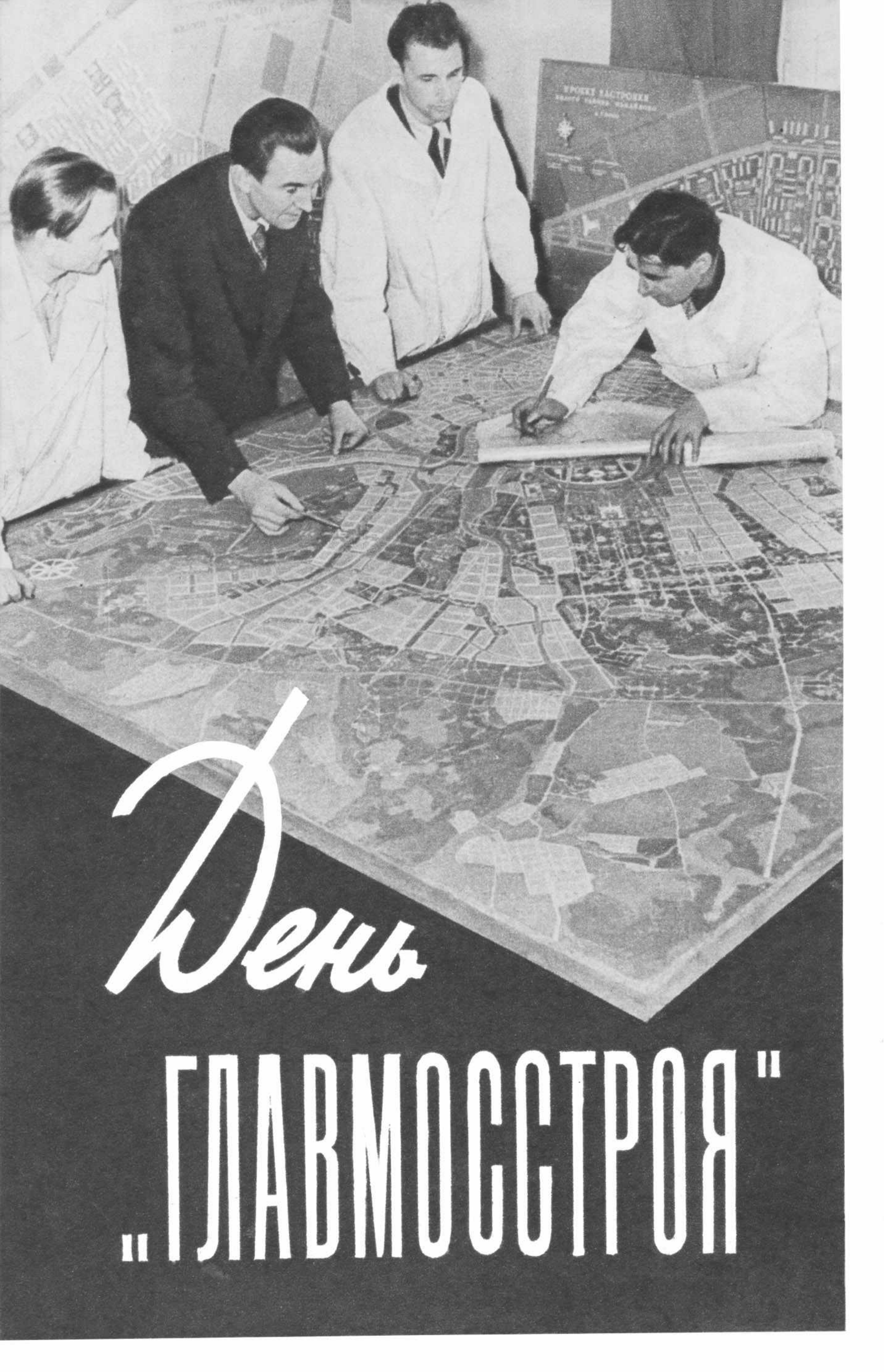
Вчера вечером, когда я стоял на галерке в театре, мне было сделано замечание: я слишком громогласно выражал восхищение роскошными бакенбардами дежурившего тут же полицейского; я ему посоветовал побриться, чтобы избежать излишних восторгов.

И что же? Полицейский разглядел в толпе только мою голову, а из-за пышной шевелюры, развевающейся при малейшем дуновении воздуха, принял меня за девушку. Он очень удивился: как может лицо женского пола подымать в театре такой шум! Я не обиделся. Даже поблагодарил за оказанное внимание.

Итак, ничего плохого не случилось. Только бы не надевали наручники, а сведений пускай собирают сколько угодно.

Поцелуй крепко всех домашних.

Антонио.

Главный архитектор Института генерального плана Москвы Н. Н. Уллас (второй слева) вместе с работниками мастерской обсуждает вопросы планировки и застройки одного из районов столицы

День „Главмосстроя"

Б. ЛЬВОВ, Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. Умнова.

«Ого! Какой он богатый...»

Не так давно группа туристов из капиталистических стран осматривала московские достопримечательности. Был среди гостей пожилой мужчина, особенно интересовавшийся всем, что происходило на строительных площадках. Как потом выяснилось, он хозяин крупной строительной фирмы.

В Измайлове иноземец, пересчитав количество башенных кранов, поднявших высоко в небо свои длинные стрелы, спросил переводчика: «Кто строит все эти дома?» «Главмосстрой!» — ответили ему. «Ого!» — многозначительно заметил турист. Этот вопрос он задавал неизменно и удовлетворенно качал головой, когда снова и снова слышал в ответ уже знакомое ему слово: «Главмосстрой!».

Когда же туристы приехали в юго-западный район столицы и любознательный иностранец узнал, что и здесь работы ведет все тот же «Главмосстрой», он воскликнул:

— Ого! Какой он богатый, этот господин Главмосстрой!

— Это не фамилия,— пояснили ему,— это название учреждения.

— Понимаю, понимаю... Акционерное общество?

— И не акционерное общество. Все эти дома возводит государство.

Иностранец, как видно, мало знал о жизни нашей страны. И он ограничился еще одним возгласом изумления.

Масштабы строительства, осуществляемого в Москве, настолько велики, что действительно вызывают восхищение. Программа работ растет из года в год. И не последнюю роль в этом росте сыграло создание «Главмосстроя». Он образован три года назад путем объединения строительных трестов Моссовета, строительных организаций 60 министерств и ведомств. Тогда же были упразднены 204 ставшие излишними самостоятельные организации, а управленческий аппарат сокращен более чем на две тысячи человек. «Приказали долго жить» многочисленные канцелярии, отделы кадров, мелкие конструкторские бюро, содержание которых удорожало строительство. В поисках более гибкой и прогрессивной формы хозяйствования возникло Главное управление, ныне сооружающее дома на 1 040 площадках Москвы. Нет в столице района, где не росли бы этажи жилых зданий, школ, больниц, кинотеатров. И строит тот же «Главмосстрой»...

Армия строителей

«Главмосстрой» — внушительная армия, в которой почти 140 тысяч квалифицированных рабочих, инженеров, техников.

Единый центр строительства не только вызвал к жизни единую техническую политику, помог обобщить опыт строек и оснастить их современными машинами. Сотни экскаваторов, бульдозеров, десятки тысяч механизмов — от мощных канавокопателей до мелких электрических инструментов — облегчили труд людей, ускорили работы, удешевили их стоимость.

Мы попросили начальника «Главмосстроя» В. Ф. Промыслова рассказать о том, к чему привело укрупнение строительства, каковы его перспективы.

— Три года, — рассказывает Владимир Федорович, — срок сравнительно недолгий. Но какие изменения, и притом принципиальные, произошли за это время! До укрупнения бесчисленные строительные ведомства работали в убыток. Ежегодно он составлял примерно 230 миллионов рублей. На эти деньги можно построить около сорока пятиэтажных типовых домов. Но все это в прошлом. На смену кустарщине пришла индустрия. На каждый миллион рублей, расходуемый на строительно-монтажные работы, «Главмосстрой» пустит нынче в дело в два с лишним раза больше сборного железобетона, чем три года назад. Систематически поднимается уровень механизации тяжелых и трудоемких работ: монтаж сборного железобетона механизирован почти полностью, погрузка и разгрузка материалов — на девять десятых. Три четверти нашего строительства — сборное. Характерный пример: все без исключения лестничные марши и площадки в новых домах доставляются в готовом виде с заводов и монтируются на стройках. В этом году треть всех перегородок в новых домах доставляется на площадки в виде панелей, сошедших с заводского конвейера. В итоге «Главмосстрой» непрерывно добивается снижения себестоимости работ. За три года она уменьшена почти на 15 процентов.

Близок день, когда все строительные площадки Москвы превратятся в монтажные. Это повлечет за собой и сокращение количества рабочих на стройках. Судите сами: в 1953 году небольшой трест на каждый миллион рублей, вложенный в строительство, имел 48 рабочих, а «Главмосстрой» к концу 1957 года будет иметь всего 29 человек.

И еще одна важная особенность. Три года назад Москва строила жилье по пятистам индивидуальным, «штучным», как выражаются архитекторы и строители, проектам. Государство терпело ущерб, и немалый, от излишеств, допускавшихся в проектах. В течение последнего времени сотни и сотни ранее утвержденных проектов пересмотрены и улучшены. За счет ликвидации излишеств сэкономлены миллионы рублей. Теперь подавляющая часть строительства в Москве ведется «Главмосстроем» по типовым проектам. А начиная со второй половины года по предложению московской партийной организации останется в действии всего 12—15 проектов, и они будут обязательными для столицы. Тем самым значительно сократится номенклатура архитектурных деталей, выпускаемых промышленностью. А отсюда дополнительное снижение стоимости строительства.

Напомню, квадратный метр жилой площади из-за всяких расточительств обходился раньше до двух тысяч рублей и больше. Решительный отказ от никому не нужного украшательства дал возможность снизить стоимость до 1 700—1 800 рублей. Но резервы далеко не исчерпаны. Задача, и вполне реальная, заключается в том, чтобы квадратный метр жилья обходился в 1 000—1 100 рублей. В частности, серьезное внимание уделяется проектированию и строительству экономичных жилых домов с малометражными квартирами, предназначенными для одной семьи.

— Возросли ли в связи с созданием «Главмосстроя» темпы строительства?

— В 1957 году мы вложим в строительство огромную сумму — 3 миллиарда 640 миллионов рублей. В нынешнем году Москва должна получить 1 800 000 квадратных метров жилой площади — это значительно больше, чем в 1956 году. А план 1958 года — два с половиной миллиона метров.

— А как со сроками? Выдерживается ли график?

— Об этом вы сейчас услышите от известного строителя Михаила Георгиевича Локтюхова. Руководимый им трест застраивает кварталы юго-запада. — Промыслов протянул руку к табло с белыми кнопками и нажал одну из них.

— Слушаю вас, Владимир Федорович! — послышался голос издалека.

— Здравствуйте, Михаил Геор-

Начальник «Главмосстроя» В. Ф. Промыслов разговаривает по селектору.

гиевич! Как идут дела? Когда предъявляете корпус 10б к сдаче?

— Сегодня.

— А дороги? Закончены? Резиновые сапоги не нужно надевать, чтобы попасть в дом?

— И дороги закончили.

— О готовности дома передайте, пожалуйста, главному диспетчеру для включения в сводку. Что слышно на остальных пусковых объектах?

— Из графика не выходим.

— До свидания!

Промыслов нажимает другую кнопку, и уже слышен голос управляющего трестом С. Т. Кратникова, который возводит дома на Поклонной горе. На этом историческом месте скоро появятся монументальные здания.

Впервые в Москве

Мы отправились по следам услышанного по селектору разговора. И вот что мы узнали.

В нынешнем году «Главмосстрой» сдал в первом квартале столько же жилой площади, сколько и в последнем квартале прошлого года — 180 тысяч квадратных метров: пятая часть годового плана. Это произошло едва ли не впервые в истории жилищного строительства советской столицы и знаменует собой серьезный успех в борьбе за ритмичность.

...Главный диспетчер «Главмосстроя» Н. А. Теодорович держит в руках сводку, в которую уже занесен знакомый нам корпус на юго-западе. В сводке длинный перечень домов в различных районах города: готовы! Вступили в строй и несколько школьных зданий.

— Обратите внимание на это,— говорит диспетчер. — Школьные здания теперь большей частью сдаются задолго до начала учебного года. Отделы народного образования могут без спешки, тщательно и заботливо оснастить их необходимым оборудованием. Резко сократились и сроки строительства школ. В 1955 году школа в Большом Песчаном переулке возводилась 80 дней, а в прошлом году школа в Больничном переулке была собрана за 56 дней. И это не предел.

— Какой же из домов, готовых принять новоселов, нам осмотреть? — спрашиваем мы совета у главного диспетчера.

Он называет адреса.

И вот мы едем на Хорошевское шоссе. С нами в машине — председатель Государственной комиссии Э. А. Балясинский, инженер-строитель, который уже двадцать четыре года работает в Инспекции архитектурно-строительного контроля Москвы. За четверть века он принял от строителей около пятисот домов.

— Этот год для нас, контролеров, особенный,—говорит Эдуард Антонович. — Мы начали приемку новых домов «Главмосстроя» с января. Некоторые управления сдают дома даже досрочно.

Мы беседуем с Балясинским о преимуществах новой системы организации строительства.

— Сейчас я вам покажу это на примерах, — говорит он. — Видите дом по левой стороне? Его уже третий год сооружает Министерство электростанций, а дом-то всего в пять этажей. А рядом другой дом, в нем тоже пять этажей. Трест «Главмосстроя» возвел его за год. В чем же разница? В первом случае — расхлябанность, во втором — жесткий график.

— Много ли еше строительных

Старший прораб Ф. П. Ермолаев. «Прораб перестал быть толкачом...»

организаций министерств и ведомств осталось в Москве?

— Около 250. В них занято почти столько же рабочих, сколько в «Главмосстрое», хотя они выполняют вдвое меньший объем работ. Объединение всего строительства в системе «Главмосстроя» даст возможность не только перевести на производство сотни людей из управленческого аппарата, но и ускорить, улучшить, удешевить строительство.

...Но вот и корпус на Хорошевском шоссе, который принимает сегодня Государственная комиссия под председательством Балясинского. Вместе со своими помощниками он придирчиво осматривает квартиру за квартирой, комнату за комнатой. Опытный глаз замечает, что в одном месте плохо уложен паркет, в другом — небрежно окрашены двери, в третьем — запачканы обои.

— Тщательная приемка дома стала возможна только в обстановке уверенной, ритмичной работы строителей, — отмечает Балясинский. — Трудно было говорить об устранении мелких недостатков, когда дом сдавался штурмом, с опозданием на несколько месяцев.

Монтажник С. Г. Жеребин: «На стройке стало больше порядка, и поэтому заработки наши возросли».

3 000 адресов

Эту же точку зрения мы услышали в другом районе Москвы, на юго-западе, где познакомились со старшим прорабом Федором Павловичем Ермолаевым, отдавшим московским стройкам 32 года жизни.

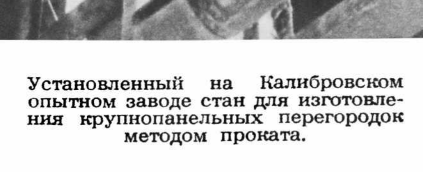
— Раньше одной стройкой командовал Моссовет, а соседней — какое-нибудь министерство. Разобщенность вредила делу. В снабжении нередко царила неразбериха, и мы, прорабы, остро чувствовали это. Каждый норовил прихватить побольше, и получалось так, что у меня, скажем, не хватало кирпича, а сосед припас его на несколько месяцев вперед. Воспользоваться же его запасами нельзя было: хозяева у нас разные.

Это вело к простоям, срывам графика, к большим убыткам. Теперь весь наш юго-западный район застраивается «Главмосстроем» по единому плану. Нас снабжают регулярно, строительные материалы и детали подвозятся по мере надобности. Отпала нужда в площадках. Прораб перестал быть толкачом, он уже не тратит свой рабочий день на поиски материалов. Теперь я все свое время могу посвятить организации и технологии строительства, бываю на рабочих местах, учу людей. Мы строим семиэтажный дом на 88 квартир. Несколько лет назад на такой площадке было бы занято по меньшей мере 400 человек. А у нас только две комплексные бригады, в общей сложности из 60 человек. За три месяца мы подвели дом под крышу.

Государственная комиссия принимает новый дом. Идет проверка звукоизоляции. На снимке: председатель Государственной комиссии Э. А. Балясинский (справа) и инженер Э. М. Лалаев.

Установленный на Калибровском опытном заводе стан для изготовления крупнопанельных перегородок методом проката.

Что дала концентрация строек самим рабочим-строителям? Вот что сказал нам по этому поводу монтажник Степан Григорьевич Жеребин:

— Я работаю монтажником более двадцати лет. Скажу прямо, сейчас на стройке стало больше порядка, и поэтому заработки наши возросли. У меня в бригаде 25 рабочих. Все они зарабатывают больше, чем несколько лет назад. Мой заработок достигает двух тысяч рублей в месяц, в то время как раньше он не превышал 1 500 рублей.

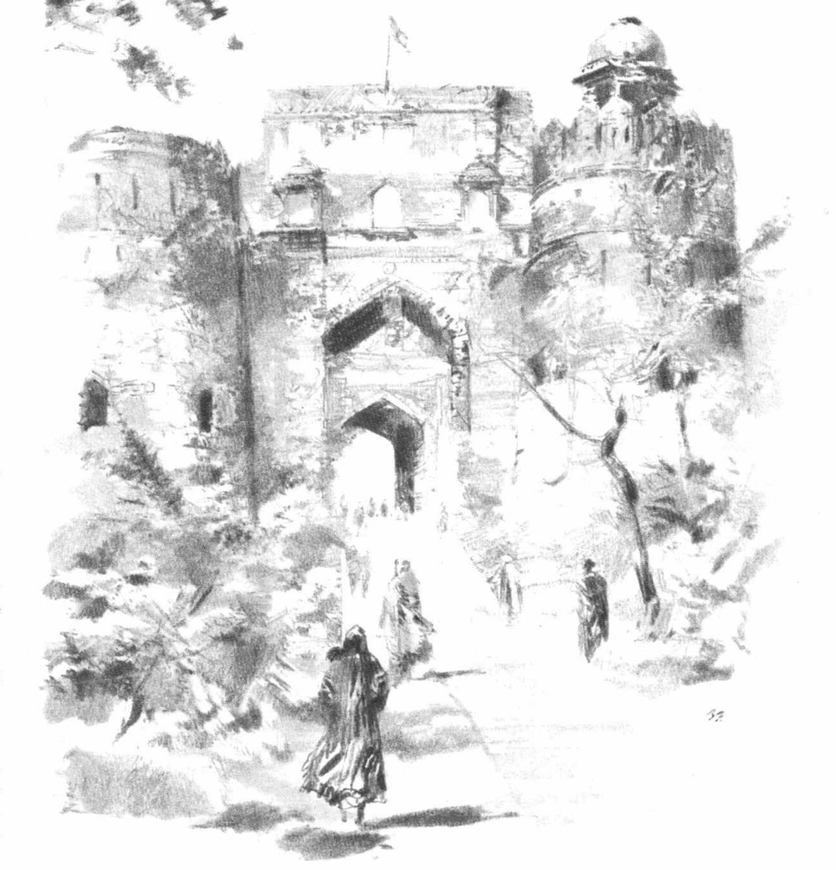
...Мы побывали в этот день и в Институте генерального плана, где видели макеты будущих районов города, и на Калибровском заводе «Главмосстроя», где в этом году, впервые в Москве, началось производство методом проката перегородочных плит размером на комнату, и в отделе городских земель Архитектурно-планировочного управления. Здесь нам сообщили любопытную цифру: 3 000! Таково число земельных участков, отведенных на ближайшие годы под строительство жилых домов. Три тысячи адресов московских домов, которые будет сооружать «Главмосстрой»!

В этом году мы празднуем столетие восстания 1857 года против британского владычества.

Индийские патриоты всегда считали, что восстание это положило начало нашему антиимпериалистическому национальному движению. Нас, людей старшего поколения, оно всегда вдохновляло. На его опыте мы учили нашу молодежь.

Историки британского империализма всячески старались принизить значение событий 1857 года. Они изображали эти великие события как обычный бунт скованных кастовыми предрассудками индийских солдат-сипаев, которых выродившиеся потомки династии Моголов использовали для восстановления реакционного средневекового абсолютизма.

Влияние британской историографии на воспитанных в английском духе индийских интеллигентов было настолько велико, что некоторые индийские историки попали в ловушку и сами принялись спорить о том, были ли события 1857 года реакционным мятежом или национальным восстанием. Между тем даже английские чиновники, непосредственно участвовавшие в этих событиях и потом игравшие видную роль в укреплении британского владычества в Индии, писали о восстании 1857 года довольно откровенно и недвусмысленно.

Пурана Килла. Здесь началось Индийское национальное восстание 1857—1859 годов.

Рисунок В. Климашина.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ

Сайфуддин КИТЧЛУ

В книге «Индийское восстание» доктор Дафф писал:

«Если бы это был простой военный бунт, вызывающий не сочувствие, а неприязнь населения, то хватило бы нескольких решительных наших военных побед, чтобы свести мятеж на нет или, если угодно, подавить его... Но факты говорят о том, что это был не солдатский бунт, а восстание, революция... Восстание это долго и сознательно готовилось, оно сумело сплотить в необычном содружестве индусов и мусульман; оно и теперь открыто прославляется всем населением провинции Аудха и пользуется прямой или косвенной симпатией доброй половины соседних провинций...»

К такому же выводу приходит и Джастин Маккарти в своей «Истории нашего времени»:

«Это было восстание туземных рас против британского владычества».

В первом томе труда Чарльза Белла об «индийском мятеже» мы читаем:

«Общее стремление индусов и мусульман к освобождению приобрело такие размеры, что даже судьи и правительственные чиновники присоединялись к тайному обществу».

Тогдашний корреспондент лондонской «Таймс» Рассел писал на 164-й странице своих «Дневников»:

«Мы встретили здесь не только своеобразное сочетание восстания рабов и средневековой жакерии, но и религиозную расовую войну, войну мщения и надежды, войну, которая была проникнута решимостью нации сбросить иго чужеземцев и восстановить полную власть национальных вождей и безраздельное господство местных религий».

Приведенные свидетельства достаточно ясно говорят об общенародном характере и антибританской направленности восстания.

Те, кто сражался тогда против британских поработителей, пали смертью храбрых на полях сражений или погибли на виселицах. Но на уроках свершившегося учились последующие поколения индийских патриотов, и наше национальное движение росло и крепло шаг за шагом.

Индийским патриотам не приходилось спорить друг с другом насчет того, было ли это действительно народным восстанием и заключалась ли его цель в освобождении от иноземного господства. Но, разумеется, мы не могли не задать себе вопрос: почему же наши предки оказались не в силах победить в 1857 году?

Во главе восстания 1857 года стояли потерявшие власть князья и феодальные землевладельцы, земли которых были конфискованы британцами. Народ шел за феодалами, как за «исконными вождями». Народ был полон революционного энтузиазма, но вожди-феодалы были пропитаны духом реакции. На них лежала печать вырождения, они бесконечно уступали опытным английским чиновникам и военным в искусстве политического руководства. Раздираемые собственными феодальными распрями, они не могли сплотить воедино различные национальности Индии. Их цель была возродить средневековую феодально-аристократическую власть, вернуть свои земли; поэтому они неспособны были вдохновить и зажечь крестьян или городских ремесленников. Великий Маркс в своих знаменитых статьях об Индии отметил эти противоречия; однако, несмотря на временное поражение, которое потерпела тогда Индия, он предсказал индийскому народу великое будущее. Слабость и предательство индийских феодалов заставили мыслящих индийских патриотов прийти к выводу, что борьба за свободу не может быть только антибританской, но должна стать и антифеодальной.

Нельзя сказать, что элементы нового, демократического сознания и организованности полностью отсутствовали. Но они были слишком слабы, чтобы оказать решающее влияние на создавшееся положение.

В сельской местности после развала британской администрации и ее учреждений власть взяли в свои руки панчаяты — представительные собрания сельских общин. Но эти собрания доверчиво оставили все права за губернаторами, назначенными из Дели. Разумеется, под руководством старых феодалов-землевладельцев движение за «землю для земледельца» не могло развиться, хотя крестьяне и уничтожали государственные земельные акты, долговые обязательства, захватывали казначейства, громили полицейские участки.

Восстав, сипаи заняли Дели и объявили падишахом отпрыска Моголов — Бахадур-шаха. Однако они не восстановили прежней системы управления Моголов. Они создали повстанческий трибунал, состоящий из представителей восставших сипайских полков и гражданских лиц. Этот орган имел собственную демократическую конституцию. Ему принадлежало исключительное право взимать налоги и налагать военную контрибуцию на купцов и банкиров. Он руководил также военными действиями против британских войск, хотя номинально главнокомандующим считался могольский падишах. Самым влиятельным человеком в повстанческом трибунале и подлинным руководителем военных операций был Бахт-хан, один из младших офицеров бареллийской бригады, ставший генералом повстанческого штаба в Дели. Могольский падишах не мог непосредственно отдавать приказы; он только подписывал прокламации и резолюции, принятые повстанческим трибуналом. На процессе, который британцы устроили впоследствии над Бахадур-шахом, фигурировала одна из этих прокламаций. Ее содержание дает представление о тех политических идеях, которых придерживались руководители восстания.

«Будут освобождены и получат защиту бедные и беспомощные люди, стонущие под их (британцев. — **С. К.**) железной пятой. Мусульмане будут подняты до уровня, который проповедовал Магомет, а индусы — до уровня, о котором вещал Махавир. Заминдарам, купцам и государственным служащим обещаются лучшие условия жизни».

В отношении ремесленников в прокламации говорилось: «Очевидно, что европейцы, ввозя английские товары в Индию, лишили работы ткачей, плотников, кузнецов, сапожников, и жизнь местных ремесленников была низведена до нищенского прозябания. Под властью падишаха им всем будет предоставлена работа».

Прокламация призывала ученых и духовных лиц «внести свой вклад в священную войну».

Все эти начальные попытки внести демократические принципы и организованность в ход антибританского восстания были сведены на нет предательскими элементами, которые свили себе гнездо при дворце падишаха.

В 1857 году было положено начало упрочению индо-мусульманского единства. После подавления восстания британские власти старались разжечь индо-мусульманскую рознь. Но патриоты Индии сплачивались на основе той традиции единения, которая выковывалась в огне событий 1857 года.

Восстание 1857—1859 годов было первым ударом по британскому колониальному владычеству в Индии. Огонь борьбы, зажженный нашими героическими предками, продолжал разгораться, и в конце концов дело независимости Индии восторжествовало. Теперь не только британский империализм, но и колониализм вообще доживает последние дни.

Примерно в то же время, когда вспыхнуло восстание в Индии, в Китае произошло восстание тайпинов. Две величайшие нации Азии начали подниматься почти одновременно. Ныне обе эти нации обрели свободу и в тесном сотрудничестве друг с другом играют выдающуюся роль в антиимпериалистической борьбе народов Азии и Африки.

В день столетия нашего первого национального восстания мы, индийцы, можем лишь еще раз подчеркнуть международный характер традиций нашего освободительного движения. Теперь перед всеми нами еще более широкая и величественная задача — бороться за мир, за мирное сосуществование всех народов. Успех этой борьбы будет гарантией счастья и свободы для всего человечества.

С. Т. Коненков. АВТОПОРТРЕТ.

За скульптуру «Автопортрет» С. Т. Коненкову присуждена Ленинская премия 1957 года.

Ш. А. Айрапетов. ИНДОНЕЗИЯ. В ГОРОДЕ ДЖОКЬЯКАРТА.

КТО УМРЕТ СЕГОДНЯ

Рассказ

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Погожий августовский день едва начал обозначаться, когда они пришли сюда, — на востоке, оборванная ребром кручи, проступала зеленоватая полоска, на воду лег тусклый отсвет. Солнце не могло еще сделать больше, ворочалось где-то за громадой темной земли, горбато выпиравшей холмами в смутное небо. Стояла тишина, только одна немецкая батарея вела беспокоящий огонь — снаряды небольшого калибра шуршали над головой, как осенние утки, коротко, тревожно крякали в лесу под станицей Еланской. Лес не отвечал, все больше закутывался в туман, словно уходил под воду, не желая видеть того, что должно было здесь произойти. Справа, у берега, сумеречно клубились ракиты, над ними низко пролетел ворон, каркнул хриповато, испуганно. Командир, который только недавно вернулся из штаба и почти не спал, проследил за его полетом, сказал устало:

— Копайте глубже, по возможности до центра шарика — будет жарко, я думаю. И ни шагу назад.

— А если невозможно? Мало нас...

— Невозможное на этой войне только для убитых осталось, а нам не досталось... Понятно?

— Понятно.

— Начинайте.

Командир ушел, и три лопаты почти одновременно стукнули в одеревеневшую от зноя землю. Она крошилась, взвивалась дымком, пахла солнцем и гарью. «Попить бы ей!» — будто о человеке, подумал о земле Степан Поздняк, призванный в армию прямо из колхоза. А Константин Стригунов, который окончил два курса сельскохозяйственного института, побывал на практике и после этого разочаровался в специальности, поморщился и сплюнул — поле он любил только за то, что там хорошо было полежать в траве и погулять с девчонкой. Третий, Олег Перелазов, вырос в заводском поселке на севере, и запах жженой степной земли не будил в нем никаких воспоминаний. Все они были молоды: Поздняку девятнадцать, Перелазову двадцать два и Стригунову двадцать четыре года,— и, как говорил старшина, «не прочирикали до конца ни одной песни». Судьба свела их с неделю назад, и Стригунов, увидев худенькое, но свежее лицо Поздняка, на котором под белесыми бровями исходили доверчивостью большие голубые глаза, подмигнул: «Физиономию из сыра с яблоками делал? Он такими любит закусывать!» Под словом «он» подразумевались одиночный фашист, вся немецкая армия и сам Гитлер. «Подавится!» — храбро огрызнулся Степан и покраснел, смутившись. А Перелазов похлопал его по плечу и протянул кисет: «Кури и нагуливай аппетит, а кто из кого винегрет сделает, увидим!» «Вилки песочком почистить не забудьте!» — посоветовал Стригунов.

Сегодня около полуночи роту вывели из резерва на плацдарм. Тот, кто переходил Дон по наспех наведенному мосту, понимал, что идет в пекло,— на голых, без единого кустика высотах были зной, жажда, непрерывные атаки, рев мин и снарядов, визг пикировщиков, от которого шевелились волосы на затылке, свист и пулеметный треск истребителей, словно небо превратилось в парусину и ее одним рывком раздирали от горизонта до горизонта. Но трем солдатам дали особую задачу — окопаться и удерживать небольшую, метров пятьдесят шириной, полоску земли между рекой и кручей, влево от которой уходила в степь высота, оседланная батальоном. Танки здесь пойти не могли, крупная часть тоже, но отчаянная атака небольшого подразделения с целью паники в тылу батальона и отвлечения сил была не исключена.

«Воюйте за тридцать человек,— посоветовал командир,— подкреплений не будет». Об этом они догадывались: батальон, обескровленный в боях, не насчитывал и двух полных рот, да и состав их был разношерстный: в них влились часть солдат из отступавшего в беспорядке полка, тыловики из обоза и необстрелянные резервисты. Вообще части дивизии, форсировав Дон, таяли, как масло на сковородке, и было чудом, что они еще держались... Узнав задачу, Стригунов обрадовался: «Потише будет, да и река рядом!»,— но Олег Перелазов, старожил батальона и ручной пулеметчик, назначенный командиром группы, охладил его: «Там минометы и артиллерия поддерживают, а нас тетя Мотя молитвами из-под Рязани!» «Почему из-под Рязани?» — наивно удивился Степан Поздняк. «Ладно, из-под Тамбова, легче тебе?»

Теперь все трое молча и сосредоточенно работали, стараясь уйти в землю: какая бы она ни была, земля эта, а с рассветом она станет единственной защитой. Иногда в ней обнажались куски мела, похожие в полумраке на кости и черепа, порой, когда лопата натыкалась на камень, под ногами прыгали синеватые искорки, и Стригунов шипел: «Тише, а то сыпанет на звук!» Зеленая полоска в небе порозовела и раздвинулась, начали явственно проступать очертания берега. Перелазов объявил передышку и лег на мокрую траву позади бруствера.

— Курить хочется,— сказал Степан Поздняк.— Нельзя?

— Нельзя, — подтвердил Перелазов.

— Если бы можно, легче было бы.

— Конечно.

— А если под шинелью?

— Не стоит... И вкуса нет.

— Верно, только глаза режет.

— Душа скулит,— сказал Стригунов.— Басню про лисицу и виноград повторяет.

— Чего? — не понял Поздняк.

— Собака перед пожаром воет, душа перед бедой скулит. Зачем на курево сваливать?

— Глупости! — не согласился Перелазов.— В первых боях оно всегда сердце жует, как теленок тряпку на веревке.

— Кто «оно»?

— Ну, вообще... Психология всякая.

— Пояснил!

— А у тебя не скулит? — спросил Поздняк.

— Я не курящий, — уклонился Стригунов.

Для Степана Поздняка этот бой был первым. Он учился в дивизионной школе снайперов, но когда закончил, выяснилось, что на складе не хватает винтовок с оптическим прицелом, а на фронте — рядовых. Теперь он в самом деле томился чем-то непонятным и темным — тем неприятным чувством, которое у каждого свое и потому не имеет общего названия. Это даже не прямой страх смерти, не боязнь раны, а какое-то унизительное ощущение своей малости и бессилия перед лицом гигантской неизвестности. Не по той ли причине перед грозой смолкают птицы, рвутся с привязи лошади, сбиваются в кучу овцы и коровы? Немного легче становилось по мере того, как рассветало; голубые глаза Поздняка из-под выцветших бровей жадно и цепко ощупывали каждый бугорок и ложбинку, каждый кустик и дерево, словно хватались за них, закидывали невидимые якоря, чтобы не оторвало, не унесло черт знает куда, в какое-то ничто. Он не понимал, не сознавал, что это, может быть, последнее для него утро входит в его душу острой и почти мучительной любовью ко всему тому, чему он вчера еще не придавал никакого значения по обыденности,— к солнечному свету, к земле, травам, людям, деревьям, птицам. Будь он постарше, он понял бы, что, если ему суждено выжить, этот неспешный рассвет, этот жалкий окоп с тощей травкой у бруствера долгие годы будут стоять на авансцене его памяти, оттесняя более значительное и яркое, будут до глубокой старости врываться в сумятицу снов, словно выхваченные молнией. Но Поздняк был молод, и его больше всего тревожила смешная мысль, как бы старшие не заметили того, что происходит с ним...

В Джокьякарте

Джокьякарта, небольшой город, расположенный в центре острова Ява, в сорока километрах от берегов Индийского океана, недавно праздновал свое 200-летие. В выставке культурных и экономических достижений, которой была ознаменована эта дата, принимал участие и Советский Союз.

Население города — около 300 тысяч человек. Джокьякарта — один из центров культуры Индонезии. Здесь сосредоточены учебные заведения и культурные учреждения. В городе много студенческой молодежи, съезжающейся сюда со всех концов страны. Здесь живут и работают многие известные индонезийские живописцы и скульпторы.

В центре города — дворец губернатора провинции. Это не одно здание, а ряд расположенных на одной оси квадратных площадей, обнесенных невысокой каменной оградой. На каждой площади возвышается квадратный открытый навес с высокой черепичной кровлей на деревянных колоннах, покрытых золотым резным орнаментом по красному фону. Пол под навесом выложен полированными мраморными плитами. Здесь проводятся официальные приемы, устраиваются театральные представления, танцы, сопровождаемые национальным оркестром, выступления кукольного и теневого театров. Первая и последняя площади свободны от построек и служат для военных парадов. На одной из этих площадей в дни юбилея расположились павильоны международной выставки.

Прекрасное впечатление оставили экспонаты павильонов Индонезии, особенно продукция кустарных художественных ремесел, которые очень развиты в стране. Ремесленники сидели тут же в павильонах, показывая все стадии резьбы по дереву, кости, серебру, а также процесс изготовления батика — полотняной ткани со сложным национальным орнаментом.

Наш советский павильон был сооружен из дерева и бамбука. Все работы по художественному оформлению павильона выполнялись индонезийским обществом народных художников во главе с народным художником Хендра.

Советский павильон вызвал большой интерес. Толпа посетителей бесконечным, непрерывным потоком двигалась через павильон. Вот некоторые из записей в книге отзывов:

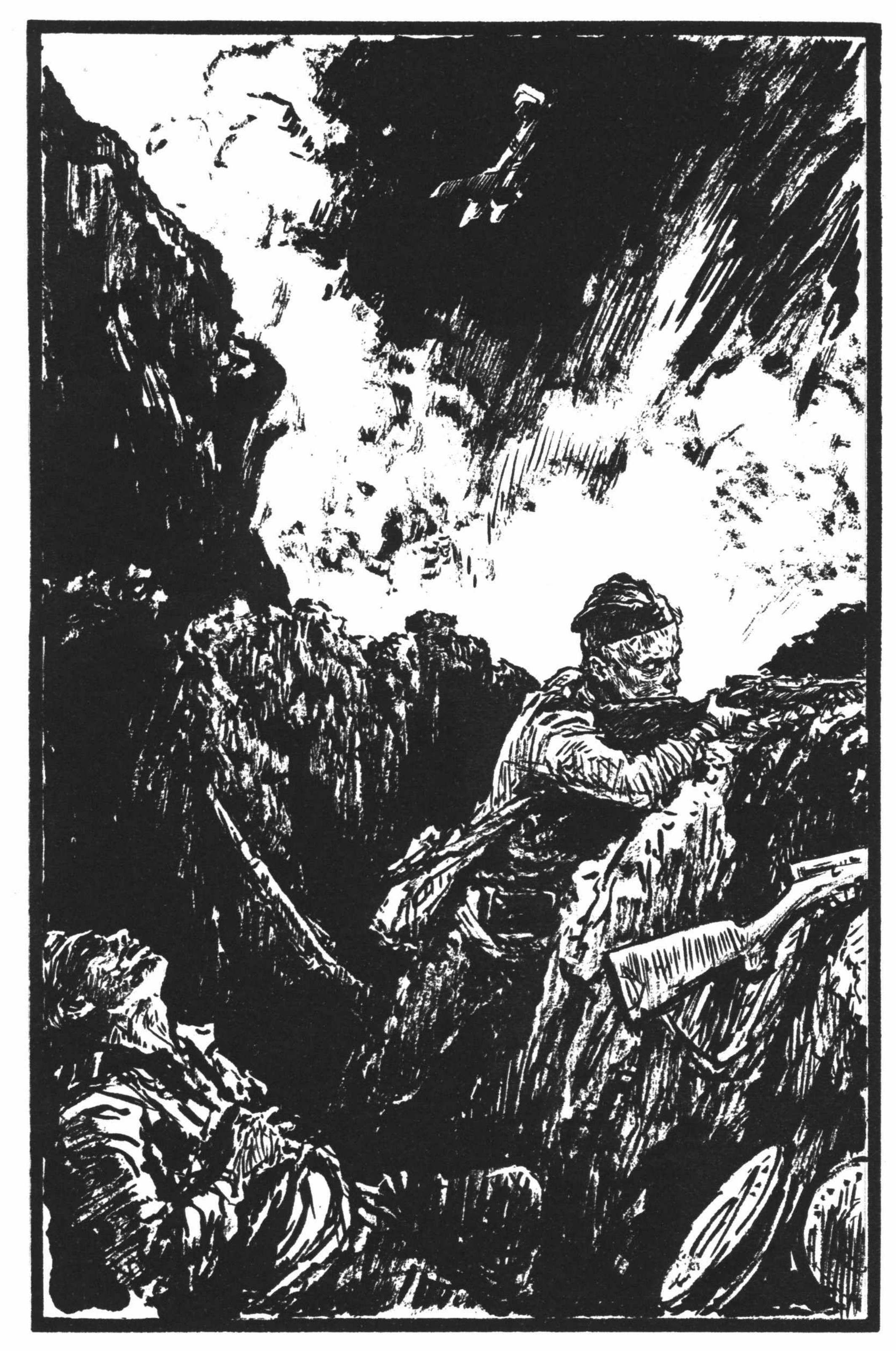
«Все, что мы видели в этом павильоне, мы не забудем и расскажем нашим детям».

«Мое главное впечатление после осмотра павильона: коммунизм может вести народ к счастью. Я надеюсь, что коммунизм будет развиваться на земле в будущем. Все люди хотят мира и счастья».

«Я не успокоюсь, пока не осуществится моя мечта — посетить страну своих друзей. Эта выставка еще более укрепила мое желание ехать в Москву. Ваш друг из индонезийского народа».

«Крепить дружбу Индонезии и России — таков наш лозунг. Надеюсь, что эта дружба будет вечно нерушимой».

Архитектор Ш. АЙРАПЕТОВ.

Когда окоп стал по плечи, Стригунов бросил лопату и сел.

— Ты что? — удивился Перелазов.

— Хватит.

— Ну, ну... Расширить надо. Приказ слыхал?

— Не глухой.

— То-то и оно.

— Не учи, генерал! — усмехнулся Стригунов.— Что ты знаешь? Воюете тут без году неделя, позиция с гривенник... Я в резерве был — копал, в полку был — копал. Двадцатая кожа на руках сходит от этой ковырялки! Полк наш до боя сорок раз перебрасывали с места на место, потом пятились верст тридцать... Знаешь, сколько я прополз на брюхе? Вокруг земного шара, включая океаны. Знаешь, сколько нарыл? Вместе сложить, так в Америку бы голову высунул: «Хау ду ю ду, мистеры!»

— В Америке благодать,— поддакнул Поздняк.— Не бомбят, не стреляют.

— Дура! — усмехнулся Стригунов.— Лучше в Антарктиде, там сейчас весна наступает, прохладно и среди пингвинов мобилизации нет.

— А мы тут! — напомнил Перелазов.— По каше и ложка.

— Тьфу! Крот я или человек? Да и бесполезно: мы копаем, а он гонит и гонит.

— Нервы... Может, закуришь все же?

— Нет.

— Жалко, водки нет, она снимает.

— А я и не пью,— проговорился и покраснел Поздняк.— Тошнит от нее.

— Ты не лезь! — внезапно обозлился Стригунов.— Ты в человеческую жизнь только скорлупу проклевываешь.

— Начиналось бы, что ли,— добродушно усмехнулся Перелазов.— Когда начнется, некогда языки чесать...

Стригунов сжал тонкие губы и промолчал. Он пришел из разбитого полка, пережившего трагедию отступления, почти бегства; немного долговязый и узкоплечий, но с красивым смуглым лицом, на котором играли желваки и нервно поблескивали черные глаза, он считал себя более опытным и умным, чем его товарищи. «Серийное производство,— думал он о них,— монтаж души политруковской отверткой». Политрука роты он не любил, называл его «двуногой инструкцией» и щеголял слышанной по радио фразой об «оригинальной мысли в оригинальной форме». Двое снова взялись за лопаты, а он сидел, смотрел, растирая в пальцах травинку и чувствуя, как поднимается в нем тоскливое раздражение против худенькой спины Степана Поздняка, которой этот мальчишка вознамерился заслонить Волгу, Москву, Урал от немецких танков и самолетов; против спокойствия Перелазова, в котором он видел лишь тупую покорность приказу; против дурацкого клочка земли, который непонятно для чего нужно защищать; против маленькой пичуги, робко посвистывавшей в кустах: «Дура, имеет крылья, а крутится тут...»

Внезапно воздух дрогнул, колыхнулся от залпа десятков немецких батарей; показалось, что там, за гребнем кручи, по высотам бегают великаны в железных башмаках, страшно торопятся куда-то. Очередь снарядов залетела правее окопов, на ничейный склон, видимый из-под кручи,— на рыжей шкуре травы появились темные пятна, словно она в несколько секунд переболела черной оспой.

— Наверное, кого-нибудь из наших уже убило! — огорчился Поздняк.

— А ты думал, тут вечеринка с гармошкой? — окрысился Стригунов.— Подожди, самолеты явятся!

— Ну уж,— не согласился Перелазов,— в окоп бомбой попасть трудно.

— Мало учены, генерал!

— Как сказать!

— Так и сказать... Истребители на бреющем полете пилотки с головы сдувают, пулеметами хлещут, как машина, что улицу моет.

— Так низко? — удивился Поздняк.— Из винтовки щелкнуть можно.

— Щелкни — получишь дырку в голову. Впрочем, у тебя она уже есть, слышу — ветерок просвистывает.

— Нашли время для грызни! — укорил Перелазов.

— Я дите обучаю... Чтобы знало, когда мыльные пузыри пускать, а когда брюхом землю греть.

— Перестать! — тихо приказал Перелазов.

— Главнокомандующему видней, — насмешливо прищурился Стригунов. — Но за что немилость?

— Копаешь себя, как навозную кучу, жемчужное зерно ищешь, — жестко отрезал Перелазов. — Противно...

Стригунов осекся: он не знал Перелазова и удивился неожиданной отповеди, особенно ее форме и тону. Впрочем, Перелазов вряд ли хорошо понимал себя и сам. Его грубоватое, но четко вырезанное лицо с беловатым шрамом на лбу обычно казалось скучным и замкнутым, но тот, кому удавалось задеть его за живое, что было нелегко, редко не раскаивался в этом; он чувствовал сильно, раскрывался внезапно и шел на противника, как танк, обнаруживая и порядочную начитанность и особенно здравый смысл. Есть люди, которые меряют себя теми, кто ниже их, и делают из этого источник гордости и самолюбования. Перелазов был чужд этому и всегда со стыдом вспоминал, как однажды впал в грех самохвальства, и преподаватель сказал ему: «Не надо кудахтать, как курица, которая думает, что снесла земной шар».

В нем была заложена та пружина твердого характера, любви к жизни и ясности мысли, которая развертывается поначалу незаметно, а потом выбрасывает человека далеко вперед, и окружающие удивляются: «Ну, кто бы мог подумать?» Если бы его спросили, за что он воюет, он удивился бы: «Как за что? Ну, за это... за все!» На войне ему было страшновато, но, к удивлению, интересно, а мучительные сомнения, которые порой возникали, подталкивали его только к познанию и не превращались в нашествие тех маленьких червячков-древоточцев, которые с ужасающей неотвратимостью переводят внешне приличный дом на совершенную труху. В нем жил один, цельный, спрессованный из миллионов различных явлений мир — от полногрудой красавицы, которая проводила его к эшелону, от кремлевских стен, которые он видел только в кино, и летней пионерской базы на озере до этого клочка придонской земли, — и он не мог оторваться от него так же, как самый маленький осколок не может оторваться от солнечной системы.

Но если Степан Поздняк считал Стригунова умным, смелым, интересным и готов был по временам смотреть ему в рот, то в Перелазове он видел только спокойного и доброго то-

варища. А все вместе они неслись в микроскопической щели земного шара, не подозревая, что через несколько часов жизнь подведет трагический итог их маленьким, незаметным миру симпатиям, ссорам и разногласиям...

Становилось жарко. В белесом, дымном небе неслись самолеты, похожие на голубоватые крестики, падали к переправе — ее отсюда не было видно,— и там непрерывно раздавались взрывы и хлопки зениток. По реке поплыли оглушенные сазаны и судаки, огромный сом крутился у берега, ошалело вползая на отмель, словно искал спасения на суше. В лесу под Еланской все трещало и дымилось — оттуда, выкидывая пламя, били батареи, и там же рвались немецкие снаряды; ветви деревьев обнажались, в воздухе реял и мельтешил зеленый листопад. С высоты слышался гул моторов и лязг гусениц. Что там происходило? Может, батальона уже нет и танки, как случалось не раз, охотятся по степи за уцелевшими солдатами? Может, они остались втроем на этом берегу и вот-вот их расстреляют сверху, как птенцов в гнезде? Было мгновение, когда один танк совсем приблизился к гребню — откос содрогался, по нему текли струйки земли и катились куски мела. Но лязганье вскоре прекратилось, через гребень хлынул густой, жирный дым, словно сверху фонтанировала нефтяная скважина.

— Хлопнули! — обрадовался Поздняк.

— Не взбрыкивай ногами,— отозвался Стригунов.— Рано.

— Думаешь, еще придут?

— А ты думаешь, закричат «мама!» и побегут к Берлину?

— Видно, отбили их там, затихает...

— Позавтракают и выпьют шнапсу.

— И опять полезут?

— Тебя что, прислали сюда вопросы задавать? Если не понимаешь, ковыряй в носу и жди. Для них этот плацдарм — кровососная банка на боку, к вечеру оторвут.

— Не каркай,— посоветовал Перелазов.

— Я думаю... Можно солдату думать?

— Не пятками... Чешутся, что ли, на тот берег просятся?

— Чтобы взяли как дезертира? Не подходит.

— А что подходит?

— Хорошая деваха в прохладных сенцах и... ну, квас из погреба!

— Тю-ю! — изумился Поздняк.— Нашел время!

— А ты знаешь, что это такое?

— Нет.

— Жаль, помрешь неграмотным.

— Что ты меня хоронишь? — обиделся Поздняк.

— Чувствую, кто-нибудь из нас кончится сегодня...

— Почему же я?

— Кто глупее... Ну, ладно, пошутили! Но, брат, сочувствую тебе, я хоть это от жизни взял,— похвастался Стригунов, радуясь тому, что бой затих, и втайне надеясь, что этим кончится.— У меня до войны была не одна, а потом, еще когда в резерве стояли, разведенка молодая. Пуста, что кувшин на частоколе, воздух внутри гудит, а мне что? Больше молча и обходились... И что это нам, хлопцы, за жизнь выпала? Пятилетки, собрания, соревнования, погулять некогда, а теперь и вовсе прищемило... Карасики в бредне!

— А ты в щуках поманеврировать собирался? — усмехнулся Перелазов.

— А ты?

— Блесен не люблю, да и маловато мне... Я в океан выплывать собирался... в Тихий. И многое прочее.

— Не пустили?

— Война.

— Мечты и так далее, радость, сладость, младость...

— Почему? Кончу и поеду.

— Ого! — удивился Стригунов. В словах Перелазова ему начали чудиться насмешка и оттенок превосходства.— Это еще кто кого кончит! Меня вот во время отступления один соблазнял отстать и в зятья пристать — тот хитрый, выживет. Как думаешь?

— Может быть... Но вонять будет!

— Отмоется!

— Клопа в баню сколько ни води...

— Слушай, ты в самом деле такой идейный или по должности в аршин тянешься?

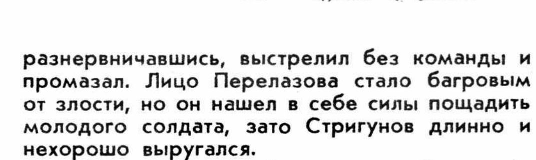
— Догадайся.

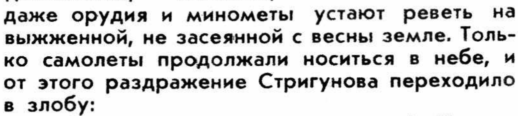
— Не могу... Плакат и плакат!

— Возможно... Я знаю, кто тебе нравится: чувства у них мелкие, вроде просяной шелухи,— ни пальцами ухватить, ни глазом увидеть. По количеству много, а все в щепоть помещаются — вот и копаются, живут в маяте, повизгивают, чтобы внимание обратить: мол, смотрите, какие мы сложные, тонкие... Да?

— Жаль, не место, я бы тебе ответил... Госпиталь далеко!..

«Передерутся, а потом воюй!» — тревожился Поздняк. Но ссора была бессмыслицей и кончилась лишь тяжелым молчанием. Стригунов с отвращением жевал сухарь, Перелазов бездумно смотрел в степь. Солнце поднялось высоко, жгло, казалось, термитным снарядом, нацеленным прямо в голову. Всех томила неизвестность, расслабляла, как теплая вода. Часов около двенадцати снова начался бой на высоте, менее громыхающий, но более длительный,— казалось, даже орудия и минометы устают реветь на выжженной, не засеянной с весны земле. Только самолеты продолжали носиться в небе, и от этого раздражение Стригунова переходило в злобу:

— Они летают, а наших ни одного!.. Хвастались: через полюс летаем... А от смерти сверху ладошкой прикрываемся!

— Правильно, летали! — подтвердил Поздняк.

— Все вовремя хорошо... А то один дядя на пожар солому таскал и так далее.

— Может, для решающего удара копят?

— Байками и утешаемся.

— Правильная мысль,— поддержал Поздняка Перелазов.

— Мысль! Я географию изучал, пять континентов, Гомера читал, а толку что? Слева круча, справа Дон, позади трибунал — простор для мысли, географии и биографии...

— Попался?

— Выходит.

— Ну и не визжи, не поможет... И кому жалуешься?

— Верно. Двум чурбакам.

— Тем более! Если умный чурбаку жалуется, кто он сам? Рассуди...

Странное дело: если бы им сказали, что отсюда, с этого плацдарма, начнется окружение Сталинграда, победа, путь до Берлина, ни один из них не поверил бы. И, тем не менее, связанные нематериальной силой — словом, приказом,— они сидели и ждали, и будущее было для них покрыто непроницаемой завесой. Окончилась и вторая атака. Они не видели ее драматических перипетий, но, судя по тому, что последние выстрелы все еще трещали по краю обороны, батальон удержался. Поздняк, выполняя приказание Перелазова, обновлял маскировку, ползал на брюхе к раките и обратно, Стригунов лежал в окопе, в тени. День переломился, солнце поползло книзу, свет его на бурой траве напоминал топленое масло. Задонье, куда скатывались дым и гарь, подернулось грязной дымкой. В душе каждый начал надеяться, что так день и кончится: посидят они, всеми забытые, до заката, а в сумерках их отзовут.

Но в четыре часа началась третья атака немцев на высоту, и в ту же минуту они увидели метрах в двухстах группу немецких солдат. Они возникли на гривке противоположного склона так внезапно и бесшумно, что казались нарисованными синей краской на фоне голубоватого неба. Впрочем, они тут же исчезли в низкорослом кустарнике — прежде чем добраться до кручи, им надо было пересечь течею, мокрый лужок. Это не обеспокоило Перелазова, потому что перед окопом было метров сто сорок открытого, ровного пространства,— выйдут, и сразу можно огнем пулемета внести поправку в соотношение сил. Но случилось неожиданное: когда два гитлеровца только показались из кустов, Поздняк, разнервничавшись, выстрелил без команды и промазал. Лицо Перелазова стало багровым от злости, но он нашел в себе силы пощадить молодого солдата, зато Стригунов длинно и нехорошо выругался.

— Я нечаянно,— побелевшими губами прошептал Поздняк.

Ему не ответили, но Перелазов сказал Стригунову:

— Ничего... Решат, что пальнул со страху заблудившийся солдат. А сейчас прочешут автоматами... Помолчим.

И в самом деле, автоматные очереди начали стричь траву. Прошло минут пять, тошнотворно длинных,— мера времени сходна только на часах и бесконечно разнится для людей. В такой момент мысли летят, как взбесившаяся лошадь или грузовик без тормозов, потом проваливаются куда-то, и вместо сердца возникает холодная пустота, словно туда сунули мокрую тряпку. Наконец проходит и это, и человек попадает во власть того единственного, что является и мыслью, и чувством, и действием сразу и что может быть выражено в трех словах — убить, чтобы выжить! Этот момент наступил, когда немецкие солдаты, постреляв, покинули кустики, постепенно смелея, но все-таки инстинктивно пригибаясь, пошли: в руках Перелазова затрясся пулемет, часто и успешно стрелял Стригунов. У Поздняка после трех или четырех выстрелов, которые не достигли цели, заело затвор, и он никак не мог перезарядить винтовку. Молодой немецкий офицер, рослый, с непокрытой головой, пытался поднять залегших солдат, но был убит: Стригунов попал ему в сердце. Тогда группа, оставив несколько убитых и раненых, отошла в кустики, некоторое время вела нерешительный огонь, затем все стихло, синие фигурки мелькнули на фоне неба и растаяли.

— Кислая капуста! — жестко сказал Поздняку Стригунов.— Душа в пятки провалилась, да?

— Бывает! — довольный исходом дела, улыбнулся Перелазов.— В первом бою бывает...

— Полезут еще? — спросил Стригунов.

— Они упорные.

— Это верно...

И атака повторилась незадолго до заката солнца. Теперь, когда немецкие солдаты появились на гривке, они показались черными, словно за день обуглились в жаре и огне. Но прежде чем атаковать окоп, они открыли под прикрытием кустов огонь из ротных минометов, и это привело к трагедии, разыгравшейся с непостижимой быстротой... Одна из мин попала в вершинку невысокой ракиты, разорвалась в воздухе, и осколок пробил плечо Перелазову, может быть, повредил легкое. Он ткнулся головой в бруствер, судорожно всхрапнул и начал сползать на дно окопа. «Все! — вихрем пронеслось в голове у

Стригунова.— Безглазая пришла за мной!» Даже в этот момент он не мог отойти от въевшейся привычки мыслить с претензией на оригинальность, она сработала в нем автоматически; и тут же представил себя, растерзанного осколками, скорчившегося и окровавленного, — он видел, как бывает это! — и губы его скривились от мучительной жалости к себе, а руки бессмысленно метались по шейке приклада и затвору. Что толку продолжать эту игру в компании с мальчишкой, который не умеет стрелять? Кому польза, что он помрет? Он цепенел и не слышал, как звал его Поздняк помочь перевязке. «Жить! Жить! Жить!» — кричала, требовала, выла, визжала каждая клетка его тела. Он удивлялся внезапности, с которой все это возникло, не подозревал, что на самом деле с самого утра под скепсисом и раздражением, все усиливаясь, в нем, постепенно и осторожно подбираясь к решению, работала лукавая формула: «Слева круча, справа Дон, позади трибунал... Слева круча, справа Дон...» И когда минометный огонь прекратился, он с бешеной ненавистью посмотрел на худую спину Степана Поздняка, склонившегося к раненому, бесшумно перемахнул бруствер и побежал к кустам — жизнь была только там и нигде больше... Поздняк заметил его исчезновение, когда он был уже метрах в пятидесяти, перепугался, схватил винтовку, бросил, подумал секунды две и вылил остаток воды из фляжки на лицо Перелазову. Тот открыл глаза.

— Стригунов бежит к ним,— почему-то тихо, словно это был еще секрет, сказал Поздняк.

Перелазов смотрел в небо, казалось, готовый впасть в новое беспамятство, но вдруг он сказал отчетливо:

— Стреляй.

— Из пулемета?

— Нет... Патронов мало.

— А если не попаду?

Перелазов не ответил.

Стригунов как будто слышал все, что о нем говорилось в окопе,— он внезапно лег и пополз, огибая мертвых солдат в голубых мундирах и укрываясь за ними. Потом он подумал, что его могут неверно понять и убить из кустов. «Да ведь Перелазова нет, а Степка — размазня!» — обрадовала его мысль, и, поколебавшись еще секунду, набрав для чего-то побольше воздуха в легкие, словно собирался нырнуть в омут, он стал на колени и начал поднимать руки. Тогда Степан Поздняк, вспомнив все, чему его учили в снайперской школе, и до скрипа сжав зубы, подвел мушку под обрез пилотки и выстрелил.

Стригунов ничего не понял и упал лицом в сухую траву.

Из кустов, стреляя на ходу, вырвались солдаты, но, пробежав метров сорок, залегли под пулеметным огнем, который вел Поздняк, затем поодиночке отползли назад. В самом ли деле хотели они прорваться под кручей или отвлекали? Неизвестно. Во всяком случае, на окоп вторично обрушился минометный огонь, а берег начал затягиваться пылью. Каким бы неопытным ни был Степан Поздняк, но и он понял, что наступило то последнее, за которым нет ничего: ни окопа, ни боли, ни заката, ни ночи... Тогда деловито и не спеша положил он шинель под голову Перелазова, неловко скользнул губами по его щеке,— он читал, что так делается,— и проверил запалы в гранатах... А все, что произошло вслед за тем, показалось ему сном наяву, и даже когда окончилась война, это ощущение не покинуло его: с противоположного берега Дона на кустики с минометами обрушили убийственный орудийный огонь. Сами там поняли обстановку или передали по рации из батальона,— он никогда не узнал...

Солнце село.

Сумерки вкатили землю с ее обугленными холмами, искалеченными лесами, усталыми людьми и высохшими травами в оглушительную тишину, и на некоторое время, впервые за весь день, стал слышен единственный голос — голос бегущей воды. На ней, на этой земле, уже не было Константина Стригунова, а до сознания Степана дошли рожденные в муке слова Перелазова:

— Это все равно... Прошел десять метров не в ту сторону — и все равно...

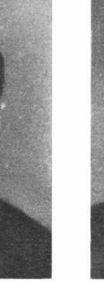
ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

С. Д. БАТИЩЕВ-ТАРАСОВ.

Д. Д. ТОПОРКОВ.

С. В. ГОРЮНОВ.

И. А. КОЧЕРГИН.

В. П. НОСИКОВ.

В. К. ПЯТУНИН.

О. Ф. РОДИН.

Премия присуждена за открытие и разведку железорудного месторождения Сарбайской и Соколовской групп в Казахстане.

Д. И. БЛОХИНЦЕВ.

Н. А. ДОЛЛЕЖАЛЬ.

А. К. КРАСИН.

В. А. МАЛЫХ.

Премия присуждена за создание первой атомной электростанции в СССР.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Именинников было ни много, ни мало — ровно пятьдесят; они заняли несколько рядов в зале. Был испечен традиционный пирог внушительных размеров — метра полтора в длину и соответствующей ширины,— который еле поместился на столе.

— У нас давно стало правилом отмечать день рождения наших воспитанников. А дату мы избираем такую, которая для всех удобна. Дети любят этот праздник,— говорит Вера Арсентьевна Семенова.— Кому восемь в нынешнем году исполнилось, кому шестнадцать или даже восемнадцать,— для всех прекрасный день!

В. А. Семенова, директор киевского детского дома № 13, раскладывает подарки, которые привезли шефы: восьмилетнему Толе Колединуy — ружье, конфеты и детский конструктор; председателю детского совета Вере Евенко — ей уже шестнадцать, и она учится на втором курсе техникума — духи и материал на платье, а Виктору Горшкову — несессер с бритвенными принадлежностями. Виктор возмужал, кончает десятый класс, хорошо говорит по-английски, увлекается музыкой.

Сегодня в гости к детдомовцам приехали и китайские студенты, которые учатся в Киевском инженерно-строительном институте.

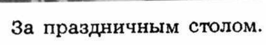
После поздравлений и вручения подарков начался концерт. Но в зале не стало тихо: шуршала разворачиваемая бумага.

— Кто хочет посмотреть, что ему подарили, пусть идет в свою комнату,— предложила Вера Арсентьевна.

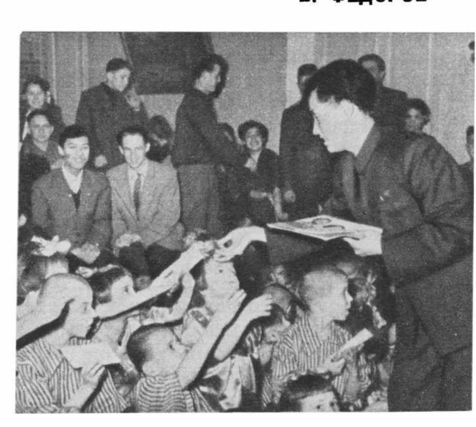
И, вызвав дружный смех всех присутствовавших, ребята быстро убежали. Осмотр не занял много времени, но теперь все было ясно! Концерт можно продолжать.

В. ФЕДОРОВ

За праздничным столом.

Студент Чэнь Дэ-у привез подарки.
Фото Н. Козловского.

ЗАМЕТКИ О ВАРШАВСКОМ ДОГОВОРЕ

Януш ПШИМАНОВСКИЙ,
польский писатель, подполковник Войска Польского

14 мая 1955 года был подписан Варшавский договор. Он выразил мысли почти миллиарда людей: если потребуется, то от агрессии империалистов мы будем обороняться общими силами.

Во второй половине XX века оснащение армий современными боевыми средствами выходит далеко за рамки древнего вооружения арбалетами, пиками и саблями. Для военных целей применяются самые последние достижения науки и неограниченные возможности промышленной техники. Термоядерное оружие, управляемые ракетные снаряды, сверхзвуковая авиация... Это новое оружие неслыханной тяжестью ложится на плечи народов. В американской печати писали, что один аппарат для запуска управляемых снарядов «земля — воздух» обходится в четверть миллиона долларов. Разработка и постройка образца ракетного снаряда, управляемого на дальнем расстоянии, требуют участия 900 научных работников, огромного числа лабораторий, в общем, затрат, доходящих до 2 миллиардов долларов,— это примерно одна восемнадцатая часть государственного бюджета Польши на 1957 год! Да, это очень «тяжелое» вооружение! Не случайно государства Европы, не исключая и Великобритании, подхлестываемые Соединенными Штатами, сгибаются под такой непосильной тяжестью.

Настойчивые усилия Советского Союза и других государств лагеря мира направлены на запрещение оружия массового уничтожения, на всеобщее разоружение, на то, чтобы успехи атомной науки служили жизни, а не смерти. И если, несмотря на упорное сопротивление империалистов, эти усилия все же дают определенные, хотя и ограниченные результаты, этим мы прежде всего обязаны тому, что империалисты чувствуют силу нашего лагеря, силу нашего единства. В своей речи на приеме в польском посольстве в Москве 19 апреля этого года Н. С. Хрущев сказал: «...Дружба в том и заключается — все за одного, один за всех». На защиту суверенитета народного строя и границ даже самого малого из народных государств встанет, если понадобится, весь могучий потенциал обороны стран, подписавших Варшавский договор.

Лагерь социализма, который в 1917 году был обозначен на глобусе маленьким красным флажком, водруженным над революционным Петроградом, сейчас включает до сорока процентов населения земного шара. Он добывает сообща треть потребляемого в мире угля, выплавляет четвертую часть мирового тоннажа чугуна, производит шестую часть всей электроэнергии.

Но не технические данные оборонного и промышленного потенциала определяют важнейшие черты Варшавского договора. Западные генштабисты и политики, сравнивающие его с НАТО, похожи на слепцов, которые ощупью хотели бы понять краски картины.

Да простят мне столь грубое сравнение, но империалистические военные пакты организованы по образцу воровских шаек: атаман подбирает себе помощников перед выходом на «мокрое дело».

Наш же договор — это объединение свободных народов во имя защиты своих домов и полей.

Там, у империалистов, сильный стремится подчинить себе слабого и каждый по мере возможности старается обмануть своего партнера. Даже государства, принадлежащие к числу великих держав, пользуются в недрах НАТО лишь призрачной видимостью суверенности. Вспомнить только, что французов заставили терпеть в Фонтенбло гитлеровского генерала Шпейделя на посту командующего сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе!

У нас же, в штабе Варшавского договора, заседают представители стран разной численности населения и размеров территории, но равных в своих правах. Равенство в нашем социалистическом понятии не сводится к мертвому, математическому знаку. Народы более многочисленные и сильные помогают меньшим и более слабым, как старший брат помогает младшему, поддерживают их советом и материальными ресурсами, ибо у всех этих народов одна цель, к которой они беззаветно стремятся,— социализм.

Мы, поляки, как и соседствующие с нами народы, многое можем рассказать о своем недавнем тяжелом историческом опыте. В нашей стране каждый взрослый человек помнит, как фашистский зверь поочередно захватывал сначала Австрию, потом Судеты, потом Польшу, Норвегию, Францию... В сентябре 1939 года мы одни из первых оказали вооруженное сопротивление ордам Гитлера, но мы поднялись на борьбу, покинутые западными «союзниками», почти безоружные. Ограбленные, лишенные оружия и помощи благодаря преступной политике тогдашнего правительства капиталистов и помещиков, мы потерпели страшное поражение.

Такое положение во второй половине XX века не повторится! Теперь мы не одиноки. Не одиноки и все другие народы, стонавшие под пятой гитлеризма.

Это было за несколько месяцев до подписания Варшавского договора. На всю жизнь запомнились мне первые месяцы 1955 года в Китае...

Утренний туман мелкими каплями оседал на стволе орудия, на стальной палубе катера-охотника. На восточном крае горизонта мокрое солнце разгоняло остатки дымов кораблей 7-го флота США. Вслед за частями десанта Народно-освободительной армии Китая на катере шли мы, польские журналисты, к островам Дачэнь, с которых этой ночью удрали последние чанкайшисты и их американские советники.

Катер подходил все ближе к острову. Все отчетливее было видно истерзанную тротилом землю, черные пятна пепелищ, паутину проволочных заграждений... Через полчаса мы шли по мертвым, безлюдным улицам китайского рыбачьего поселка: пустые глазницы разбитых окон, сорванные с петель двери, трупы расстрелянных рыбаков, остатки убогого скарба, цементные мешки с надписями «Сделано в США».

У китайских моряков — молодых и неустрашимых парней — стояли на глазах слезы.

Мы это очень хорошо понимаем! В 1944—1945 годах и мы вот так же шли с боями в нашу Польшу, рука об руку с воинами Советской Армии, после пятилетнего хозяйничанья на нашей земле гитлеровских захватчиков: нам остались руины и пепелища...

— Вы защищаете наш общий дом,— говорили мы солдатам народного Китая.— Вы — восточная стена нашего общего дома, окна которого выходят на Тихий океан так же, как наши окна выходят на Балтику. Империалисты, нацеливаясь на побережье провинции Чжецзян, угрожают и нашим Куявам или Мазовшу.

Уже несколько дней в Москве ярко, по-весеннему светит солнце. Вчера со своей дочкой я отправился на прогулку по улицам Красной Пресни. Дочурка моя впервые за границей; все ее интересует, все дивно и необыкновенно. Она затащила меня в зоопарк. Дольше всего мы стояли перед клеткой с молодыми медвежатами. Мишки возились, кувыркались, комично размахивали лапами. Рядом с нами стоял мальчик в школьной форме и его отец — майор Советской Армии, коренастый и добродушный крепыш. В воздухе веяло теплом, пахло свежей краской, разогревшимся асфальтом. Неожиданно тут же рядом застучал пневматический молоток: рабочие ремонтировали асфальтобетонную дорожку. Дети не обратили внимания на этот стук, но мы оба одновременно вздрогнули: треск молотка напомнил нам близкую очередь пулемета...

Я посмотрел на лицо майора, и у меня мелькнула простая и четкая мысль: мы оба — солдаты Варшавского договора. И стали мы ими для того, чтобы детям нашим стук пневматического молотка никогда не казался пулеметной очередью.

В МУЗЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИТВЫ

На высоком каменистом берегу, почти у самой Роси, белеет старинный дворец. Ныне здесь разместился Государственный музей истории Корсунь-Шевченковской битвы, завершившейся в феврале 1944 года уничтожением крупной группировки фашистских войск в районе Корсунь-Шевченковского. В музее бережно хранятся документы, рассказывающие о беспримерном мужестве советских воинов, картины мастеров советской батальной живописи, плакаты, вещи, фотографии.

Недавно в музее установлен макет, воспроизводящий картину исторической битвы. Он разместился на 24 квадратных метрах и имеет около пяти тысяч фигур. Макет исполнили художники А. Ф. Демина и К. Ф. Демин. Материал для него собрал заведующий военным отделом музея В. С. Крышовский, который спроектировал макет, давал военные консультации.

На макете отражен последний день битвы — 17 февраля 1944 года в районе сел Шендеровки, Комаровки, Хильков. Большой интерес вызывают не только батальные сцены, но и картины жизни в фронтовом тылу, в полевых госпиталях, жанровые сценки.

Все фигуры на макете объемные.

Г. ЗЛЕНКО

Фрагмент макета.

НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ

Туристы в храме Посейдона.

Евг. ПОПОВКИН Фото А. НОВИКОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Храм Посейдона

Чуть слышно плескалось у берега сине-зеленое Эгейское море, когда мы впервые увидели храм Посейдона.

Сюда, к мысу Сунион, увенчанному пепельно-желтыми руинами храма, приезжают многие афиняне и иностранные туристы.

На несколько десятков километров отдален от Афин этот живописнейший уголок Аттики. По пути к нему можно увидеть необозримые оливковые рощи, изумрудную россыпь кудрявых виноградников, знаменитые серебряные рудники Лавриона...

Платим несколько драхм, проходя узенькие воротца, устроенные в каменной стене. Отсюда крутая тропинка ведет на огромный холм. К его подножию только что подкатили вместительные туристские автобусы. Взбираемся вверх по скользкому щебню вместе с шумной группой француженок; они в простеньких ситцевых платьицах и легких сарафанах.

Да, конечно, здесь, и только здесь можно было воздвигнуть храм богу водной стихии! Многие столетия пережили эти камни, молчаливые свидетели человеческих горестей и радостей, жестокой борьбы рабов и рабовладельцев, византийского и султанского деспотизма.

На одной из колонн храма рукой Джорджа Байрона высечен автограф. Его показывают с гордостью. Греческий народ умеет быть благодарным.

В годы последней войны гитлеровские оккупанты по-своему оценили холм, опоясав его дотами и колючей проволокой.

Вокруг искрилось море. Просторы его были так бескрайны, что фелюги и парусники, бороздившие водную гладь, представлялись игрушечными и словно застывшими на месте. И туманно-лиловый остров Эгина и кажущиеся в предвечернем свете миражем очертания Пелопоннеса лишь подчеркивали ширь, прозрачную синеву, спокойную властность прекраснейшего из морей.

Возле храма стоял приглушенный гул голосов. Переговаривались француженки, усевшиеся с усталым видом на камнях. Рассеянно слушали объяснения гида израильские школьники. Рослые флегматичные супруги, судя по разговору, немцы, неутомимо фотографировали друг друга то над высоким, иссушенным зноем и ветрами обрывом, то на фоне тысячелетних колонн.

Внезапно голоса умолкли. Громадный диск солнца, багрово-золотистый, будто боги-олимпийцы только что раскалили его где-то в исполинском кузнечном горне, стал медленно погружаться в оранжевую дымку.

На лица, на глыбы гранита и мрамора легли красноватые отсветы. Мгновение, и все вокруг: сизо-алые очертания дальних островов, сверкающая, как расплавленная медь, водная ширь, розоватые холмы — все померкло. Потянуло свежестью.

Я оглянулся... Юная парочка, презрев все волшебства природы, застыла в поцелуе...

Смотреть на эту лирическую сценку было куда приятнее, чем на сумрачные следы саперных лопаток, исковырявших священный холм.

Идиллическое настроение, навеянное изумительно красивым закатом солнца, было неожиданно испорчено на обратном пути. За крутым поворотом послышался скрежет металла, визг резиновых скатов. Наш автомобиль едва успел увернуться, чтобы избежать столкновения с пронесшимся мимо «бьюиком». Глядя, как пьяно вихляет, не сбавляя скорости на виражах, эта машина, наш побледневший шофер безошибочно определил:

— Американцы!

Для нас это уже не было в диковинку. За три недели пребывания в Греции насмотрелись мы на изуродованные либо вовсе расплющенные автомашины с американскими номерами.

Видели бары для американских солдат и офицеров, откуда те часто выбирались лишь с посторонней помощью. Видели огромные «джипы» военной полиции, набитые пьяными, дико орущими американскими солдатами и матросами. И не так уж редко попадались на глаза огороженные колючей проволокой казармы и цейхгаузы из гофрированного железа, возле которых прогуливались, посвистывая, американские часовые.

Бесцеремонность американской военщины, куда бы заокеанские стратеги ее ни забрасывали, общеизвестна. Но и «цивильные» американцы, делающие свой бизнес в Греции, держат себя нередко как колонизаторы: оскорбительно высокомерно и развязно.

На салоникской международной выставке бизнесмены из американского павильона прибегли к такому трюку. Они выставили машины-автоматы, изготовляющие мороженое и пончики, и, когда публики собиралось побольше, желающим выдавалось бесплатно по мизерной порции мороженого и по одному пончику. Время от времени в павильоне появлялись девушки: они демонстрировали американские наряды.

Вот что писал греческий журналист А. Андроникакис в газете «Этнос»:

«В Салониках в своем павильоне американцы потерпели провал первой категории. Посетители выставки сравнивают этот павильон с русским и видят, что, во-первых, он беден, хотя американцы затратили на него больше денег, чем русские на свой. Во-вторых, он является обидным для Греции, потому что делает напрасные потуги научить «бедных гречанок» шить платья,— работе, которой они научились от своих бабушек. Павильон США заставляет становиться в очередь детей, старух, стариков, чтобы предложить им пирожок и микроскопическую порцию мороженого. Те, кто их получает, остаются неудовлетворенными, а другие, которых большинство, смотрят на очередь, в которой стоят греки за пирожками, и возмущаются, ибо считают, что подобным образом греки теряют свое достоинство».

Сравнивая американский павильон с советским, Андроникакис отдает предпочтение последнему:

«...Я побывал в Салониках на выставке, видел советский павильон и слышал впечатления большого количества посетителей. Советский павильон удивляет и восхищает даже монахов с Агион-Ороса».

«Требуется грамотный молодой человек»

Нам рассказали о таком эпизоде.

Юноше, который не так давно закончил университет и тщетно искал место, однажды повезло. Приятель, работавший в редакции газеты, дал ему тайком оттиски завтрашнего номера газеты с объявлением: «Требуется грамотный молодой человек». Юноша чуть свет поспешил к конторе, предлагавшей работу, и увидел... длинную очередь таких же, как и он, безработных.

См. «Огонек» № 49 за 1956 год и №№ 3, 5, 14 за 1957 год.

Необычайно сложно для молодежи, да и не только молодежи, подыскать работу в стране, переживающей тяжелое время.

«По официальным статистическим данным,— писал в одной из газет член греческого парламента Илиас Бредимас,— 2 700 тысяч греков испытывают крайнюю нужду: большинство их страдает от безработицы. Из-за экономического кризиса функционирование многих заводов в Афинах и провинции проблематично, и поэтому всюду грозит опасность многочисленных увольнений рабочих и служащих».

Эти строки я прочитал уже после возвращения из Греции. И на память тотчас же пришел эпизод с молодым человеком, тщетно ищущим работу. Вспомнились и рассказы знакомых афинян о тяжелом положении школьников и студенческой молодежи. К сожалению, побывать в греческих учебных заведениях нам не пришлось: было каникулярное время.

— Ничего отрадного мы и не смогли бы вам показать,— сказал греческий журналист, с которым у нас зашел разговор на эту тему.

Ему хотелось бы, конечно, говорить о положении греческой молодежи в более оптимистических тонах. Он и сам не так давно покинул студенческую скамью и, как легко было заметить, самозабвенно любит свою страну.

— Более трети населения у нас неграмотно,— сказал наш собеседник и, поблескивая глазами, воскликнул: — Тысячи детей лишены возможности сидеть за партой!..

Судьба многих ребятишек, достигших школьного возраста, тревожит каждого честного человека Греции.

— Школьников сейчас значительно меньше, чем было до войны,— сказал наш знакомый журналист.— За обучение надо платить и в гимназии и в университете. Никаких стипендий нет... Плата увеличивается вдвое.

Об увеличении платы с 208 драхм до 467 в школах и с 1 270 драхм до 2 тысяч в университетах мы читали также накануне в афинских газетах.

— Семьсот учителей средних школ существуют на взносы учеников,— продолжал рассказывать наш собеседник.— Я знаю школы, в которых на одного учителя приходится по сто учащихся... В помещениях темно, грязно, тесно... Не в счет, конечно, частные, особенно иностранные, школы — англо-американские и французские. Но ведь там могут учиться только дети состоятельных родителей.

Я подумал о подростках и детях, которых видел в ночных тавернах; они зарабатывают тем, что открывают дверцу автомобиля или смахивают с него метелочкой пыль. О детях, торгующих на улицах водой, спичками, фисташками. О детях, не знающих радостей детства... Не родители их повинны в этом!

«Нет мира под оливами»

Однажды, возвращаясь из Патраса, мы остановились в деревушке Переями, чтобы утолить жажду. Подошли к двум пожилым крестьянкам, перебиравшим на улице, возле небольшого белого домика, коринку.

Женщины ответили на приветствие довольно холодно и, вынеся воду, молча продолжали работать.

Наш спутник сказал им что-то по-гречески.

— О! — произнесла старшая и, оставив работу, взглянула на нас пристально и недоверчиво. Потом бросила короткую фразу другой женщине, и та, вскочив, принесла табуретки. Гречанки заговорили негромкой скороговоркой, поглядывая на нас и в чем-то горячо убеждая нашего спутника.

— Приняли вас за англичан,— сказал тот с улыбкой.— А сейчас, узнав, что вы русские, хотят кое-что сказать...

Старшая из женщин, низенькая, в черном платье, с бледным, печальным лицом, слушала его, кивая, затем заговорила снова.

Наш спутник долго и терпеливо разъяснял ей что-то.

— О чем спор? — поинтересовались мы.

Он недовольно махнул рукой, потом сказал смущенно:

— Не следовало бы и переводить... Им втемяшили в головы, что ваша страна угрожает войной миролюбивым людям... И что в трудностях и лишениях, которые испытывают греки, виноваты русские.

Женщины смотрели на нас выжидательно.

Что можно было ответить?

— Они не очень-то верят этой клевете,— добавил переводчик,— но им впервые приходится беседовать с русскими, и они просят передать, что война никому не нужна.

— Она нужна тем, кто создает в чужих странах военные базы,— сказал я.— Советский Союз этого не делает.

Женщина задумалась, потом сказала устало и грустно:

— Как только не обманывают нас! Мы знаем, сколько пролито русской крови, сколько перенесено страданий... Знаем также, что на Кипре нет русских солдат...

Упомянув о Кипре, наша собеседница даже в лице изменилась. Оказалось, что на Кипре живет ее сын с женой и ребятишками. Каждое утро старая мать просыпается с мучительной тревогой за их судьбу.

Она ушла в дом, объяснив, что хочет нам что-то показать.

Стало понятно, почему крестьянки, приняв нас за англичан, оказали столь холодный прием, почему женщины были в черных одеждах и лица их были печальны.

Земля и древние камни Эллады обильно политы кровью. Двух — трех десятков километров не проедешь по Греции, чтобы не увидеть памятника, свидетельствующего о кровавых деяниях иноземных захватчиков и о мужестве, необоримом стремлении греков к независимости.

Мы побывали у братской могилы греческих воинов в Марафонской долине. Здесь, у лучезарного моря, среди вечнозеленых пальм, агав и олеандров, высится земляной холм; в нем погребены мужественные солдаты Афин. Этот священный для греков холм — символ победы эллинской свободы над иноземным деспотизмом.

В долине Аргоса мы видели скромный памятник национальному герою Греции Теодору Колокотронису, боровшемуся против турецкого ига. Видели памятник Иоанну Каподистрия, президенту Греческой республики, убитому в 1831 году агентами Франции и Англии.

Нам вспомнились тюрьмы и крепости Паламиди и Бурдзи, которые мы видели в Навплионе. В этих тюрьмах были заживо погребены тысячи греческих патриотов, боровшихся с венецианским и турецким деспотизмом.

Тысячи греческих патриотов томятся сейчас в тюрьмах и концлагерях на Кипре. Об этом слышали мы, будучи в Греции, каждый день. Услыхали и сейчас, в деревушке Переями.

Старая женщина вынесла из дома пачку листовок и фотоснимков и молча протянула их нам.

На одной из листовок под снимком, запечатлевшим плачущего ребенка, избиваемого английскими оккупантами, было написано:

«Мы, несчастные матери Кипра, обращаемся к вам, свободным и счастливым матерям, у которых дети выросли или растут, с призывом разделить наше горе.

Со страхом мы просыпаемся каждое утро и думаем: «Вернутся ли наши дети вечером?», — и когда запираем на ночь двери, с тревогой задаем себе вопрос: «Будем ли свободны утром?»

Женщины слушали, пригорюнившись и, видимо, не чувствуя, как по смуглым щекам медленно скатываются слезинки. Пальцы их машинально и привычно перебирали коринку, а мысли были поглощены другим.

Листовка заканчивалась горестными словами:

«...Много матерей стоят перед железными дверями тюрем и издали смотрят на своих любимых детей, которых бросили в тюрьму только потому, что они любят свободу.

Матери Кипра».

Навсегда останутся в моей памяти эти простые греческие крестьянки, скорбно задумавшиеся над листками, взывавшими к справедливости и человечности.

Я вспомнил о них, когда видел в рабочих кварталах Пирея и Афин босоногих, чумазых мальчишек с портретами двух кипрских патриотов — Караолиса и Димитриу, расстрелянных на Кипре. Думал об этих печальных греческих женщинах, когда читал в газетах о новых террористических акциях английского генерала Хардинга на Кипре.

Вспомнились мне женщины из Переями и в одно раннее осеннее утро, когда я увидел на афинских улицах усиленные полицейские патрули и бастующих трамвайных и троллейбусных рабочих.

Накануне ночью на Кипре казнили трех юных патриотов. Утренние афинские газеты вышли с подробным описанием казни.

Не без основания опасаясь гнева заключенных, английские оккупанты предприняли на тюремной территории невиданные меры предосторожности. Но в те зловещие минуты, когда осужденных на смерть юношей вели по тюремному двору к месту казни, во всех камерах заключенные запели национальный гимн:

В душе и сердце греков
не угасает чаяние о свободе...

Священник, присутствовавший на казни, сообщил, что юные киприоты держали себя стойко и спокойно. Палачи набросили на их головы черные мешки.

— Присоединение осуществится! — воскликнули юноши. — Ты поплатишься, тиран Хардинг!

— Эносис! Воссоединение!

Никакими угрозами и репрессиями не заглушить английским колонизаторам этот девиз свободолюбивых греков, звучащий со все возрастающей силой в городах и деревушках, на всех островах Эллады.

— Эносис! — кричали греческие школьники на афинских улицах, когда на Кипре расстреляли подростков Караолиса и Димитриу. Афинская молодежь разгромила тогда английские учреждения. На площади Омония про-

В павильоне Советского Союза на международной ярмарке в Салониках.

зошли кровавые стычки с полицией. В деревнях крестьяне встретили весть о казни минутами траурного молчания. На предприятиях вспыхнули забастовки протеста.

Но радио приносит все новые сообщения о массовых арестах, о средневековых пытках, которым английские захватчики подвергают киприотов. Даже английские журналисты пишут, что кипрский ландшафт — колючая проволока и пулеметы...

В Афинах и Салониках, в Патрасе и Волосе, на Крите и Родосе греки, открывая утренние газеты, читают о трагической судьбе своих соотечественников на Кипре. Приговорен к десяти годам заключения девятнадцатилетний Костас Иоанну. Казнен восемнадцатилетний Кристос Кирьяку.

Нет и не будет мира под оливами, пока топчут исконную греческую землю сапоги английских и всяких иных захватчиков!

Мы любим тебя, прекрасная Эллада!

Для многих туристов Греция — это лишь страна древних храмов и разрушенных крепостей, потемневших от времени руин. Это туманно-голубая даль морей, ослепительная синева неба, экзотические ослики на горных тропках и идиллическое пение цикад в садах и виноградниках.

Но сегодняшняя Эллада — живой мир замечательного, мужественного народа, со своими горестями и радостями.

Самое важное, что мы увидели в этой стране и что нам особенно дорого,— это то, что простой народ Греции стоит за мир и дружбу, за деловые и культурные связи с советским народом.

Сколько теплых, приветливых взглядов, искренних, дружеских рукопожатий ощутили мы, встречаясь с общественными деятелями, работниками искусств, скромными тружениками городов и деревень! С радостью видели мы, как горячо приветствует греческий народ каждый новый шаг к возрождению традиционных дружеских советско-греческих отношений.

С явной и неприкрытой злобой встречают это агрессивные круги Запада. Они лезут из кожи вон, чтобы окутать нашу страну туманом лжи, посеять у греков недоверие к советским людям.

В Советской стране побывал греческий журналист П. Палеологос. По возвращении на родину П. Палеологос писал в газете «Вима»:

«Идем по городу... Гид объясняет: «Театральная площадь», «Кремль»... Но мое внимание привлекает не это... Важнее — улица, люди, атмосфера, в которой идет жизнь... Будут ли они оборванцами, запуганными, печальными? Я ищу их, чтобы потом рассказать...

Приверженцы правой ортодоксальности, пусть они мне простят, если я не преуспел в поисках. Я думаю, что это не ошибка искателя. Ответственность ложится на нелепую пропаганду, которая годами говорит об обнищании народа, оставаясь безразличной к тому, что когда-то настанет час, когда ложь будет разоблачена».

За два дня до нашего отъезда из Греции нас познакомили с членом парламента лидером аграрной партии г-ном Балтаджисом. Он недавно вернулся из СССР.

Подвижный, необычайно энергичный Балтаджис встретился с нами в помещении парламента. Пока разливали в чашечки традиционный кофе, господин Балтаджис, свободно владеющий русским языком, спросил:

— Как вам понравилась наша страна?

Мы рассказали о том, что произвело на нас наибольшее впечатление.

— А что вы увидели в нашей стране? — задал я, в свою очередь, вопрос.

— Увидели мы много,— сказал Балтаджис.— Но я скажу о главнейшем. Меня покорила душевная доброта и радушие, гостеприимство русского народа. Это мы ощущали, встречаясь и с руководителями государства и с простыми людьми... Я не заметил у государственных деятелей честолюбия, но увидел стремление поднять благосостояние всего народа. И где бы я с моими друзьями ни был: в Москве, на заводах и улицах Челябинска, в колхозе,— всюду я видел, что люди работают. Это очень, очень важно!.. В вашей стране сделано все, чтобы каждый человек был на высоте своего назначения...

Беседовать с господином Балтаджисом, одним из крупнейших общественных деятелей, организатором и руководителем кооперативного движения в Греции, было весьма интересно. Но мы уже готовились к отъезду.

Но Балтаджис настоял на том, чтобы мы еще побывали на кооперативных предприятиях в Афинах.

В течение нескольких часов неутомимый и необычайно гостеприимный Балтаджис показал нам склады фирмы «Кидеп», закупающей у крестьян сельскохозяйственную продукцию, повез нас в главное управление фирмы, затем представил руководителям Всегреческой федерации земледельческих кооперативов, охватывающей шестьсот тысяч семейств, показал магазины кооперативов.

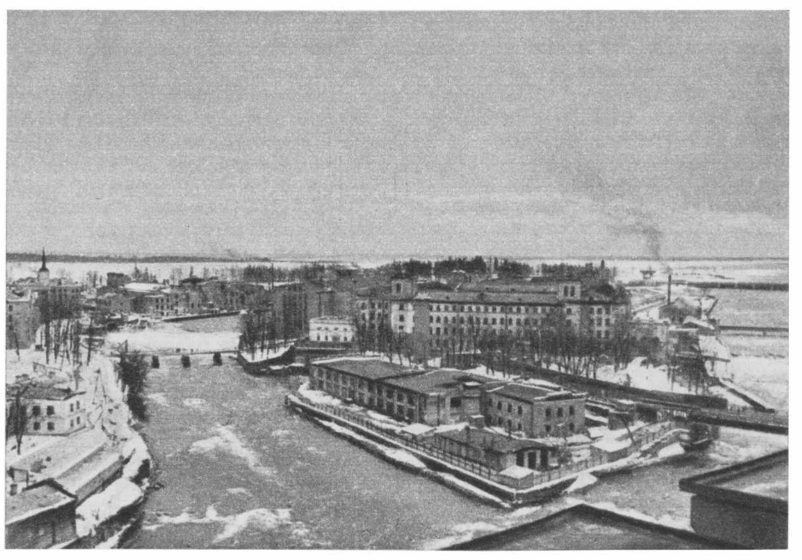
Везде мы встречались с самым доброжелательным отношением к нашей стране.

— Нам хочется расширить связи с Советским Союзом,— говорили греческие кооператоры.

...Сейчас, когда прошло уже некоторое время после нашей поездки в Грецию, я перебираю в памяти все встречи и думаю о том, что там, в далекой Элладе, у нас осталось много хороших, искренних друзей.

И мне хочется сказать и крестьянской семье табаководов из села Панарити, расположенного близ города Навплиона,—Константиносу Карахалиосу и его жене Катине,— и виноградарям из горной деревушки Земено, и композитору Андреасу Незеритису, и поэту Яннису Рицосу — всем честным и трудолюбивым греческим людям: каждый, кто побывал у вас в гостях, не может не испытывать глубокого уважения к вашему народу. Народу, пережившему тяжелые времена, но сохранившему такие драгоценные качества, как жизнерадостность, гордость духа, страстную ненависть к тирании.

Мы искренне любим вас, друзья! Любим прекрасную Элладу и ценим ваши горячие симпатии к нашей стране.

Кренгольм. Фото С. Розенфельда.

СТО ЛЕТ КРЕНГОЛЬМСКОЙ МАНУФАКТУРЕ

Константин Николаевич Йыгистэ, заместитель заведующего Староткацкой фабрикой, может рассказать всю столетнюю историю Кренгольма почти как очевидец: его дед Тоомас Агер работал на Кренгольме больше пятидесяти лет чесальщиком и помощником мастера, мать, Анна Йыгистэ, сорок лет была здесь ткачихой, и сам Константин Николаевич работает уже почти тридцать лет (если не считать годы фашистской оккупации, которые Константин Николаевич просидел в Таллинской центральной тюрьме).

Дед Тоомас помнит, когда на месте могучих кренгольмских корпусов еще стояли мельницы, лесопилки, лубяные и кожевенные мастерские: они гнездились тут потому, что сама природа снабжала их бесплатной силой. Буйная и порожистая Нарова дробится здесь на рукава и стремительно бросается вниз с уступа плитняковой скалы, образуя мощные водопады.

Среди сверкающей радугой водяной пыли, в грохоте, заглушавшем строительный шум, 12 мая 1857 года рабочие, нанятые товариществом богатых купцов, заложили прядильные и ткацкие корпуса будущей текстильной мануфактуры. Строили быстро — год спустя уже были пущены первые восемь тысяч веретен. Потихоньку всех купцов подмял один — Кноп, и про него рабочие сложили поговорку: «Что ни церковь, то поп, что ни казарма, то клоп, что ни фабрика, то Кноп». Кноп вскоре стал владельцем ста двадцати двух фабрик.

Условия работы на Кренгольме были самые тягостные. Нарвские ткачи стали застрельщиками забастовочного движения в России в прошлом веке: в 1872 году здесь происходила крупная забастовка. Руководил ею революционер-рабочий Василий Герасимов, за что, отбыв срок наказания в Крестах, был сослан на каторжные работы и вечное поселение в Сибирь, где и умер в 1892 году.

К. Н. Йыгистэ и депутат Верховного Совета ЭССР ткачиха Эрмина Мяэ пришли посмотреть на монтаж нового оборудования.

Мальчиком на побегушках работал в эти годы на Кренгольме Федор Афанасьев — будущий «Отец», большевик, один из руководителей иваново-вознесенской стачки 1905 года. В дни первой кренгольмской стачки он был связным у забастовочного комитета.

На ткацкой фабрике до сих пор хранится станок ткачихи Амалии Крейсберг — члена РСДРП, выборного старосты рабочих, их руководительницы в революционные дни 1905 года, замученной в Ямбургской тюрьме в 1906 году.

Многие из старой гвардии Кренгольма помнят эстонских большевиков Виктора Кингисеппа и Яна Анвельта — вожака нарвских рабочих в Февральской революции...

Во время Отечественной войны фашисты разрушили Кренгольм.

А теперь здесь выпускается в пять раз больше тканей, чем в самом богатом за всю досоветскую историю Кренгольма 1913 году. Комбинат делает поплин, миткаль, сатин.

Полным сил вступает обновленный Кренгольм в свое второе столетие.

Н. ТОЛБАСТ

ДЕЛО О ПРОПАВШЕЙ КОЗЕ

Рассказ

Яков ВОЛЧЕК

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

В воздухе, казалось, еще стоит яростный рев. Эхо, удаляясь к остроконечным вершинам, повторяло звук выстрела. В действительности же не было ни рева, ни выстрелов. Секунду назад все кончилось. Медведь лежал, уткнув морду в камень. Степан Бурунц шел к нему, держа в руке двустволку, и деловито прикидывал: «Столько-то мяса, столько-то сала да еще шкура...»

Степан ловко освежевал медведя и стянул шкуру солдатским ремнем. Взвалив ее на плечи, он стал спускаться с горы. Кривые крепкие ноги уверенно переступали с камня на камень. Он не торопился, не убыстрял хода на спусках и не замедлял на подъемах. Потому что, когда человек устал, самое главное не сбиваться с ритма. А ведь еще должно хватить силы добраться до деревни, выпросить, применяя всевозможные дипломатические ухищрения, лошадь у председателя колхоза, вернуться обратно в лес, разрубить на части медвежью тушу, погрузить мясо на телегу и привезти домой. И только после этого можно будет отдохнуть...

— Открывай, Аспрам! — кричал он несколько часов спустя, подъезжая на телеге к дому. — Все кончено. Могу отдыхать.

Молодая женщина застенчиво улыбнулась ему. Он ввел лошадь во двор. Все остальное сделает Аспрам: выгрузит мясо, отведет коня в колхоз, сдаст телегу.

Но тут он увидел, как Аспрам, неловко раздвинув локти, старается удержать груду костей, и ему стало жалко жену.

— Ладно, — пробормотал он и, отстранив ее, принялся таскать мясо в кладовку. Жена весело поглядывала на него. Пучок у нее на голове распустился, черная коса упала на спину. Глаза, еще более черные, чем волосы, щурились и смеялись. Он вспомнил, как год назад к нему пришла бабка-колхозница из дальнего селения Мшак.

— Есть одна Аспрам, — объявила бабка, — сама белая-белая, точно сахар, волосы черные, как ночь. Каждый глаз такой! — Сваха растопырила пальцы. — Коса вот такая! — Бабка опустила руку к своему каблуку. — Молодая, двадцать два года, веселая, умеет петь, дочка бригадира... О чем ты думаешь?!

Что ж, бабка все правильно описала. И, любовно поглядывая на жену, он усердно перетаскивал мясо.

— А коня, наверно, уже я отведу? — играя глазами, спросила Аспрам.

Но ему опять стало жалко жену.

— Чего уж там! — буркнул он и, вскочив на телегу, выехал за ворота.

В общем, надо признать, что он женился удачно. Разница в четырнадцать лет между мужем и женой казалась ему нормальной. Он учил и воспитывал свою красивую жену на каждом шагу, словно ребенка. «Осторожнее!» — негромко предостерегал он, если за обедом Аспрам принималась размачивать сухарь в супе. «Теперь, Аспрам, скажи хозяевам спасибо», — вполголоса подсказывал Бурунц, если они находились в гостях. И молодая женщина поднималась из-за стола, благодарила, едва приметной гримасой давая понять присутствующим, что все это не всерьез, а только игра, в которой она охотно выполняет порученную ей роль...

Настоящую усталость Степан Бурунц почувствовал, возвращаясь домой из колхозной конюшни. Он шел под палящим солнцем, невысокий, приземистый, скуластый, дочерна загорелый, с узенькими прорезями глаз. Разомлевший и потный, в рубахе с расстегнутым воротом, без милицейской формы и фуражки, которые придавали ему бравый, даже воинственный вид, он был очень похож на колхозного чабана.

Аспрам жарила яичницу из шести яиц с помидорами. Сковорода весело шипела. Но прежде чем приняться за еду, он пошел в сад и в арыке, протекавшем вдоль границы участка, вымыл ноги ледяной родниковой водой.

Свалившись на тахту, покрытую свежей простыней, нежась в прохладе выбеленной комнаты с занавешенным маленьким оконцем, он, перед тем как заснуть, успел подумать: отчего ему так хорошо?

— Аспрам, — блаженно выговорил он, — кажется, мне на этот раз значок дадут...

— Спи! Значок ему надо...

— Потому что за полугодие нет ни одного нераскрытого преступления. Будет у тебя муж первый во всем районе с такой наградой — «Отличник милиции».

Он хотел еще сказать, что значок дается за службу честную и беспорочную, но не успел: заснул.

Ему казалось, что он совсем и не спал. Только закрыл глаза — и сразу услышал голос Аспрам. Жена разговаривала с кем-то по телефону.

— Да он не подойдет, он спит! — задорно кричала Аспрам в трубку телефона, висевшего на стене. — Интересно вы рассуждаете! Участковый уполномоченный не человек, да? Вы его к лошади равняете! Потому что только лошадь без отдыха...

Бурунц прошлепал босыми ногами по полу и отнял у жены трубку. По дороге успел взглянуть на часы: четверть второго. Значит, поспал все-таки полтора часика...

Звонил кузнец Саядян из самого дальнего села Доврикенд. В Доврикенде случилось происшествие: у колхозника Амо Вартаняна ночью увели козу.

— Кого подозреваете? — сипло спросил Бурунц, почесывая одной ногой другую.

Голос в трубке, помедлив, ответил:

— Подозревать, конечно, можно будет все того же Норайра...

— Ладно, сейчас к вам выезжаю.

Подсев к столу, Бурунц на секунду задумался. Не вовремя это происшествие. Дали бы хоть благополучно закончить полугодие. А впрочем, может, все к лучшему? Дело пустяковое, оно ничему не помешает. Бурунц быстро написал рапорт о случившемся в районное отделение милиции. Завтра можно будет сообщить о раскрытии кражи. Сегодня рапорт — завтра разоблачение преступника. Конечно, тут замешан этот проклятый Норайр...

Переодеваясь, Степан Бурунц менялся на глазах. С каждой новой деталью служебного облачения оставалось все меньше и меньше от колхозного чабана, зато все больше становилось властного, уверенного в себе государственного человека. Он начал с фуражки, которая сразу придала солидность и официальность его заостренному, обожженному солнцем лицу. Даже узенькие простодушные глаза казались из-под этой фуражки властными и проницательными. Надел гимнастерку и брюки-галифе—фигура приобрела подтянутость. А когда он, прицепив к поясу пистолет в кобуре, натянул начищенные до сияния хромовые сапоги, то сразу приобрел вид прирожденного кавалериста, которого, как известно, ничуть не портят, а даже украшают кривые ноги.

Между тем Аспрам уже седлала во дворе гнедого коня.

Гнедой, застоявшийся в конюшне, перебирал тонкими ногами, нетерпеливо бил хвостом. Бурунц приложил на секунду ладонь к его теплым шелковистым ноздрям, потом легко вскочил в седло. Ему хотелось поцеловать жену. Но теперь, когда он был в форме, это показалось неудобным. Он только опустил вниз руку, Аспрам взяла его указательный палец своей мягкой ладонью и сжала.

— Приезжай скорее, — жалобно попросила Аспрам.

И он поскакал, не оглядываясь, по деревенской улице.

Дорога в Доврикенд шла все вверх и вверх. Степан видел вдали деревню и свой дом, а внизу, прямо под собой, ленту дороги. Последнее, что ему удалось увидеть перед тем, как он завернул за огромный выступ скалы, были два аиста, садившиеся на крышу. С такого расстояния он уж и не взялся бы определить, чья это крыша.

Теперь он поднялся примерно на полкилометра выше лесной полосы. Отсюда начинался пологий спуск — выжженные солнцем камни. Деревья были далеко внизу. Но как только Бурунц подъехал к ним, он сразу увидел каменные строения Доврикенда. Потянуло дымком, послышался собачий лай, прокричал осел.

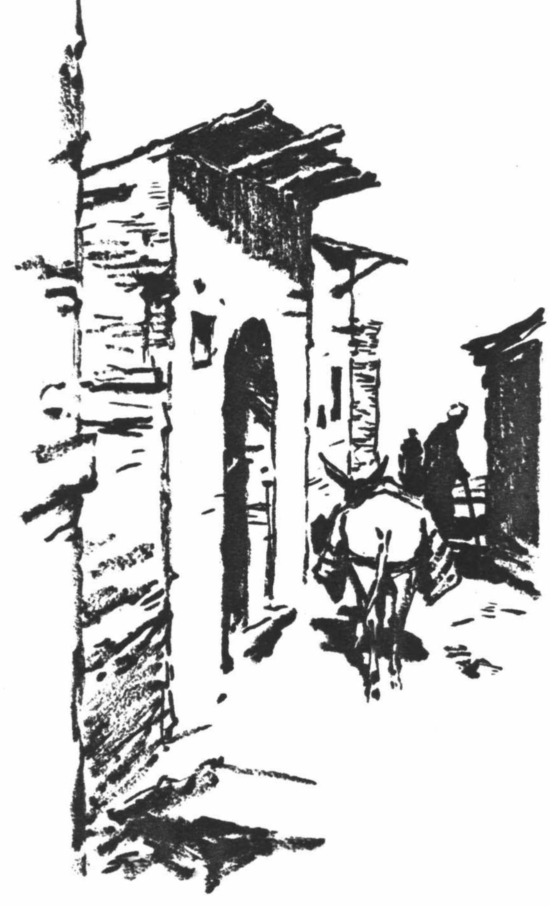
Село прилепилось к склону горы. Приземистые темные домики Доврикенда словно разбежались, чтобы захватить в кольцо неведомого врага, но порыв иссяк, и они застыли над пропастью, образовав полукружие.

Колхозники Доврикенда сеяли хлеб на плато, а воду брали в реке на дне ущелья. И целый день они, словно муравьи, сновали взад и вперед по склону горы. А почему их далекие предки поселились в таком неудобном месте, теперь уже никто и не знал...

У въезда в село Степан Бурунц спешился. На тесных уличках Доврикенда из земли тут и там торчали камни, ходить и ездить надо было с осторожностью.

Кузнец Саядян встретил участкового уполномоченного возле колхозной конторы. В помещении было пусто. Все уехали на поля.

Молодой рослый кузнец только недавно демобилизовался из армии. Он был в солдатской рубахе с подвернутыми до локтя рукавами, от него пахло дымом и кожей. Он улыбнулся,

и сразу стало видно, что у него нет одного верхнего зуба — выбил молотком. Кузнец ухитрился извлечь из этого пользу: в образовавшееся между зубами отверстие он вставлял папиросу, и та держалась во рту без помощи пальцев даже когда он говорил...

Взяв у гостя уздечку, Саядян повел коня по улице, рассказывая о происшествии. На ночь колхозник Амо Вартанян поставил козу за ограду, утром хватились — козы нет.

— Кого подозреваете? — опять спросил Бурунц.

Саядян задымил, подумал, как будто он еще не высказывал на этот счет своего мнения, но ответил твердо:

— Норайра, конечно.

— Жаль, что в колхозе никого нет. — Бурунц поморщился. — Надо бы узнать, сколько трудодней у этого Норайра...

Кузнец полез в карман и вытащил бумажку — оказывается, он уже позаботился: Норайр и его мать заработали меньше трудодней, чем любая другая семья.

— Отдохнуть, умыться с дороги? — предложил Саядян, останавливаясь у калитки своего дома.

Бурунц отклонил это предложение. Ему хотелось поскорее все закончить и вернуться домой. Кроме того, он злился, что происшествие случилось именно сегодня, когда он так устал.

— Прежде всего надо посетить потерпевших, — распорядился он.

Дома у потерпевших никого не оказалось, кроме старой бабки. Бабка сразу, как только увидела милиционера, напустила на себя горестный вид, принялась охать и вздыхать. Уж такая была коза, что лучше другой коровы! И молочная, и послушная, и умница. Как жить теперь? Бабка хлопала себя ладонями по пухлым бокам и без устали причитала: другие машину «Москвич» приобретают, а ее несчастный сын Амо только все теряет и теряет. А ей, бабке, не нужно и «Москвича», только бы вернуть свою умницу-козу, если, конечно, она еще жива. А нет, — пусть деньгами отдают...

Кузнец прервал ее причитания.

— Что там «Москвич»! — насмешливо прищурился он. — Такую козу только лишь к «ЗИМу» можно приравнять!

Степан Бурунц не терпел, когда во время расследования кто-нибудь позволял себе шутки. Никогда не нужно мешать потерпевшему выражать свои чувства. Вот такие, казалось бы, никчемные причитания иной раз могут умного работника навести на след. Но в причитаниях бабки, пожалуй, не было уж вовсе никакого смысла. Да и вообще на Бурунца неприятно действовали всякие преувеличения.

— Успокойтесь, мама, — холодно сказал он. — Кого подозреваете?

Бабка заюлила. Кого можно подозревать? Все здесь соседи, все хорошие люди. Но под конец шепотом объявила, что козу наверняка увел Норайр. Она погрозила кулаком в сторону дома, где жил вор. Пусть никогда не будет счастья ни ему, ни его детям, ни его внукам и правнукам! Такую козу увести — нет у людей ни стыда, ни чести.

Бурунц не стал больше слушать. Он велел Саядяну отвести гнедого на конюшню. К Норайру он пойдет один, помощники ему не требуются. Объявляя такое решение, Бурунц смотрел в сторону и говорил с подчеркнутой отрывистостью. Дело было в том, что он поступал неправильно и хорошо знал об этом. На место происшествия лучше идти вдвоем. Но Бурунц считал это дело пустяковым. И ему хотелось, чтоб все знали: кражу раскрыл он один!

Кузнец обиделся, но возражать не стал. Ушел, выпустив на прощание облако дыма.

Норайр жил у самого края пропасти. Участковый уполномоченный долго стучал в глухую калитку, которая вроде печной заслонки виднелась в высокой каменной ограде. Но из-за ограды никто не отзывался.

Тогда Бурунц толкнул калитку и с удивлением отметил, что она не заперта. Во дворе, возле арыка, безмятежно играли двое грязных мальчишек, а на каменных ступеньках, ведущих в обросший мхом домик, развалился паренек лет шестнадцати — семнадцати. Он дымил самокруткой.

— Что вы, стука не слышите? — с обидой спросил Бурунц.

Он не стал здороваться. Уже не первый раз приходил он в этот дом и давно решил, что на проживающих здесь людей не стоит тратить хорошие человеческие слова. Они этого не понимают.

Парень, развалившийся на ступеньках, тоже не поздоровался. Не меняя позы и даже не взглянув на Бурунца, он насмешливо крикнул:

— Мама, насчет козы!..

Это и был Норайр.

Несколько лет назад Бурунц отправил его в колонию для малолетних преступников. Думал, выправится парень. Очень уж всем надоели его выходки. Как где что пропадет, все знали: это Норайр! Так нет же, не исправился. Увезли мальчишку куда-то на Кубань. Вернулся он в село еще более дерзким и одичавшим.

Вон как развалился! Не смотрит, курит. Степан Бурунц терпеть не мог, когда курили мальчишки. Приказал:

— Брось самокрутку!

— Воспитатели! — с ненавистью и презрением процедил Норайр и выпустил длинную струйку слюны. — Воспитывают они меня, чтоб я, понимаешь, паинькой был...

Бурунц не знал отца Норайра. Но односельчане вспоминали, что он был степенным человеком. В сорок третьем пошел на войну — и не вернулся. Жена его Маро целый год рыдала, рвала подушки. И вдруг, в разгар этих рыданий, односельчане заметили, что она беременна. С тех пор она только и делала, что рожала детей. Дети были до того непохожи друг на друга, что каждый понимал: они от разных отцов. Маро в колхозе работала плохо: то в город уезжала, то еще куда-нибудь. Двор ее был полон плачущими, замурзанными, полуголыми мальчишками и девчонками всех возрастов. Колхозники, а особенно колхозницы, и за глаза и в глаза осуждали такой образ жизни. С Маро никто не дружил, а если она приходила к соседям занять для детей картошки или хлеба, то ей давали что было нужно, но в разговоры не вступали. В последнее время она уже молча появлялась на пороге и протягивала миску. В Доврикенде говорили, что Норайр недолюбливает своих братьев и сестер и что с одобрения матери иной раз поколачивает их.

— Да, верно, я насчет пропавшей козы, — подтвердил Бурунц, оглядывая захламленный двор.

В это время из дому вышла Маро — костлявая, растрепанная, с грудным ребенком на руках. А за ними посыпались детишки постарше. Во дворе стало тесно от детей. И все уставились на участкового уполномоченного.

— А что еще насчет козы? — низким рассудительным голосом начала Маро. — Неужели при любой пропаже виноват мой сын, лучше бы он умер, не дождавшись этого дня! Сколько людей живет в Доврикенде, и можно подумать, будто Норайр всех хуже! Ну, пропала коза, а при чем мы?

Она говорила и вопросительно поглядывала на сына. Норайр свистнул, и она умолкла, испуганно оглянувшись.

«Вот кто здесь хозяин!» — подумал Бурунц.

— Значит, так, — начал он официально, — у колхозника Амо Вартаняна ночью пропала коза...

Норайр не стал слушать. Лениво поднялся и пошел по ступенькам наверх. Бросил окурок. На лестничной площадке остановился и прищурился:

— И вы хотите узнать, где коза?

— Да, хотелось бы.

Мальчишка стоял теперь возле керосинки, на которой стояла огромная кастрюля. Он снял крышку — по двору разнесся запах вареного мяса. Дерзко глядя на участкового уполномоченного, Норайр секунду или две демонстративно подержал в воздухе крышку, а затем, ни слова не говоря, опять закрыл кастрюльку. Бурунцу показалось, что мальчишка при этом нагло подмигнул ему.

— Надо, значит, понимать, что у вас там коза варится?

— Как, мама? — спросил сверху Норайр. — Что у нас варится? — Он не дождался ответа от испуганной Маро, потянул носом воздух и несколько раз утвердительно кивнул головой. — Конечно, коза!

Бурунц пошел наверх. А следом за ним по ступенькам поползли дети. Шествие замыкала Маро, прижимающая к груди младенца. Бурунц приподнял крышку. В кастрюле, бесспорно, варилось мясо. Козье мясо, уж на этот счет он не мог обмануться!

Норайр с прежним наглым и насмешливым видом прошел в комнату и, оглянувшись на участкового уполномоченного, приподнял деревянную крышку над большим оцинкованным ведром. Бурунц заглянул в ведро. Оно было доверху наполнено кусками мяса. И опять никакого сомнения, что это—козье мясо. Оставалось только удивляться наглости этого мальчишки!

— Так вот, дорогие хозяева, придётся протокол писать.

— А что ж, пишите! — Норайр пожал плечом и с любопытством стал смотреть, как участковый уполномоченный раскладывает на столе бумагу и отвинчивает свою автоматическую ручку.

Маро попыталась было что-то сказать, но сын снова коротко присвистнул. Дети сгрудились вокруг стола. Самый маленький уцепился ручонками за хромовый сапог Бурунца.

Степан попытался высвободить сапог из цепких рук младенца. Ничего не получилось. Веснушчатый мальчик, пыхтя и сопя, устроился на носке сапога. Добившись своего, он счастливо засмеялся.

Слегка покачивая ребенка на ноге и надеясь, что никто этого не видит, Степан Бурунц принялся писать протокол. Его возмущало беспримерное нахальство Норайра, и потому он не жалел красок. «Вот отправлю его снова года на три, — думал Бурунц, — надо избавить колхозников от ворюги!» Но мальчишка, покачивающийся на кончике сапога, располагал на более мирный лад. «Безотцовщина!» — хмурился Бурунц. Он удивлялся, с какой легкостью удалось раскрыть кражу. Поведение Норайра можно было расценить как признание. И участковый уполномоченный, будучи человеком справедливым, не забыл упомянуть об этом. Он занес в протокол описание ведра, в котором было сложено примерно восемь — десять килограммов мяса — козьего, как признал сам обвиняемый. Описал и кастрюлю, в которой мясо варилось.

Закончив, он прочитал протокол вслух. По временам он останавливался и сурово глядел на Норайра. А Норайр согласно кивал головой: «Все правильно!»

— Теперь подписывай. — Бурунц пододвинул ему протокол и дал ручку.

Однако Норайр ручки не взял, а бумагу отодвинул обратно.

— Почему я должен подписывать?

— А кто же?

— Пусть подписывает тот, кто увел козу.

Он глядел прямо в глаза участковому уполномоченному и откровенно смеялся.

— Так ты, именно ты и увел! Сам только что признался, что все правильно. И мясо у тебя в ведре, да и в кастрюле. Что дурака валяешь?

Норайр развинченной походкой подошел к ведру, вытащил кусок мяса и стал внимательно его рассматривать.

— Вот, гляжу, — он с издевательским удивлением поднял вверх брови, — и нигде на мясе не написано, что коза принадлежала Амо Вартаняну...

— Ты не дури! Ты мне здесь спектакля не разыгрывай! — грозно оборвал его Бурунц. Он снял ребенка с ноги и встал.

— Козу украл ты!

— А это еще надо доказать.

— Докажем. Вот перед нами мясо...

— Мама, — позвал Норайр, — сколько в городе ты отвалила за это мясо? Почем кило?

Женщина зашевелила губами:

— В городе... вчера ездила... купила сразу пуд. Что, думаю, семья большая... Лучше сразу побольше... И купила...

— Ладно! — Бурунц изорвал протокол и погрозил пальцем. — Я вас выведу на чистую воду.

Он пошел во двор. Следом двинулись Норайр, Маро и все дети. Бурунц осматривал все углы и закоулки. Хозяева не отставали от него ни на шаг.

— Когда ты увел козу, — Бурунц упрямо склонил голову набок и холодно взглянул на преступника, — то приволок ее к себе во двор. Вот на этом месте ты зарубил ее топором. Видишь, земля тут вскопана. Верхний слой, смоченный кровью, ты собрал и куда-то бросил. На земле следов, значит, не оставил. Все у тебя предусмотрено. Ладно. Где у вас топор?

Норайр с интересом слушал участкового уполномоченного. Блеснув черными глазами, он — юркий, мускулистый — охотно пошел за топором. Металл был начищен до сияния. На топоре не обнаружилось ни капельки крови.

Бурунцу не удалось скрыть своего разочарования.

Норайр засмеялся:

— В отношении топора — ошибка. Удобнее, например, вот таким ломом забить... — И он ткнул ногой лежащий у бочки ломик.

— Значит, признаешь?

— Кто? Я? — Норайр даже расплылся от удовольствия при таком наивном вопросе. — Это же мы с вами говорим теоретически... Доказать надо!

— Хорошо. — Бурунц на секунду задумался. — Придется лишь только узнать, куда ты девал рога и копыта...

Край двора обрывался прямо в пропасть. Бурунц пошел туда по дорожке, протоптанной среди травы. Норайр последовал за ним. На ходу обернулся, грозно свистнул. Маро и все дети отстали.

Огромный камень, сидящий глубоко в земле, выдавался над пропастью. Держась за камень, Бурунц глянул вниз. Глубина тут пятнадцать — двадцать метров. Нечего было и думать о том, чтобы спуститься без соответствующих приспособлений на дно почти отвесного ущелья.

— Вот куда, думается, ты скинул копыта и рога, — миролюбиво сказал Бурунц.

Норайр усмехнулся.

— А что ж, — согласился он, — лучше места не найти...

В полевой сумке участковый уполномоченный всегда возил с собой бинокль. Он вытащил его и навел стекла в глубину. По дну ущелья стекал бурный ручей. Там и сям виднелись кучки мусора, потому что нечистоты здесь сваливали прямо в пропасть. Но вот Бурунцу показалось, что у воды между камнями лежат козьи рога. А может, это были сухие ветки? Он присмотрелся: нет, рога!

— Взгляни, — предложил он мальчишке. — Вот они и улики.

Норайр охотно взял бинокль и отыскал на дне нужное место.

— Видишь?

— Как не видать? — Норайр протер стекла рубахой и вернул бинокль участковому уполномоченному. — Хорошая штука, — уважительно похвалил он и опять нагло прищурился. — Не продадите?

— Ты смотри! — Бурунц скрипнул от злости зубами. — С кем говоришь?

— А что?

— Ты, подлец, о своем преступлении думай! Вон лежат доказательства. Теперь не отвертишься.

Но чем больше свирепел участковый уполномоченный, тем Норайр становился веселее.

— Доказательства-то они доказательства, — с вызовом протянул он, — но пока в пропасти лежат, ничего не доказывают. Их еще надо вытащить и предъявить.

— Вот ты полезешь и вытащишь.

Норайру стало совсем весело:

— Прямо вот сейчас и полезть? А может, прыгнуть? Или еще немного подождем, лестницу сделаем?

— Я на веревке тебя спущу, — мрачно объявил Бурунц.

Норайр внимательно взглянул на него, но на этот раз промолчал. Дело принимало какой-то новый и еще непонятный оборот.

Они вместе вернулись во двор. Бурунц угрюмо поснимал все веревки, на которых сушилось белье, и принялся связывать их одну с другой. Норайр стоял рядом и только вопросительно на него поглядывал.

Потом они молча вернулись к камню. Бурунц старательно укрепил веревку, привязав ее конец к ближайшему дереву. Свободный конец он сбросил в пропасть и, прижавшись к камню, заглянул вниз.

Не очень уверенно он приказал:

— Полезай... пока еще светло...

Норайр тоже заглянул в пропасть. В глазах его мелькнуло выражение испуга, и он покачал головой.

— Почему же ты не хочешь лезть? — с обидой спросил Бурунц, отлично понимая, что не имеет права заставить мальчишку спуститься на дно ущелья.

— Как же, очень надо! — Норайр сплюнул и хрипло выругался. — Чтоб я еще сам против себя доставал... на свою шею... Такого постановления нету.

— А-а-а, все постановления знаешь! — с ненавистью воскликнул Бурунц. — Закоренелый ты... неисправимый... Твой отец умирал, надеялся, что ты человеком станешь... От тебя, паразита, хорошего ждать не приходится...

Он подергал веревку и, не зная, как выйти из положения, еще раз спросил:

— Полезешь? Ты бросил, тебе и доставать...

— Еще чего! Смешно было бы...

— И не надо! Я сам полезу.

Бурунц сказал это просто так, со злости. Но, сказав, понял, что отступления нет. Придется лезть. Такая уж у него работа.

Он стянул сапоги и стал на камень. Едва начав спуск, Бурунц понял, что совершил ошибку. Слишком он сегодня устал. Руки его дрожали. Веревка резала ладони. Он захватывал босыми пальцами ног узлы на веревке и осторожно спускался, одолевая метр за метром.

Подняв голову, он увидел Норайра. Мальчишка лежал, припав грудью к камню, и смотрел на него, беззвучно шевеля губами. В его глазах Бурунц заметил выражение беззащитности и злорадно подумал: «Уж три-то года мы тебе обеспечим, если не больше!»

Вниз он старался не смотреть. Самое плохое было бы, если б у него вдруг закружилась голова.

Первыми стали отказывать руки. Он с огорчением взглянул на ладони — кожа была содрана до крови. «Как же выбираться обратно?» — подумал он, но тут же отогнал эту мысль. Нога, не найдя узелка, повисла в воздухе. И он внезапно ощутил ненадежность веревки и огромную, все увеличивающуюся тяжесть своего усталого тела. Долго ли до конца? Какую он все-таки сделал глупость! Взрослый, солидный человек... Ах, как глупо и как стыдно! Неужто конец?

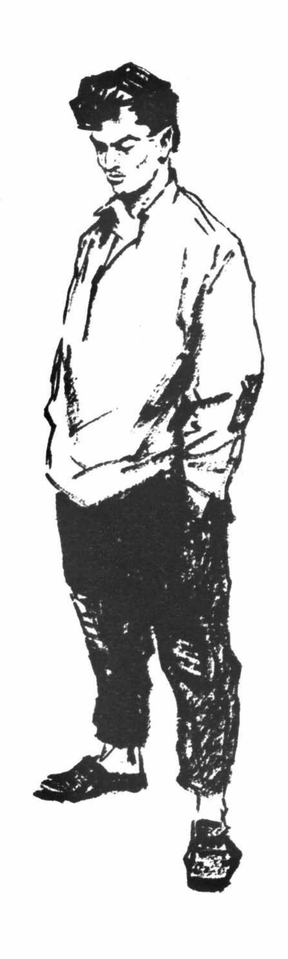
Но когда он, скользнув вниз сразу метров на пять, нашел пальцами правой ноги узелок на веревке, то снова стал думать о Норайре: «Четыре, а то и пять лет дать ему, как рецидивисту!»

Наконец, он решился взглянуть вниз и увидел, что висит над самой землей. Бросил веревку и на согнутых ногах — они отказывались разгибаться — прошел несколько шагов и сел на камень, с сожалением глядя на свои ободранные ладони. Так сидел он минут пять или десять. Поток на дне ущелья ревел. Степан подумал, что, пожалуй, не сможет выбраться отсюда. Но он был человеком долга и потому принялся делать свое дело.

Пройдя несколько шагов по берегу, он нашел между камнями рога, а чуть подальше — козьи копыта. Копыт почему-то было только три, четвертого обнаружить не удалось. Он привязал рога к поясу. Потом закурил. Снова измерил взглядом глубину ущелья. Вот теперь ничего бы и не нужно, только заглянуть в будущее и узнать: придется ли добытым с таким трудом вещественным уликам лежать на столе у судьи или нет?

Постепенно к нему вернулось утраченное хладнокровие. Что бы ни случилось, он выберется наверх!

Степан снял нижнюю рубаху, разодрал ее пополам и обвязал тряпками ладони. Теперь

руки не будут так сильно страдать. Ну что ж, пора начинать подъем. И он взялся за веревку...

Он лез и лез вверх, пока не почувствовал, что больше нет сил. На секунду мелькнула мысль — спуститься на дно ущелья, а там будь что будет. Но он обругал себя и прополз еще немного — до ближайшего узла на веревке. Опираясь на узел пальцами ног, он повис над пропастью. Затем раскачался на веревке и, когда оказался у стены ущелья, поставил ногу на шероховатый выступ. В таком наклонном положении, держась руками за веревку и стоя одной ногой на камне, все же можно было отдыхать. И он отдыхал, стараясь не глядеть вниз.

Где-то далеко-далеко, за тридевять земель, была Асирам и гнедой конь; когда-то давно-давно он убил медведя. Что еще ему понадобилось в жизни?

Он вспомнил о Норайре — виновнике всех несчастий — и почувствовал, как от злости тяжело застучало сердце. В ту же секунду нога сорвалась с выступа, и он завертелся над пропастью, ухватившись руками за спасительную веревку.

С тоской он взглянул наверх. Норайр, лежа на камне, что-то кричал ему, но слов нельзя было разобрать. С ужасом Бурунц увидел, что мальчишка возится у веревки. Сейчас обрубит ее. Потом объяснит людям, что участковый уполномоченный сорвался в пропасть и погиб...

И Бурунц с абсолютной ясностью представил себе то, что сейчас произойдет. Все, все было бы иначе, если бы он из-за дурацкого тщеславия не отказался взять с собой кузнеца Саядяна.

Он рванулся вперед, с лихорадочной торопливостью работая руками и ногами. Веревка розовела от крови после каждого прикосновения его рук. Но боли он уже не чувствовал. Лез и, задыхаясь, бормотал: «Вот еще метр... еще! Вылезу, вылезу...» И в то же время он в любую секунду ждал предательского удара: ведь даже набухшие на его висках жилки, рвущееся из груди сердце, даже сочащиеся кровью пальцы — все в нем чувствовало, что там, наверху, Норайр пилит веревку...

Внезапно веревка как-то странно дернулась. Замерев, Бурунц поднял глаза. Оказывается, он добрался уже до самого верха. Норайр лежал на камне. Нет, он не пилил веревку. Он вцепился в нее руками и дергал, пытаясь подтянуть поближе...

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Бурунц не сразу понял: «Спасен, спасен...» Уцепившись за веревку ногами, он на мгновение высвободил левую руку и показал Норайру вытащенные из пропасти копыта.

— Десять лет... — злорадно шепнул он.

Теперь оставалось самое трудное — взобраться на камень. Но без помощи со стороны этого не сделаешь...

Бурунц крикнул с намеренной грубостью, чтобы ошеломить мальчишку:

— А ну! Дай руку!

Еще секунда — и он наверху. Обессиленный, растянулся на камне. Норайр сидит рядом и молча тащит из пропасти веревку.

Прошло немало времени, прежде чем Бурунц пришел в себя. Он надел сапоги, потопал ногами, восстанавливая кровообращение, затем неторопливо принялся отвязывать от пояса рога.

Норайр безучастно сматывал веревку в клубок. Каждый занимался своим делом, не обращая на другого внимания. Но Бурунц заметил, что у мальчишки на ладонях багровые полосы и свежие ссадины. Натер, когда пытался подтянуть веревку. Значит, надо так понимать, что он хотел спасти своего преследователя...

Сложив на землю трофеи, Бурунц снова сел на камень. В сущности, что случилось? Работник милиции заподозрил вора. Подвергая опасности жизнь, спустился в пропасть. Вор — злобный, закоренелый, наглый — мог бы избавиться от врага, но не сделал этого. Наоборот, помог милиционеру во вред себе. Ну и что? Какое это имеет отношение к краже? Уменьшается ли ответственность Норайра за воровство, в котором он теперь бесспорно уличен? Нет! Значит, приходится составить протокол и дать делу обычный ход.

Бурунц решительно поднялся с земли. Тут же вскочил и Норайр. Взгляды их встретились. В глазах мальчишки не было ни мольбы, ни сожаления, ни тепла. Все тот же диковатый, насмешливый огонек. Это и решило дело.

— Пошли! — сурово потребовал участковый уполномоченный.

— А что ж! — отозвался Норайр, передернув плечом.

Но они не двигались, а смотрели в упор друг на друга.

— Теперь не отвертишься! — пригрозил Бурунц. — Вот они, улики!

Норайр усмехнулся.

И тут Бурунц увидел то, что должен был увидеть уже давно: перед ним стоял одичалый хрупкий подросток с тоскливыми, голодными глазами. Еще должен расти. Руки совсем цыплячьи. А ведь лежал на камне, тянул веревку. В любую минуту мог сорваться в пропасть. Спасал своего врага...

Ну и что же? Начнем, значит, жить по формуле: «Я тебе, ты мне»? Вор сделал хорошее ему, Степану Бурунцу, и за это Бурунц намеревается простить вора.

Не будет этого ни в коем случае!

Но в то же время Степан Бурунц понимал, что не должен обманывать себя и делать вид, будто ничего особенного не произошло.

Можно, конечно, возбудить дело. Осудят мальчишку, пошлют в лагерь. Чему хорошему он там научится? Озлобится, вернется рецидивистом. Глядишь, в следующий раз придется за ним, как за зверем, следить с пистолетом в руке...

И ведь украл козу только для того, чтобы накормить детишек. Большая семья... Но есть справедливый закон: украл — отвечай. И каждый должен исполнять свой долг...

— Если, допустим, поверить, что ты больше не будешь... — с сомнением начал Бурунц.

Норайр бегло взглянул на него, ответил быстро, без особой, впрочем, убежденности:

— Гад буду, не буду!

— Нет, ты, конечно, бу-удешь, — протянул Бурунц, подчеркивая усмешкой свое неверие и глубокое знание жизни.

Конечно, будет воровать. Так сразу не бросит. Но вот жил на свете солдат, отец этого мальчишки... Пошел воевать, чтобы победить или умереть. И он умер. Победили мы уже без него... Так должен же кто-нибудь подумать о сыне погибшего солдата!

И какая-то более высокая ответственность, чем обязанности, возложенные уставом на сельского милиционера, заставила Степана Бурунца подняться на ноги. Он подошел к кучке своих трофеев — тех самых, из-за которых столько мучился, рискуя жизнью, — и ударом ноги сбросил вещественные улики обратно в пропасть.

Широко раскрыв черные глаза, Норайр метнулся к пропасти. Тут же отшатнулся и с недоумением посмотрел на участкового уполномоченного.

Бурунц тоже заглянул в пропасть и выговорил скорбно, по-детски складывая губы:

— Значок-то... «Отличник милиции»...

Впрочем, Норайр его не понял.

Через полчаса, объявив кузнецу Саядяну, что розыски кончились неудачей, Бурунц вывел гнедого коня на пустынную дорогу. Было уже темно. Он вскочил в седло и послал гнедого шагом.

Странное ощущение, что он не один на дороге, что рядом кто-то есть, заставило его обернуться. В двух шагах позади, в темноте, скользила какая-то тень.

Бурунц чуть придержал коня.

— Что ж мы с козой-то будем делать? Коза принадлежала Амо Вартаняну...

Темнота ответила сиплым и презрительным голосом Норайра:

— Не обеднеет Амо Вартанян...

— Это ты брось! Узнаем стоимость козы. Ты вернешь деньги потерпевшему. Сам вернешь.

— Откуда я возьму? — спросил Норайр, помолчав.

— А ты у меня теперь станешь трудящимся!.. — строго пообещал Бурунц.

И, хлестнув коня, поскакал по дороге, которая серой полосой выступала из темноты...

Талантливый композитор

Мы в павильоне киностудии «Ленфильм». Идет запись новой песни В. П. Соловьева-Седого к фильму «Метель»:

Почему, красавица, невесела стала...

Пройдет немного времени, и фильм выйдет на экраны, и, быть может, и эту песню Соловьева-Седого будут петь повсюду в нашей стране, как это бывало уже не раз.

Около трехсот песен создал композитор, и каждая из них неповторима по своему обаянию, мелодична, задушевна. Советские люди знают не только песни Соловьева-Седого, но и его многочисленные романсы и песни к фильмам. С успехом идут его оперетты «Верный друг», «Самое заветное» и балет «Тарас Бульба».

...Впервые в зал Ленинградской филармонии Василий Павлович Соловьев-Седой попал в октябре 1917 года. Тогда он сидел рядом с моряками, опоясанными пулеметными лентами, рядом с рабочими в спецовках. Недавно Василия Павловича Соловьева-Седого снова увидели в том же зале филармонии. Собравшиеся чествовали любимого композитора в день его пятидесятилетия.

В. П. Соловьев-Седой награжден орденом Ленина.

К. ПЕТРОВ

В павильоне студии «Ленфильм» во время записи новой песни В. П. Соловьева-Седого.

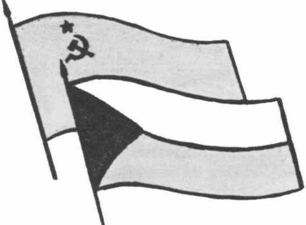
Фото Б. Уткина.

Этот турист в Москве всего пять минут, а сделал уже больше двадцати снимков.

Третьяковской галереей нельзя не восторгаться!

ГОСТИ НАШЕЙ ВЕСНЫ

Фото О. Кнорринга.

Москвичи пришли встречать своих гостей — туристов из братской Чехословакии.

Интересна история их поездки в Москву. Каждый из чехословацких товарищей купил туристскую путевку в Советский Союз всего за одну крону. Да, да, это действительно так! Дело в том, что Общество Чехословацко-Советской дружбы, насчитывающее в своих рядах два миллиона членов, выпустило лотерею. Из двух миллионов на тысячу билетов пали выигрыши — поездка в Советский Союз. В этой группе прибыли в Москву двести семьдесят из тысячи «счастливчиков», как их называют в Чехословакии.

ЮЛ. СЕМЕНОВ

Мария Флиглова покупает первый «сувенир» — папиросы московской табачной фабрики.

Договариваются о встрече на фестивале.

Крестьянки Милода Блаженова и Анешка Ежабкова записывают в свои блокноты по часам и минутам, где были, что видели, с кем разговаривали.

— Мы обещали прочесть в нашем госхозе лекцию о Советском Союзе, — говорит А. Ежабкова.

Рабочий из Чешских Будейовиц Прокоп Шмит (первый слева) приехал в гости к молодежи Куйбышевского района столицы. Куйбышевцы на предстоящем молодежном фестивале будут принимать чехословацкую делегацию. Москвичи заглядывают в самодельные словарики и начинают разговор с обязательного «Чест праце!». Много слов пока еще не известно, но все поняли П. Шмита, когда он рассказывал о том, как в 1945 году советские воины прогоняли из Чехословакии фашистов.

В Москву пришла весна. Пришла весна и в Прагу. И народы двух братских стран встречают ее не только как праздник цветения, но и как годовщину нашей дружбы, великой, нерушимой дружбы Советского Союза и Чехословакии.

Скоро на поезд. Поездка по Советскому Союзу — Киев, Ленинград, Москва — близится к концу. Перед отъездом приятно посидеть в скверике перед Большим театром.

СТИХИ С ДОРОГИ

Максим ТАНК

В ШХЕРАХ

Студеное море, сердито вскипая,
Сегодня бушует весь день за кормой.
С последней прибрежною чайкой вчера я
Привет передал с теплохода домой.

Пустынно и мрачно. Молись или плачь ты,
Одни только волны встают во весь рост,
Одни только стонут высокие мачты,
Когда налетает жестокий норд-ост.

И дождь начинается, нудный и серый,
И солнце опять исчезает во мгле.
По левому борту виднеются шхеры,
И справа скала подступает к скале.

До черного блеска шлифуют их ветры,
И мнится, что высекла искру волна.
Как странно, что смело раскинула ветви
И укоренилась на камне сосна!

Ее холода не лишают отваги.
Не знаю я, путник из дальней страны,
Какие ей слышатся звучные саги,
Какие ей снятся полночные сны.

А солнце внезапно из туч выплывает,
И бронза стволов заиграла опять.
Постойте! Мне кажется, я начинаю
И этой земли красоту понимать.

В ГОЛЛАНДИИ

Есть присловье: создан мир
Божьими руками, —
Но голландцы свой надел
Сотворили сами.

И мифический творец
Жалок перед ними:
Состязаться слабоват
Он с людьми такими.

Я внимательно гляжу,
Сам не лыком шитый.
Вижу: складно все у них,
Аккуратно сбито.

Все удобно — дом, ветряк,
Дальше — сад плодовый.
Камнем выложен канал,
Ровно облицован.

Вижу мол, маяк и порт,
Башни, а за ними
Солнце парус золотит
Бликами косыми.

Сомневаться даже стал:
А натура ль это!
Может, вижу полотно
Мастера-поэта:

Ре́мбрандта, его друзей,
Рѐйсдаля иль Го́ббемы,
Чьи творенья с давних лет
Любим по-особому.

Но испортили зачем
Холст вот этот самый
Формалистскою мазней,
Дикою рекламой

Разных банков, кабаков
И красавиц голых,
И неоновой бурдой
«Шелл» и «кока-кола»,

Ярким золотом витрин
Фирм колониальных,
Чадом джаза и вина,
Снов сентиментальных!

И не хватит моря здесь,
Чтоб от этой дряни
Основательно отмыть
И людей и зданья.

Жаль! Голландия могла б
Стать не то чтоб раем, —
Добрым краем — о таких
Часто вспоминаем.

ПЕР-ЛАШЕЗ

На Пер-Лашез — венки и тишина.
Трагическая старая стена.

Венки напомнят о боях былых,
О павших в битве, о любви живых,

О том, что больно сердцу и теперь.
А тишина... Вовеки ей не верь!

Здесь не было ее и в горестные дни,
Когда погасли баррикад огни,

Когда задушен был народный гнев
И смолк последний выстрел, отгремев.

Прислушайся, как листья шелестят,
Как время мчится, как сердца стучат.

И ты поймешь: хоть и молчит стена,
С предгрозьем схожа эта тишина.

ГИБРАЛТАР

Утром — спокойное солнце и штиль.
Штиль — это значит на тысячи миль
Зеркало вод — ни морщин, ни изъяна!
Все обняла́ тишина океана.
Легкий туман застилает вдали
Берег испанской гористой земли.
Чудится — в мареве зыбком, горячем —
Рыцарь Ламанчский над кручею скачет.
Видишь старинные латы и щит,
Пику, подпершую синий зенит!

Прорвана солнцем тумана завеса.
Нет, это скалы.
Столпы Геркулеса!
Блещет погожих небес синева,
И Гибралтар возникает пред нами
С крепостью,
складами
и кораблями,
Щерится пастью британского льва,
Льва, чьи глазищи сквозь южный простор
С мыса на Африку смотрят в упор.

Африка!
Вот она — в дымке легенд.
Черный, как порох, сухой континент,
Черный — от злобного ветра сирокко,
Черный — от колониальных оброков,
Черный — от ран, от нужды, от оков,
Черный — от ярости черных рабов,
Черный... Но скоро настанет пора —
Порох взметнется багрянцем костра.
Стихнет сирокко, и встанет посев,
Мрак под лучами рассвета растает.
Горе огонь из сердец высекает,
Жарко алеет разбуженный гнев.

И хоть плывем мы от суши поодаль,
Флаг наш на мачте — светило свободы —
Кое-кого беспокоит, видать,
Словно он может огонь передать
Этим поселкам, долинам и взгорьям...
Кружит разведчик над нами, над морем.
Кружит, а с правого борта, вдали
Тает окраина грустной земли.
Только виднеются долго вершины,
Словно ответно приветствует нас,
Руки свои непокорные вскинув,
Черные,
крепкие руки,
Атлас.

НЕАПОЛЬ

Сирены разбудили порт. И вот,
Как муравьи, два небольших буксира
(Какие имена — «Цирцея», «Лира»!)
Подтягивают к пирсу теплоход.

Вот и причал. Уже спустили трапы.
Перед вокзалом несколько шпико́в,

Рисунки Г. ХРАПАКА.

И торгаши галдят — любой готов
За несколько монет продать Неаполь.

Мы прорываемся сквозь их заслон,
Идем парадной, шумной Via Roma,
Где мастера возводят стены дома,
Где парни месят на мостках бетон;

Где сушится белье, где столько крика,
И шума, и, конечно же, реклам,
Где все, что видим, так знакомо нам
По фильмам Росселини и Де Сика.

Порою жесты нам понятней фраз.
И каменщики, славные такие,
В беседе бурной про Москву и Киев,
Про Беларусь расспрашивают нас.

И хвалят море и родимый город,
Хоть здесь рабочим нелегко прожить.
Здесь и Везувий перестал курить.
Смеются шутники: «Табак-то дорог...»

А город, правда, полон обаянья.
Другой такой на свете не сыскать.
«Разок взглянул — и можно помирать»,—
Толкуют моряки и горожане.

Но я бы их слова переиначил:
Кто на Неаполь поглядит хоть раз,
О смерти позабудет в тот же час!
...А день стоит удушливый, горячий.

Нас не спасет от зноя пиний тень,
Что высятся на кручах Сан-Мартини...
И все ж, когда спустился вечер синий,
Мне было жаль, что гаснет этот день,

Что в темь уходят башни и оливы,
Везувий,
город,
скалы берегов
И чайки, что, взлетая с островов,
Парят над ширью теплого залива.

КАПРИ

И зачем я все деньги
Растратил еще до Сорренто!
Мелочь в Риме оставил,
Где Треви кипучий фонтан.
Выпить рюмку «чиндзано»
И то не позволит карман.
А на Капри уже не осталось
И ржавого цента.

Ну, а тут, как на грех,
Разложила товар продавщица,
Сувениры любые: платочки,
Открытки, хрусталь,
Из ракушек шкатулки,
Перламутровые вещицы,
Солнце светится в них
И морская колышется даль.

Что ж, я мог бы стихом
Заплатить за покупки синьоре.
Но стихи мои тут под запретом...
Синьора, увы,
Строки в банках Италии
Не разменяете вы,
Принести ж они могут
Немало тревоги и горя.

Впрочем, всех сувениров приятнее
Воспоминанья
О свиданьях с друзьями.
И я вас прошу показать:
Где тут Горького вилла!

Ах, там, где вершина над нами!
Жаль, что так далеко.
Не успеем уже побывать...

Путешественник вечный,
Пешком обойдя полпланеты,
Может, камушки в море швырял он
С обрывистых скал
И, как мы, не откликнется ль эхо
вдали,
Ожидал.
Коль откликнется,— к счастью,
Такая в народе примета.

Счастье! Вряд ли возможно
Его повстречать на чужбине,
Пусть красива она
И заласкана южной весной,
Пусть увита листвою она,
Зацелована синей,
Серебристой, ленивой,
Всегда добродушной волной.

Где-то песня слышна.
Видно, нынче познать я сумею,
Как здесь любят сирены
Сердца моряков завлекать.
До чего было трудно
Вдоль этой земли проплывать
Даже к мачте привязанному
Одиссею!

AVE MARIA[1]

Звон кафедральный зовет на Ave.
Из переулков, слева и справа,
Тянутся в черном своем облаченье
Толпы монашек — печальные тени.
Здесь и старухи и молодые.
Ave Marìa!

Я б не задерживался, быть может,
Если б средь них не заметил пригожей,
Стройной монашки, которой, пожалуй,
Не больше семнадцати миновало.
Карие очи, брови густые.
Ave Marìa!

Даже под траурной тканью черной
Стан угадывается непокорный,
Ножки, которые на карнавале
Всех бы, наверное, очаровали,
Тонкие руки, груди тугие.
Ave Marìa!

На крест уставилась набожным взглядом.
На эти брови молиться б надо!
Неужто, сестренка, тебе не ясно,
Что губишь ты молодость понапрасну!
О, как бы плясали ноги такие!
Ave Marìa!

Тебя отравою опоили,
Белые руки твои скрутили.
Не бойся, путы порви смелее!
Колосья в поле стоят, желтея.
О, как бы жали руки такие!
Ave Marìa!

С милым, любовью своей согрета,
Не расставалась бы ты до рассвета,
В сердце б вошла материнская сила,
Ты бы под солнцем ребенка растила...
О, как бы кормили груди такие!
Ave Marìa!

Может, земная моя молитва
Мне помогла бы выиграть битву.

[1] Ave Maria — католическая молитва.

Увы, позвали ее... Монашка
Пошла за всеми, вздохнувши тяжко,
Под своды мрачные и глухие...
Ave Marìa!

СТАМБУЛ

Туман густой клубится на Босфоре,
Он отделяет небеса от моря.

Во мгле дрожат маячные огни,
И мнится, в воздухе висят они.

Скопленье мачт—со всех концов планеты!
Кругом торчат, как пики, минареты.

Туман. И, словно стадо ишаков,
Ревут сирены растерявшихся судов.

От их протяжного, пронзительного гула
День пробуждается на улицах Стамбула.

На улицах, где вечный шум и гам,
Где пестрота лавчонок и реклам,

Где Азия торгует и Европа,
Где продают старье времен потопа,

Где тысячи носильщиков худых —
«Верблюдами» в Стамбуле кличут их —

По площадям, по переулкам пыльным
Гуськом плетутся с грузом непосильным.

Тут встретишь и подвыпивших парней —
Они с американских кораблей:

С «визитом дружбы» к туркам заглянула
Эскадра, встав на рейде у Стамбула.

Не много ль самолетов и зениток
На их судах для мирного визита!

Сказать бы им: «Эй, лицемерить бросьте!
...Не замышляют ли хозяева и гости

Военный сговор! Пристальней следите
За ними, докер, грузчик и строитель,

Чтоб против вас и нас, простые люди,
Не повернулись те стволы орудий!»

...Так сложная экзотика Востока
Весь день меня преследует жестоко

И в чайхане, и в резиденции султана,
Под сенью густолистого платана,

И у гробницы древней, где не лень
Толочься богомольцам целый день,

Да и под куполом Айя-Софии,
Где на щитах, как сабли огневые,

Корана буквы возвещают, что аллах
Велик — всю землю держит он в руках.

Нет! В мире я другие руки знаю —
Рабочие. Вот им я доверяю!

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Радость новой встречи

Среди стихов, которые я прочитал еще мальчиком, были стихи Василия Казина. До сих пор я помню их наизусть, но цитировать их не нужно: они по праву считаются хрестоматийными — «Рубанок», «Мой отец — простой водопроводчик», «Гармонист». Глубоко потрясли они мою мальчишескую душу своей первозданной чистотой, городской романтикой улиц и заводов и той мечтой, где «ягодами земляничными стала сладко бредить грязь». Прошли годы, и вот я, уже давным-давно взрослый человек, с радостной тревогой беру в руки новую книгу стихов В. Казина. Я лишь бегло пробегаю стихи 20-х и 30-х годов; они знакомы мне со времен юности. Я хочу познакомиться со стихами любимого поэта, узнать, чем живет и как развивается его самобытный талант, и, разумеется, очень боюсь разочароваться. К счастью, этого не происходит. Новая книга стихов В. Казина является не просто итогом и завершением его долголетнего поэтического труда, но и его творческим продолжением.

Одни названия стихотворений могут уже раскрыть читателю круг тем и жизненных вопросов, волнующих этого поистине не стареющего писателя. Здесь и стихи «Эхо», посвященные Дню победы, суровые и мудрые; здесь и светлые лирические стихи «Голуби»; здесь цикл стихов «Из осетинской тетради» и стихотворение «В ташкентском саду». Юношеская неутомимость чувствуется в творчестве поэта, одного из зачинателей нашей советской лирики.

Несомненной удачей В. Казина стала поэма «Великий почин», завершающая книгу. Кто из нас не знает о первом коммунистическом субботнике, организованном железнодорожниками Казанки в 1919 году! Очевидец и участник Великого почина В. Казин пишет о тех незабываемых днях в своей поэме скупыми и строгими словами:

Был май. Десятое.
В субботу,
В шесть вечера, когда
вокруг
Рабочий люд труда заботу
Сменил на отдых, на досуг,
Казанцы — двести пять
по счету —
Не по домам пошли,
а вдруг —
С работы — на работу.

Романтикой первых лет Советской власти проникнута вся эта маленькая поэма о великом подвиге русского пролетариата. Спустя год, 1 мая 1920 года, в Кремле состоялся знаменитый субботник, в котором принял участие Владимир Ильич. Гениальный вождь революции, как рядовой труженик, показывал пример не словом, а делом, работал вместе со всеми простыми людьми. Все помнят известную фотографию, на которой группа курсантов кремлевской военной школы несет на руках большое бревно. Среди них, людей в воинской форме, выделяется человек в скромной штатской одежде. Наравне со всеми он обеими руками поддерживает тяжелый груз. Этот человек — Ленин. Фотография символична, ибо неимоверно большой груз нес на себе великий вождь. Разделяя со своим народом все его тяготы и невзгоды, самую большую тяжесть он брал на свои плечи:

Груз государства, груз
работ
И груз огромнейших забот
Нес на себе, сплотив
в опору
Партию, народ.

Василий Казин верно и точно ощутил самое главное, что могло стать предметом поэзии в Великом почине.

Не завершение, а продолжение, не успокоенность, а поиски нового, движение вперед — вот что характеризует сегодня творчество В. Казина.

Сергей НАРОВЧАТОВ

В. Казин. Стихотворения. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1956. 224 стр.

Живое слово Урала

На одной из тихих улиц города Шадринска живет уральский краевед, писатель Владимир Павлович Бирюков, хорошо известный на Урале.

Почти полвека своей жизни он посвятил изучению родного края, исходил, исколесил его вдоль и поперек и собрал богатый фольклорный и археологический материал. Многочисленные записные книжки писателя хранят тысячи подслушанных им народных выражений, поговорок, пословиц, песен, частушек, сказок и сказов.

Бирюков не только собрал, но и систематизировал собранный материал. Его картотека уральского народного говора насчитывает более ста тысяч карточек.

Тесно связан был В. Бирюков с уральским писателем-сказочником П. Бажовым. Во многих письмах к Бирюкову выдающийся советский писатель не раз высказывал глубокое уважение к товарищу по перу, ценил его труды. Бережно хранятся у В. Бирюкова оригиналы писем Горького, Д. Бедного.

Любовь к Родине, родному Уралу отражена в многочисленных книгах писателя-краеведа: «Дореволюционный фольклор на Урале», «Урал в его живом слове», «Уральские сказки»...

Несмотря на преклонный возраст — ему 69 лет,— Бирюков продолжает трудиться. Он закончил новые книги: «Урал советский», «Кем и как заселялся Урал». Писатель выполняет задания Академии наук СССР, читает лекции в институтах, выступает в местной печати.

Уральцы с благодарностью говорят о писателе-труженике, много сделавшем для изучения родного края и живого, яркого, образного уральского народного говора.

Е. СОКОЛОВ

В мире научной фантастики

Знакомиться с двухтомником Александра Беляева начинаешь с портрета писателя. Интеллигентное худощавое лицо ученого или педагога, высокий открытый лоб, умные проницательные глаза, глядящие на вас в упор сквозь пенсне — задумчиво, но не без лукавинки...

Читатели моего поколения — уже не молодые и еще не старые,— конечно, помнят, с каким нетерпением перелистывали мы когда-то приключенческие журналы, стараясь поскорее отыскать продолжение очередного романа Александра Беляева или новый его рассказ.

В 1942 году тяжело больной писатель умер под Ленинградом, в городе Пушкине, где его застигла война. Вместе с писателем погибли и все его рукописи. С тех пор книги Беляева (за исключением хорошего, но, пожалуй, не лучшего романа «Человек-амфибия») не переиздавались. И вот недавно вышел большой двухтомник, разошедшийся с такой молниеносной быстротой, что издательство «Молодая гвардия» решило в ближайшее время не только его переиздать, но и добавить третий том.

Какие только научно-фантастические проблемы не были затронуты в книгах Беляева! Межпланетные путешествия и покорение морских глубин, овладение атомной энергией и передача мыслей на расстояние, промышленное использование атмосферного «сырья» и подводное телевидение, обогащение пищевых ресурсов и создание новых биологических видов, проблема долголетия и будущее хирургии — всего и не перечтешь!

Научные открытия, которые совершают в тишине своих лабораторий герои Беляева, всегда приводят к неожиданным последствиям. Вокруг того или иного изобретения завязывается напряженная драматическая борьба. Необычные приключения сменяют друг друга с кинематографической быстротой. Но автор нагромождает их не только ради усиления занимательности. Всякий конфликт, вызывающий неожиданные повороты действия, имеет у Беляева четкую социальную направленность. Враждебные силы делают все возможное, чтобы помешать ученому-гуманисту воплотить в жизнь свое открытие, если это открытие идет вразрез с интересами господствующих классов.

Поэтому терпит крушение благородная идея профессора Бройера наделить бедняков «вечным хлебом», который вырабатывается непосредственно из воздуха простейшими организмами («Вечный хлеб»). Гениального хирурга Сальватора, создавшего «человека-амфибию», чтобы люди могли освоить глубины океана, церковники обвиняют в святотатстве и сажают в тюрьму. Капиталистические магнаты стремятся помешать ученому-революционеру Хургесу, открывшему секрет расщепления атомного ядра, передать свое открытие Советскому Союзу для использования его в мирных целях («Чудесное око»). Когда невероятно уродливый комедийный киноактер Тонио Престо с помощью чудесного препарата доктора Цорна обретает нормальный человеческий облик, он теряет все, чем обладал, будучи уродом: работу, славу, деньги («Человек, нашедший свое лицо»).

До сих пор сохраняют интерес лучшие книги Беляева, в которых он хотел нарисовать прекрасное будущее советской науки и дать читателям представление о сказочном расцвете науки и техники в условиях коммунистического строя: «Лаборатория Дубльвэ», «Под небом Арктики», «Звезда КЭЦ». «...Самое трудное для писателя,— говорил Беляев,— создать занимательный сюжет в произведении, описывающем будущее общество. А ведь показ этого будущего общества, научных, технических, культурных, бытовых, хозяйственных перспектив не менее важен, чем показ классовой борьбы. Я беру на себя труднейшее».

Всем своим творчеством Беляев утверждал высокое гуманистическое призвание науки и техники: раскрепостить труд, помочь человеку сделать жизнь на земле прекрасной и счастливой. Этим отчасти и объясняется секрет неувядающей популярности лучших произведений талантливого фантаста.

А. БРАНДИС

Александр Беляев. Избранные научно-фантастические произведения в двух томах. Изд-во «Молодая гвардия». 1956.

ТУРГЕНЕВ О ЛИТЕРАТУРНОМ МАСТЕРСТВЕ

Среди многих автографов замечательных писателей прошлого, собранных Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР, видное место занимает творческое наследие И. С. Тургенева: рукописи и списки его произведений, биографические документы, а также более 900 писем к современникам.

Мы публикуем здесь впервые выдержки из писем И. С. Тургенева к драматургу-любителю В. А. Цуриковой, выражающие взгляды великого писателя на проблемы литературного мастерства.

Н. ЧЕРНИКОВ

Париж
48, rue de Douai
Суббота, 28/16 декабря (18)72

Если, по Вашим словам, Вы испытывали волнение, когда писали ко мне, то я должен сознаться, что не без некоторого смущения берусь за перо, чтоб ответить Вам. Вы осыпаете меня похвалами, которые были бы подстать Шекспиру или Гёте. Молодой Ваш энтузиазм, усиленный одиночеством деревенской жизни, возводит в идеал и окружает ореолом явление довольно обыкновенное. Поверьте, любезная Варвара Александровна, я вовсе не гениальный писатель, как Вы выражаетесь, и никакой претензии на такой громкий титул не имею; я уже доволен и счастлив тем, что моими писаниями доставил несколько приятных минут некоторым из моих соотечественников — и, быть может, не был бесполезен для их нравственного и духовного развития. Выраженное мне спасибо — вроде Вашего — вот лучшая моя награда. Оттого-то я и благодарю Вас искренне за Ваше письмо...

Ив(ан) ТУРГЕНЕВ

Париж, 48, rue de Douai
Понедельник, 19/7 мая (18)73

Любезная Варвара Александровна, я на несколько дней отлучился из Парижа и потому не мог тотчас ответить на Ваше письмо. Искренне благодарю Вас за Ваше пожелание и поздравление и со своей стороны желаю Вам всего того, на чем зиждется счастливая и правильная жизнь.

Вы желаете знать мое мнение насчет предполагаемых Вами литературных занятий? Давать советы — вообще дело трудное, особенно когда лицо, которое их требует, остается неизвестным. Скажу Вам только, что литература, не менее всякого другого искусства, нуждается в тщательной подготовке и настойчивых трудах — и техника ее не менее сложна, чем в живописи и музыке, хотя менее бросается в глаза. Избранный Вами сюжет романа не лишен оригинальности и может представить значительный интерес, но для приведения его в исполнение требуется опытная и твердая рука. Мне кажется, Вам бы следовало попытать свои силы на менее трудной задаче.

Я не «женил», как Вы говорите, Веретьева на Марье Павловне в «Затишье» просто потому, что трагический конец более шел к фигуре этой девушки, так, как я ее задумал.

Я еще не знаю, когда я попаду в Россию — вероятно зимой — и бог знает, когда мне придется насладиться русской весной. Здесь она до сих пор являет мало привлекательного.

Будьте здоровы, веселы, покойны и верьте в искреннее сочувствие преданного Вам Ив(ана) ТУРГЕНЕВА

У юных моделистов города Щербакова. На переднем плане: восьмиклассник Вениамин Никитин запускает модель шхуны. Его модель заняла первое место на Всесоюзных соревнованиях 1956 года.

Фото О. Кнорринга.

Весенняя охота. Вологодская область
Фото В. Гиппенрейтера.

Слева — золотая медаль победителя Первых игр в Бухаресте, внизу — золотая медаль победителя Вторых игр в Варшаве.

Шествие знаменосцев на Вторых играх в Варшаве.

ТРЕТЬИ ДРУЖЕСКИЕ

Золотая медаль, которой будут награждаться победители Третьих игр.

В. ОТКАЛЕНКО

Не успели еще стихнуть жаркие споры о XVI Олимпийских играх, не исчезла еще со страниц газет олимпийская тема, а любителей спорта во всем мире уже ожидает новое интересное соревнование. Через два с лишним месяца внимание будет приковано к Москве, которая станет ареной напряженных спортивных сражений. В советской столице будут проходить Третьи дружеские международные спортивные игры молодежи.

Немало интересных комплексных спортивных соревнований проводится в наше время в разных частях земного шара. Это Панамериканские игры, Британские, Азиатские, Панарабские, Балканские, Средиземноморские и ряд других. Однако они привлекают участников лишь определенных стран или районов. И, естественно, что региональные соревнования не могут претендовать на всемирный характер. Этим качеством отличаются Олимпийские игры, имеющие более чем 60-летнюю историю. Но они происходят только раз в четыре года.

Юноши и девушки земного шара хотят чаще встречаться на спортивных аренах, чтобы повышать свое мастерство, делиться опытом. Поэтому и возникла мысль в период между Олимпийскими играми проводить международные дружеские встречи молодежи. По своему масштабу эти соревнования мало в чем уступают олимпийским.

Известный мексиканский чемпион по прыжкам в воду И. Капилла (справа) беседует с советским спортсменом Р. Бренером.

Фото А. Новикова.

В БУХАРЕСТЕ И ВАРШАВЕ

...Стадион «Республика», зал «Флоряска», озеро Снагов. Здесь, на спортивных базах Бухареста, в августе 1953 года и состоялись Первые дружеские игры молодежи. В них принимали участие спортсмены 54 стран.

Памятны эти соревнования в Бухаресте многим спортсменам мира. Не без волнения вспоминает о них Владимир Куц, для которого это было первым выступлением на крупных международных состязаниях.

— Почти всю дистанцию я был лидером бега, и только за сто метров до финиша меня обошел Эмиль Затопек.

Мало кому из зрителей, сидевших в те дни на трибунах стадиона «Республика», было знакомо имя Владимира Куца.

На Первых дружеских играх молодежи было установлено 5 мировых, 5 европейских и 83 национальных рекорда. Далеко не каждое соревнование может похвалиться таким результатом. ...Прошло два года. И снова встретилась спортивная молодость мира, на сей раз в Варшаве. На стадионах польской столицы выступали всемирно известные спортсмены: Ш. де ла Ханти-Стрикленд (Австралия), победитель II Панамериканских игр по прыжкам в воду И. Капилла (Мексика), чемпион мира по борьбе С. Сасахара (Япония), мировой рекордсмен в беге на длинные дистанции Э. Затопек (Чехословакия), рекордсмен Европы в метании копья Я. Сидло (Польша), чемпион мира по гимнастике А. Азарян (СССР) и другие.

Не мудрено, что в варшавских соревнованиях молодежи также было показано немало блестящих достижений.

Не менее ценный итог каждого соревнования — укрепление сердечной дружбы между спортсменами. Много новых друзей приобрели советские атлеты в Варшаве, и, покидая польскую столицу, они приглашали их приехать в Москву — на Третьи дружеские...

МЫ ИХ УВИДИМ В МОСКВЕ

Обширна программа Третьих дружеских спортивных игр молодежи. Соревнования состоятся по 23 видам спорта, в том числе по волейболу, ручному мячу, стрельбе из лука, регби, теннису и настольному теннису. Этих видов спорта в программе Олимпийских игр не было. Будут показаны также национальные виды спорта, популярные в наших республиках и за рубежом.

Представители Федеративной Республики Германии, например, намерены показать силовую акробатику и игру в футбол на велосипедах; спортсмены Румынии продемонстрируют фигурное плавание, японские спортсмены — национальный волейбол. Новый вид спорта решили показать спортсмены Индии — волейтеннис, нечто среднее между волейболом и теннисом. Индийские друзья готовятся также показать в Москве национальные виды спорта: атта-паша, каббади, гадка-фари и другие. Финские спортсмены хотят выступить с игрой пясепялло (национальный бейсбол). Наши гости увидят татарскую борьбу на кушаках, узбекский кураш, грузинскую и другие национальные виды борьбы, русскую народную игру — городки.

Игры дружбы! К ним сейчас проявляется большой интерес во многих странах. В организационный комитет поступает поток писем и телеграмм со всех концов земного шара. Заглянем в некоторые из этих писем и телеграмм.

Секретарь Шотландской любительской ассоциации плавания Стэнли Левенсон сообщает, что «Ассоциация единогласно приняла решение послать на игры в Москву полную команду». Президент Французской национальной федерации регби Р. Крабос пишет: «Мы решили принять участие в играх. Федерация стремилась быть верной олимпийскому идеалу и искренне желала способствовать развитию дружеских связей между спортсменами всего мира».

Государственный Совет по делам молодежи Египта намечает направить в Москву многочисленную делегацию — 150 спортсменов.

Из Польши и Чехословакии в Москву поедут самые лучшие спортсмены. Обе команды будут насчитывать примерно по 250 человек. Сильнейшие польские спортсмены легкоатлеты Я. Сидло и М. Кузион, гребец Т. Коцерка, штангист М. Зелинский и многие молодые спортсмены будут представлять национальные цвета своей родины.

Широкая подготовка к Третьим играм ведется в ГДР, Венгрии, Румынии.

Большой интерес и весьма деятельную подготовку ведут также спортсмены других стран.

Олимпийский комитет Японии готовит сильные команды гимнастов и пловцов. Среди них мы увидим участников XVI Олимпийских игр — отличных гимнастов Т. Оно, М. Такемото, М. Кубота, легкоатлета Т. Когаке, показавшего в прошлом году лучший результат в мире в тройном прыжке (16 м 48 см), и других талантливых представителей японского спорта.

Добрые вести приходят из Австралии. Дружба, заложенная в дни Олимпийских игр, крепнет. Известный австралийский марафонец Фред Лестер пишет о большом желании многих австралийских легкоатлетов приехать в Москву, вновь увидеть своих друзей, и в первую очередь Владимира Куца. Желает участвовать в играх чемпион и рекордсмен штата Виктория в тройном прыжке К. Резерфорд, рекордсмен Австралии в толкании ядра Б. Донат и сам Ф. Лестер. Согласны принять участие в поездке в Москву призер Олимпийских игр по прыжкам в высоту Ч. Портер и молодой бегун на средние дистанции Г. Эллиот.

Имя голландского легкоатлета Хенка Виссера хорошо известно любителям спорта. Это он в сентябре прошлого года на состязаниях в Бухаресте установил новый рекорд Европы в прыжках в длину (7 м 98 см). В своем письме в Москву рекордсмен Европы пишет: «Я был бы очень рад участвовать в играх». И, естественно, приглашение Виссеру было немедленно послано.

Баскетболисты бельгийского клуба «Руаяль IV», чемпионы своей страны 1951—1954 годов, изъявили желание принять участие в баскетбольном турнире. Следует отметить, что баскетбольный турнир в Москве будет особенно торжественным, так как Международная любительская федерация баскетбола решила отметить этими соревнованиями свое 25-летие.

Возможно, из Никозии приедут футболисты Кипра.

Несканчаем поток писем. Уже дали согласие участвовать в играх представители 50 стран мира.

Хотя III дружеские международные спортивные игры молодежи и проводятся в сроки VI Всемирного фестиваля молодежи, они не входят в его программу и являются самостоятельными.

Так же как и Олимпийские, дружеские игры молодежи носят личный характер; спортсмены, занявшие первые три места, будут награждаться медалями. Путь к ним открыт представителям молодежи всех стран.

Нет сомнения, что в конце июля и в начале августа на стадионах Москвы мы увидим интересную и напряженную борьбу достойных соперников.

Мы в гостях у художников

Мы заглянули сегодня в мастерские шести советских художников — маленького отряда большой армии живописцев, скульпторов, графиков.

«Замыслов много»,— сказал нам, прощаясь после беседы, З. И. Азгур. Мы это увидели, так сказать, воочию: огромная мастерская выдающегося белорусского скульптора вся заполнена статуями. И большая их часть еще не показывалась на выставках.

Пусть таких полюбившихся художникам замыслов, как у З. И. Азгура, Эвальда Окаса, А. Ф. Бурака, В. Н. Костецкого, Ф. П. Малаева, А. А. Блинкова, будет как можно больше, разных по темам и образам. Тем больше окажется радостных встреч у посетителей будущей Всесоюзной выставки, которая откроется в дни всенародного торжества — 40-летия Великого Октября.

В ГРАНИТЕ И ГИПСЕ

На одной из окраинных улиц Минска высится каменное здание необычной архитектуры. Окна в нем расположены примерно на высоте второго этажа, плоскость их резко наклонена внутрь дома. В здании этом, восстановленном после войны одним из первых в городе, расположены творческие мастерские белорусских художников и скульпторов.

Переступаем порог одной из мастерских — и попадаем к народному художнику республики, члену-корреспонденту Академии художеств СССР Заиру Исааковичу Азгуру.

В очень светлом и очень чистом помещении множество скульптур в настолько естественных позах, что вам на мгновение кажется: только что шел между этими людьми большой и откровенный разговор — и вдруг они замерли, не успев окаменеть... Полководец в островерхом шлеме — М. В. Фрунзе. Молодая мать, держащая на руках грудного ребенка. Чуть тронуты счастливой улыбкой уголки ее губ, широко раскрытые глаза. Рядом с Уолтом Уитменом — китайский ученый Ли Ши-джень. Дед Талаш — легендарный партизан из полесской глухомани с его зоркими глазами с хитринкой. «Душа белорусской музыки» композитор Н. И. Аладов. Вдохновенный Мусоргский, затем Тарас Шевченко...

Группа «В. И. Ленин с девочкой» — плод многолетних трудов художника. Человечнейший из людей — эти слова стали девизом, которым руководствовался скульптор. Еще не покинув мастерской, группа «В. И. Ленин с девочкой» мгновенно стала известна всей стране, когда фотографию с нее опубликовали газеты и журналы.

Заканчивая показ мастерской, З. И. Азгур заметил:

— Замыслов много. К тому, что сделано, могут быть еще пополнения...

Подтверждение этих слов — несколько начатых работ, бережно закутанных и еще не открываемых постороннему глазу.

А. ДИТЛОВ

З. И. Азгур встретил нас в своей мастерской.
Фото автора.

ДВЕ ТЕМЫ

Московский художник Федор Петрович Малаев увлечен героической темой освоения целинных земель. В своей мастерской он показал нам эскиз картины, которую готовит к Всесоюзной выставке.

«Иностранная делегация на целинных землях» — так называется это полотно. На небольшом холсте изображена расположенная полукругом группа людей в чешских и болгарских национальных костюмах. Они приехали на «поднятую целину», чтобы принять участие в труде советских товарищей. Люди стоят на зеленом пригорке, а перед ними спелая пшеница, волнуемая горячим, сухим ветром. Своеобразно задумана красочная гамма будущей картины. Все как бы тонет в розово-голубом мареве. Жара.

Это один из вариантов композиции.

— Впереди — летняя работа по натуре, поиски типажа, — говорит Федор Петрович. — Правда, за время моих прошлых поездок на целинные земли я накопил значительный этюдный материал, но вряд ли его будет достаточно. Надо еще многое увидеть своими глазами, выверить первые впечатления.

Все здесь, в мастерской, как будто полно целинной темой. Но в стороне на массивном подрамнике укреплен еще один большой холст. На нашу просьбу показать начатую, видимо, недавно работу Федор Петрович отвечает:

— Рано, пожалуй, показывать, но если интересно, смотрите.

Картина изображает молодых Герцена и Огарева в момент знаменитой их клятвы на Воробьевых горах. Вечереет. Внизу видна златоглавая белокаменная Москва. Фигуры еще только намечены, но и сейчас темпераментное, энергичное начало обещает очень своеобразную, полную романтики картину.

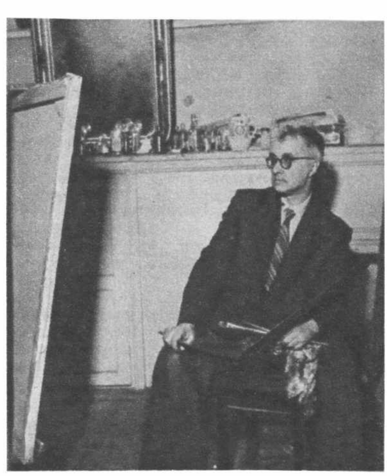
В мастерской Ф. П. Малаева.
Фото Г. Санько.

— Задача сложная, — говорит художник. — Словом, надо еще много работать.

А. ГАСТЕВ

ЗАЩИТНИКАМ РОДИНЫ

Мастерская художника находится высоко над Крещатиком, на двенадцатом этаже нового дома. Заслуженный деятель искусств УССР Владимир Николаевич Костецкий с утра преподает в Киевском художественном институте, во второй половине дня он всегда за мольбертом.

В. Н. Костецкий у мольберта.
Фото М. Агеева.

На табуретах и на полу разбросаны солдатские шапки-ушанки, шинели, безрукавка на меху, овчинный потертый полушубок, поясные ремни, автомат, сделанный из дерева. В одной стороне мастерской громоздится навес, в другой — из нетесаных, горбылевых досок сбита стенка.

Посредине комнаты большая, еще не оконченная картина. Костецкий снял ее со станка и по-

ставил другую — вариант первой. Еще два таких же полотна, несколько этюдов, отдельно написанные лица той же картины можно было увидеть вокруг.

Тема, над которой сейчас работает художник, посвящена защитникам Родины в суровые дни войны.

...Фронтовой блиндаж — тесная землянка. В ней происходит большое событие: молодому солдату, принятому в ряды Коммунистической партии, вручается партийный билет. По глазам воина можно прочитать всю его жизнь, которую он не пощадит для победы, но и не отдаст зря.

Художник критически всматривается в этот образ, еще ищет, сравнивая варианты. Какому отдать предпочтение?

— Я надеюсь, что долгие поиски наиболее выразительной композиции не пропадут даром,— говорит художник.

В. ШУМОВ

РЫБАКИ

В художественном училище Эвальд Окас увлекался пейзажем, много занимался прикладным искусством. В 1941 году, едва закончив училище, он ушел на фронт. На всю жизнь полюбились Окасу его однополчане — рыбаки с маленького балтийского острова, таежные охотники, украинские колхозники, шахтеры Донбасса. С той поры центральной темой творчества молодого художника стал человек в борьбе и труде.

Мы сидим в мастерской художника. Окас рассказывает о своей работе:

— После войны меня увлекла тема революции 1905 года. Я читал архивные документы, встречался со старыми эстонскими рабочими — участниками забастовок и демонстраций, работал над образом М. И. Калинина в годы его ревельской ссылки.

Потом мы долго рассматриваем стоящее посреди мастерской большое полотно с непросохшими красками — художник еще не закончил его: под темным, сумрачным небом по мокрым булыжникам мостовой идут люди с красным знаменем. В первом ряду — высокий рабочий, несущий знамя, седая женщина в платке, юноша в гимназической фуражке, человек в шляпе — учитель или служащий. Они-то и встретили первые выстрелы полицейских...

А сегодня мысль художника от тех героических лет направлена к нашим дням — к картине, у которой мы застали его в рабочей блузе с кистью в руках. «Песня рыбаков» называется эта картина. Художник вспоминает дни, когда сложилась эта тема:

— Был я на Кихну. Стояла ранняя осень. Рыбаки утром и вечером уходили в море: начиналась путина. Я встречал их на причале, делал зарисовки их за работой, разговаривал с ними. Однажды в воскресный день перед вечером застал на причале поющую группу — трое молодых рыбаков запевали, остальные подхватывали песню. Вольная, широкая мелодия, здоровые, сильные люди, спокойные, веселые лица. Я тогда же решил написать об этом картину и посвятить ее годовщине Октября.

И хоть нет на этой картине революционных матросов и рыбаков, но и о них рассказывает новое полотно сына таллинского рабочего Эвальда Окаса, заслуженного деятеля искусств, профессора таллинского художественного института.

Н. ХРАБРОВА

Эвальд Окас рассказывает.

Фото С. Розенфельда.

ПАНОРАМА

Александр Александрович Блинков вместе с молодым баталистом Л. Я. Рубинштейном работает над эпической темой «Штурм Зимнего дворца». Это будет огромная панорама. Когда смотришь на уже созданные многочисленные полотна, кажется, что ты не в павильоне художника, а на Дворцовой площади: панорама штурма Зимнего дается широким планом. В ночном осеннем мраке слева тускло вырисовываются купола Исаакиевского собора, в отблеске света прожектора отчетливо видно Адмиралтейство. А вот и Зимний. К нему в едином революционном порыве устремляются вооруженные отряды рабочих, солдат, матросов...

Ученик известного баталиста профессора Р. Френца, художник Блинков много работает в этом же жанре. Его картины «Штурм Нарвы», «Войско Ивана Грозного», «Первая Конная на привале», «Бой партизан на реке Сороть» и другие находятся ныне в музеях.

Нынешний облик Дворцовой площади во многом не похож на тот, какой она была в дни штурма 25 октября 1917 года. Приходилось шаг за шагом уточнять характерные детали. Тогда на площади возвышались штабели дров — ими юнкера пытались преградить путь к дворцу революционным рабочим и солдатам, — из бревен устраивали завалы. Фасад дворца был окрашен в красный цвет, что, кстати, не отвечало первоначальному замыслу отделки здания архитектора Растрелли.

По многу раз Блинков уточнял с живыми свидетелями событий, как шло развитие штурма.

В дом № 29 по 2-й линии Васильевского острова, где находится мастерская Блинкова, и посейчас продолжают наведываться те, кто в 1917 году с оружием в руках шел на штурм последнего оплота буржуазии — Временного правительства, засевшего в Зимнем.

Старые рабочие-революционеры с увлечением помогают своими советами художнику.

К. ЧЕРЕВКОВ

А. А. Блинков и Л. Я. Рубинштейн так проводят целые дни.

Фото Б. Уткина.

СТАЛЕВАРЫ

Ученики десятого класса школы рабочей молодежи станции Свердловск-Сортировочная написали сочинение на необычную тему: «Картина художника А. Бурака «К сыну за помощью». На разбор сочинений молодых рабочих преподаватель литературы Н. И. Сарапулова пригласила самого художника.

Мы побывали у Александра Филипповича Бурака на следующий день после этой встречи. Художник был очень взволнован высокой оценкой, которую получило его произведение в письменных работах и выступлениях рабочей молодежи.

Чем занят сейчас Александр Филиппович?

— Я уже давно мечтаю,— говорит художник,— создать большую картину о тружениках уральских заводов. В течение многих месяцев работаю в цехах Уралмаша, знакомлюсь с трудом и бытом рабочих, пишу этюды, портреты. Многие из уралмашевцев — частые гости в моей мастерской. Среди них — один из талантливых сталеваров, Федор Захарович Антощенко. Двадцать семь лет он варил сталь.

Портрет Федора Захаровича я писал прямо у рабочего места. Чтобы помочь мне, он обычно задерживался после смены, и я слушал его неторопливые рассказы о цеховых делах, о родном мартене. И такая в его словах всегда была забота о заводе, где он чувствует себя полноправным хозяином, такая душевная в нем красота!

Так родилась тема, подсказанная самой жизнью. Картина, над которой я сейчас работаю, называется «Плавка выдана». Это полотно — вчерне только — можно считать законченным. Вот посмотрите...

...Только что выдана очередная плавка. Печь заправлена. У сталеваров короткая передышка. Один сбросил рубаху и обливается водой, смывая пот, другой с жадностью пьет из фонтанчика холодную воду, третий прикуривает... А в центре — пожилой сталевар. Он присел, положил на колени натруженные руки, отдыхает. Но взгляд его устремлен на печь, где готовится новая плавка. Пройдет еще несколько минут, и пожилой сталевар со своими друзьями снова станет у печи.

Над этой картиной А. Ф. Бурак работает уже больше года. В это время Ф. З. Антощенко успел уйти на пенсию. Сейчас он завсегдатай в мастерской, позирует непосредственно у холста.

А. ГРИГОРЬЕВ

Сталевара Ф. З. Антощенко и А. Ф. Бурака связала тесная дружба.

Фото И. Тюфякова.

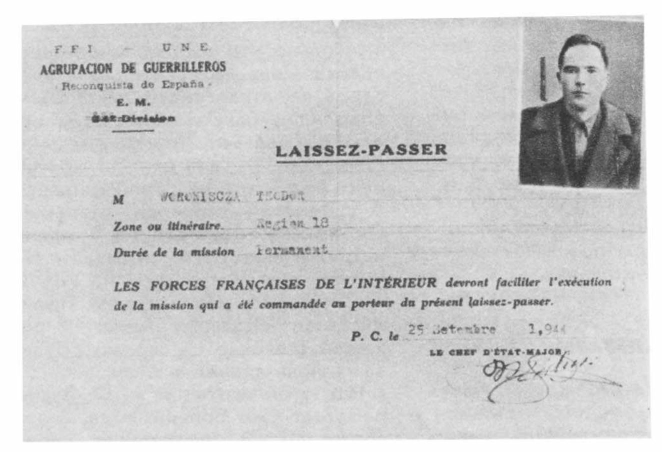

Группа партизан и подпольщиков в 1944 году в Бордо после освобождения города от фашистов. Воронищев — третий справа.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА И ЗНАМЕНИ

В. ПОНОМАРЕВ

F.F.I. — U.N.E.
AGRUPACION DE GUERRILLEROS
Reconquista de España
E. M.

LAISSEZ-PASSER

M WORONISCZA TEODOR
Zone ou itinéraire Region 18
Durée de la mission Permanent

LES FORCES FRANÇAISES DE L'INTÉRIEUR devront faciliter l'exécution de la mission qui a été commandée au porteur du présent laissez-passer.

P. C. le 25 Setembre 1,944
LE CHEF D'ÉTAT-MAJOR

Партизанский пропуск Ф. К. Воронищева.

На северо-западе Белоруссии есть небольшой городок Ошмяны. Здесь недавно открылся краеведческий музей. Не всякий посетитель обратит внимание на хранящееся здесь красное знамя, такое обычное для советских людей. Однако, узнав историю этого знамени, невольно задержишься около него, вновь и вновь разглядывая шелковое полотнище с государственным гербом.

Рассказать же об истории этого знамени, не касаясь судьбы Фаддея Константиновича Воронищева, невозможно.

Это были годы, когда Западная Белоруссия стонала под гнетом белопольского панства. Семья Воронищевых, что жила в деревне Клиденяты, на Сморгонщине, осталась без отца. То, что не выдержали плечи отца, легло на хрупкие плечи Фаддея, его братьев и сестер. Думали по-крестьянски долго и сошлись на одном: пускай Фаддей подастся за океан, посмотрит хваленые вербовщиками страны. Может, и в самом деле там рай земной. Продали корову, и «с богом!».

Прожитые в Аргентине восемь лет теперь вспоминаются, как мучительно длинный сон. Куда ни подавался, сколько порогов ни обивал, за какую работу ни брался, все попусту. Рай оказался адом.

Но Фаддей был не одинок. Жестокая судьба роднила таких же, как он, переселенцев из панской Польши, парней с обманутыми надеждами. С помощью товарищей Фаддей связался с нелегальной прогрессивной организацией. Когда по всему миру разнесся призыв о защите республиканской Испании, Фаддей Воронищев поехал добровольцем в Испанию и с оружием в руках боролся против фашизма.

Фаддей Константинович рассказывает ученикам ошмянской школы об истории знамени.

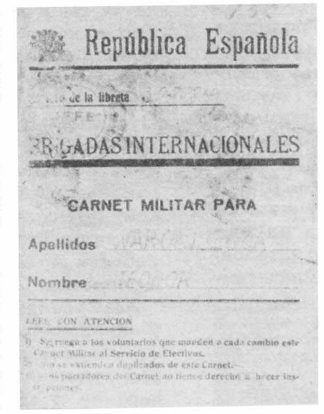
Из Испании вместе с республиканцами он перебрался во Францию. Когда здесь начали хозяйничать гитлеровцы, Воронищева посадили в концентрационный лагерь. Его посылают на сооружение оборонительной линии — «атлантического вала». Улучив момент, Воронищев бежит в Париж и находит одну из организаций патриотического подполья. По ее заданию он едет в Бордо и, вращаясь в среде военнопленных славян, многих из них переправляет в партизанские отряды, которые действовали на юго-западе Франции.

Летом 1944 года французские партизаны выбили гитлеровцев из Бордо. Фаддея Константиновича пригласили в городской комитет французской компартии.

— Завтра демонстрация. Хорошо, если бы ты пошел с партизанской колонной.

— Охотно. Только нужен какой-нибудь лозунг: знамени у нас нет.

— Знамя, товарищ Воронищев, есть! — И секретарь горкома вручает Фаддею Константиновичу алое полотнище.— Еще до войны москвичи подарили его одной нашей рабочей организации.

República Española
BRIGADAS INTERNACIONALES
CARNET MILITAR PARA
Apellidos
Nombre

Военный билет бойца Интернациональной бригады Ф. К. Воронищева.

...В конце 1945 года Ф. К. Воронищев вернулся на родину. В районном центре Сморгони он работает токарем в райпромкомбинате. Сохраненное им красное знамя долгое время было переходящим знаменем комбината, которое вручали передовому цеху. Ныне оно хранится в молодом ошмянском музее.

На родине Фаддей Константинович обзавелся семьей, живет в собственном домике, окруженном молодым садом. К нему часто заходит почтальон и приносит письма от таких же, как он, искавших счастье на чужбине, а затем вернувшихся на родную землю.

«Две карусели»

О том, что задерживает массовое изготовление всевозможных аттракционов, рассказывалось в «Огоньке» № 51 за 1956 год. Это выступление журнала вызвало много откликов.

Заместитель начальника управления культуры Моссовета С. Мавроди сообщил нам:

«Создание специального предприятия по изготовлению аттракционов — острая и насущная потребность для Москвы. Но до сего времени дело не сдвинулось с мертвой точки. Приняты лишь некоторые меры к тому, чтобы на московских заводах к лету изготовить девятнадцать аттракционов».

В то же время в редакцию поступило письмо от руководителей Ейского горпромкомбината Краснодарского крайместпрома.

«Во исполнение приказов (далее следует их перечисление),— говорится в письме,— нам поручено организовать производство аттракционов и их поставку Министерству культуры РСФСР в 1957 году.

Ейский горпромкомбинат в состоянии обеспечить выпуск аттракционов в необходимом ассортименте».

Так за чем же задержка? Оказывается, до сих пор не выделены фонды. И теперь комбинат вынужден распустить созданное им конструкторско-техническое бюро.

«Мы надеемся,— заканчивают свое письмо директор комбината, секретарь партбюро и председатель месткома,— что найдутся силы, которые поддержат коллектив и не дадут осрамить распоряжение Совета Министров РСФСР и приказ высоких государственных учреждений...»

— С созданием предприятия по производству аттракционов несколько поторопились, поэтому и вышла такая неувязка,— объяснил нам заместитель министра местной промышленности РСФСР В. Степченко.— И вышло, что предприятие создали, 640 тысяч рублей истратили, а снабжение предприятия материалами не предусмотрели. В этом виновны некоторые работники нашего министерства. Сейчас мы буквально в авральном порядке пытаемся предотвратить «аварию». Кое-что сделать удалось. Можете заверить читателей «Огонька», что 620 аттракционов в текущем году будут изготовлены.

Остается надеяться, что некоторое движение вперед не приостановится, что и министерство и Моссовет сделают все необходимое и вместо бюрократической карусели в наших парках появятся настоящие веселые карусели, как и прочие аттракционы.

«О добрых и недобрых соседях»

«Дорогая редакция! Напечатанный в журнале «Огонек» № 9 репортаж «О добрых и недобрых соседях» напомнил каждому о взаимном уважении. Долг каждого — идти на взаимные уступки и не омрачать взаимоотношения соседей»,— так пишет в редакцию К. В. Головина из города Ульяновска.

Читатели журнала в своих письмах продолжают рассказывать и о тех, кто дружно, слаженно живет, и о тех, кто ведет себя недопустимо.

Пенсионер, ленинградец В. Михайловский пишет:

«Вот уже два с лишним года, как я живу в новом доме. У меня трое соседей. С первых же дней мы помогаем и уступаем во всем друг другу.

Никто из нас не обижается из-за «мелочей», мы дружно благоустроили места общего пользования, приобрели зеркало, половики, занавески, полочки. Одним словом, установили нормальные добрососедские отношения. А вот над нами в такой же квартире и в таких же условиях живут три семьи, но там раздоры, отдельные электролампочки на кухне.

Беда в том, — продолжает он, — что общественность наша, как правило, почти никакой борьбы с этим злом не ведет, стоит в стороне, считая неудобным вмешиваться в «кухонные дела». Мол, сами разберутся. А «сами» разбираются очень плохо, и дело доходит до скандалов, до суда».

Приводя примеры хороших и плохих взаимоотношений, читатели подчеркивают, что общественность должна смелее, решительнее бороться с ненормальностями. Ведь на иных «недобрых соседей» даже суды не действуют.

«С нарушителями нужно решительно бороться! Ведь взаимоотношения соседей нередко омрачают люди нахальные, бессовестные»,— пишет нам Г. И. Казанцев из Жданова.

«В нашем советском обществе не должно быть таких, которые во имя личных, мелких принципов нарушают правила социалистического общежития. Нужно создавать вокруг подобных «единоличников» соответствующее общественное мнение»,— заявляют старшина 2-й статьи В. Груздев и старший матрос Г. Шестернев.

Читатели правильно предлагают вести постоянную массовую воспитательную работу не только на производстве, но и в домах, создавать по территориальному принципу различные кружки, комиссии содействия домоуправлениям. Кстати, комиссии содействия существуют во многих местах, и там, где в их составе инициативные, боевые товарищи, они приносят большую пользу.

Решительно поднять роль общественности и управдомов в вопросах быта и взаимоотношений жильцов предлагают и москвич С. Г. Андреев, и киевлянин А. Т. Казимиров, и харьковчанка Н. В. Иванова, и другие товарищи. В частности, С. Г. Андреев рекомендует, чтобы плата за газ и свет вписывалась в жировку для каждой семьи, как вписывается плата за воду и отопление. Это, по его мнению, устранит недоразумения. Он считает также необходимым разработать правила пользования жилым помещением.

Совместными усилиями можно добиться такого положения, когда ничто не будет омрачать нашу жизнь в общей квартире. «Ведь как приятно себя чувствуешь,— говорит В. Михайловский,— когда окажешь услугу другому, а тем более соседу, и видишь, что он готов ответить тем же».

Москва-400

Очередная посылка.
Фото автора.

Всего в Москве отделений связи было 381. И вдруг очередному отделению присваивают не 382-й номер, а 400-й. Обычный порядок был нарушен на этот раз по необычной причине: вновь созданному отделению связи при Подготовительном комитете VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов необходимо было «круглое», легко запоминающееся число.

Москва-400 — этого короткого адреса вполне достаточно, чтобы письмо, бандероль, посылка пришли на фестиваль.

Каждый день Москва-400 принимает груз в полосатых (как это принято на почте) мешках.

Из Чехословакии пришли значки с эмблемой фестиваля.

С запада и востока нашей страны идут конверты, наполненные коллекционными марками: на фестивале откроется выставка филателистов.

Из Сталино, из Дворца пионеров, пришли... орехи. Вкусный подарок!

Из Болгарии на имя агронома Оводова, побывавшего у тамошних селекционеров, прибыли семена скороспелых помидоров и инструкция, как сеять и ухаживать за растениями, чтобы болгарские помидоры созрели в совхозе имени Богдана Хмельницкого, Кустанайской области, как раз к открытию фестиваля.

Еще из Чехословакии: бандероли с фестивальными плакатами.

А вот только что прибыла посылка из Новороссийска, из школы № 20.

«Направляем подарки, просим Комитет по организации и проведению VI Всемирного фестиваля вручить их делегатам».

Посылку вскрыли на почте, проверили содержимое: 50 носовых платочков с ручной вышивкой. На некоторых имена и фамилии рукодельниц и... рукодельцев: Пимогина Надя, Левицкая Надя, Ускова Лена, Алик Гонтарев (кстати, самый красивый платочек!), Вова Рягин, Сева Верешев...

Семена цветов, значки, альбомы. В одном из альбомов любительский снимок белого двухэтажного каменного здания, стоящего на склоне горки. Без надписи ясно: это и есть школа № 20.

Вот какая корреспонденция приходит в адрес Москва-400.

В. ПОЛЫНИН

Тост Роберта Робинсона

В начале тридцатых годов в Сталинграде разбиралось судебное дело по обвинению двух американцев в избиении негра, «посмевшего» зайти в столовую, где обедали белые.

Американские специалисты, приглашенные на строительство тракторного завода, даже на советской земле не сумели отказаться от преследования человека с темной кожей, своего соотечественника Роберта Робинсона, вместе с ними прибывшего из-за океана.

По решению суда «блюстители расовой чистоты» были выдворены из СССР. Когда завод был построен, Робинсон выразил желание остаться в нашей стране. Его перевели в Москву, на подшипниковый завод.

Одним из ветеранов завода по справедливости считается инженер Робинсон, проработавший на нем 25 лет. Эта круглая дата послужила поводом для банкета, устроенного на днях в помещении заводского кафе.

Вначале юбиляр коротко поведал о себе. Он родился на острове Ямайка. Ему 48 лет. С самых ранних лет негритянскому мальчику пришлось зарабатывать себе на жизнь. Оказавшись в США, он поступил на завод Форда. Роберт стал уборщиком одного из цехов завода. Оборудование цеха, станки и машины приковали к себе внимание юноши. Он приглядывался к ним, потом поступил в техникум. Стоимость учебы поглощала большую часть его заработка. Но, окончив техникум, молодой негр долго не мог применить своих познаний. Работа у станка — привилегия белых.

Когда на заводе Форда появились советские инженеры и предложили ряду американских специалистов работу на стройке тракторного завода у берегов Волги, Робинсон охотно принял это предложение.

— Я приехал сюда из Америки по контракту на год, а живу в СССР больше четверти века уже как советский гражданин, — сказал гостям Робинсон. — Здесь я получил высшее образование, стал инженером инструментального цеха. Однажды коллектив завода избрал меня депутатом в Моссовет.

Михаил Кузнецов поздравляет Роберта Робинсона.
Фото С. Шингарева.

Мой первый тост — за существующее в нашей стране равенство людей всех национальностей, за мир во всем мире!..

За столами заводского кафе оказались люди многих национальностей: это были ученики Робинсона, его товарищи по институту, по работе, просто знакомые.

У Робинсона 31 ученик. Среди них цыган Грицов с сыном Николаем, ставшие шлифовальщиками, Руис Луиз, привезенный ребенком 20 лет назад из Испании, бывший ломовой возчик Жильцов, которому Робинсон помог стать шлифовальщиком.

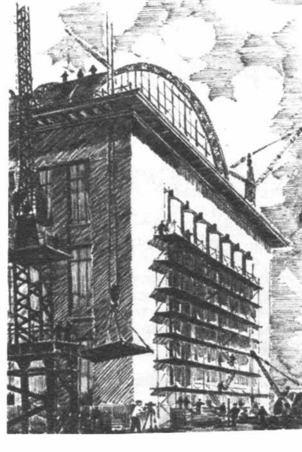
В зал вошел человек, чье лицо нам хорошо знакомо. Он обнялся и расцеловался с Робинсоном, вместе с которым работал на этом заводе и учился у него. Это Михаил Кузнецов, ставший впоследствии артистом кино, исполнитель роли Чижика в фильме «Матрос Чижик».

Робинсону вручают подарок от товарищей по совместной работе в инструментальном цехе — телевизор «Темп».

Выступают один за другим китайцы и русские, чех и чуваш, кореец и испанец... А за столом сидят армяне, грузины, татары...

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

Новые плавательные бассейны

Строительство закрытого бассейна на Ленинградском шоссе.

К VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в столице появятся новые спортивные сооружения.

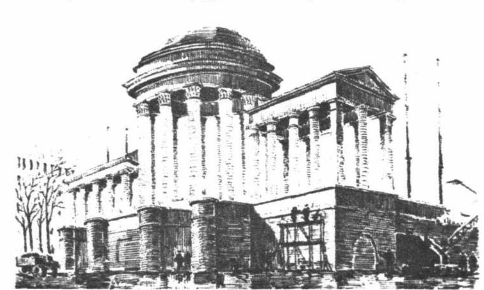
Вблизи станции метро «Динамо» заканчивается строительство закрытого плавательного бассейна. В распоряжении спортсменов будут две ванны для плавания. Бассейн оборудован вышками, трамплинами, трибунами для зрителей. Проектировщики позаботились об удобствах для пловцов и зрителей. В здании имеются тренировочные залы, гардеробы, комнаты массажистов, медицинские кабинеты, буфеты. Специальным звукопоглощающим потолком будут устранены всякие шумы.

Второй — открытый — плавательный бассейн сооружается вблизи станции метро «Парк культуры». На трибунах разместятся пять тысяч зрителей. Температуру воды в бассейне можно будет менять, что позволит продлить спортивные состязания до глубокой осени.

Большие строительные работы ведутся по реконструкции мироновских бань. Здесь будет пять плавательных бассейнов. Два из них рассчитаны на соревнования, третий — на прыжки в воду, четвертый предназначен для тренировок, а пятый — для юных пловцов.

Это целый комбинат водного спорта, в котором разместятся тренировочные залы, кинозал, кафе, аудитории, кабинеты врачей, душевые.

Архитектор Н. ЮРИКОВ

Открытый бассейн на Кропоткинской набережной.
Рисунки автора.

В лабиринтах одесских катакомб

Теперь спасенным «путешественникам» можно сделать внушение. На снимке (слева направо): сидят — лейтенант М. Кобаль, Валерий Лучников, Леня Мурованый, капитан Г. Ситников; стоят — Володя Федоров, ефрейтор Н. Виноградов, ефрейтор П. Осыкин, младший сержант А. Павленко, Саша Прибегин и младший сержант Н. Савуляк.

Фото автора.

Дежурный по седьмому отделению милиции Одессы как мог успокаивал посетительницу:

— Не пропадет ваш Валерик. Где-нибудь в кино задержался.

Однако женщина уверяла, что дело серьезное, что она успела побывать у всех друзей своего сына Валерика, и их тоже нет дома...

В этот день таинственно исчезли Саша Прибегин, Володя Федоров, Валерий Лучников, Леня Мурованый, Павел Персидский — все ученики 3—7-х классов средних школ. Возникло подозрение, что ребята заблудились в катакомбах. Но в каких именно, где?

В отделение милиции пригласили людей, хорошо знающих расположение катакомб. Добровольцев сразу же набралось чуть не сто человек. Самые опытные старожилы были назначены проводниками. В подземелье спустилось одиннадцать поисковых групп. Искали день, другой, но никаких следов пропавших детей не обнаружилось.

В конце концов работникам милиции удалось найти двух школьников, которые видели, как несколько мальчиков направились в партизанские катакомбы.

К новому месту были стянуты все силы. За помощью в организации связи под землей обратились в войсковую часть. Рота капитана Ситникова, захватив с собой 40 километров кабеля, 16 телефонных аппаратов, фонари, прибыла на место происшествия. Солдаты проложили подземную линию связи. Наверху у аппаратов все время дежурили телефонисты.

Один из спасавших предложил:

— В катакомбах на перекрестках нужно расставить фонари. Может, ребята сами наткнутся на огонь.- Солдаты расставили под землей 270 «маяков».

Теперь расскажем, что произошло с детьми.

Днем они играли на полянке, в районе катакомб. И вот Валерию Лучникову пришла в голову заманчивая мысль:

— Ребята, давайте спустимся под землю. Там есть интересное место, где был штаб партизанского отряда.

Так пятеро школьников стали искать загадочный «штаб». У мальчиков было немного спичек, катушка ниток и четыре рогатки. С этим «вооружением» они отправились в опасный путь. Ничего не поделаешь: романтика приключений...

И они, конечно, сразу же заблудились. Сперва ребятам казалось, что они выберутся наружу, что они находятся где-то неподалеку от выхода, но дороге не было конца. Хорошо, что по пути валялся кусок резины. Она хотя и ужасно дымила, но давала некоторый свет. Потом и резина кончилась. Пошли в ход рогатки, носки, майки и даже брюки Лени Мурованого. Все, что было возможно, ребята сожгли, освещая себе дорогу. Но вот кончились спички. Вокруг наступила зловещая темнота. Ни пищи, ни воды, ни света, никакого ориентира, а стало быть, никаких надежд на спасение.

Они блуждали в глухом подземелье, натыкались на завалы, упирались в тупики, кричали, звали на помощь, но никто не слышал их голоса отчаяния.

Мальчики забрались в тупик и в растерянности сбились в кучу, притихли. Пришлось вернуться на прежнее место и снова долбить потолок. Работали плечом к плечу, спали, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Потом опять бродили по катакомбам, искали выхода.

...Кончились третьи сутки, когда ребята обнаружили слабенький огонек фонаря, потом увидели телефонный провод. Это было спасение. Это пришла помощь старших.

Незадачливую пятерку усадили на автомашину «Скорой помощи» и отправили в больницу.

Так были спасены ребята, оказавшиеся в смертельной опасности. Чувствуют они себя сейчас превосходно.

Н. МАЛИНОВСКИЙ

Первые впечатления

Розыгрыш первенства Советского Союза по футболу

Матчи на первенство страны многие, в том числе и автор этих строк, увидели лишь в начале мая. В то время, как на южных полях началась «борьба гигантов», москвичи знали о ней лишь по сухим цифрам, выражавшим силу одних и слабость других команд.

Пока футбол продвигался к нам на север, почти половина соревнований первого круга была уже сыграна и турнирная таблица заполнилась первыми очками и первыми голами.

Появилась некоторая «футбольная арифметика», которая давала пищу для размышления.

Прежде всего бросалось в глаза малое количество забиваемых голов. Оказалось, что для достижения победы достаточно было вбить два, а то и один мяч. Команды довольствовались минимальным преимуществом. Сравнение с цифрами прошлогоднего футбольного старта подтверждает эту особенность нынешней весны.

Действия атакующих линий тогда были более выразительны, а победы — более внушительны.

В прошлом сезоне после первых семи туров все команды класса «А» забили 132 мяча, а в этом — менее ста. Как это ни странно, цифра эта изменилась за счет пассивной игры форвардов ведущих коллективов. Так, например, «Спартак» в прошлом году за этот же период забил 19 мячей, а в этом... девять.

Меньше, чем прошлой весной, забили нынче московские динамовцы, торпедовцы, армейские футболисты, кишиневский «Буревестник», «Шахтер».

Оперируя только цифрами, трудно было найти причины уменьшенных чисел.

Но вот мы побывали на стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках, а также на стадионе «Динамо», посмотрели несколько матчей, в том числе и первую встречу давнишних соперников — «Спартака» и «Динамо»,— увидели и армейцев, и торпедовцев, и киевских динамовцев, и горняков. Многих увидели. И так же, как в таблице бросились в глаза малые цифры, так на поле явственно поражала прямолинейность, а порою и наивность игровых действий. Ни у одной из линий нападения мы не заметили изобретательности, смекалки, хитрости, не заметили творческой мысли тренеров. Осталось впечатление, что форварды разыгрывали комбинации по старым схемам, известным не только соперникам, но и зрителям. Футболистам оборонительных линий легко было срывать атаку, построенную по шаблону.

Сейчас уже нельзя рассчитывать только на быстрый бег, хороший финт (обманное движение) и физическую силу. Современные защитники не уступают форвардам ни в скорости, ни в силе, ни в умении обращаться с мячом.

В этом, на мой взгляд, и кроется причина скромных цифр в графе забитых мячей.

Французский журналист Габриэль Ано, видевший несколько матчей с участием наших команд, образно заметил:

«Когда играешь на органе, нельзя всегда пользоваться звуками одного регистра».

Смена регистра, то есть смена тактических замыслов, является обязательной для футболистов, которые хотят побеждать интересной, изобретательной игрой.

Гибкая тактика предполагает меньшую затрату сил и более эффективные результаты. Таков закон всякой спортивной борьбы.

В ней должна чувствоваться мысль наставника.

М. МЕРЖАНОВ

В матче на первенство страны между командами «Спартак» — «Динамо», состоявшемся 2 мая на Московском стадионе имени В. И. Ленина, судья Н. Латышев назначил одиннадцатиметровый штрафной удар в ворота «Динамо».

Наш фотокорреспондент А. Бочинин заснял момент, когда вратарь «Динамо» Л. Яшин парировал сильный удар С. Сальникова. Мяч ушел выше ворот.

«Опять двойка»

В этом году в судейском протоколе тренеры ставят игрокам своих команд отметки.

Для оценки игры принята пятибалльная система. Появились уже отличники, много поставлено хороших баллов, есть троечники. В судейских протоколах замелькали и двойки.

Так, известный защитник «Спартака» Николай Тищенко в матче с киевскими динамовцами вторично получил двойку. Это и послужило поводом для дружеского шаржа.

Провинившийся — Н. Тищенко; за столом сидит начальник команды Николай Старостин; на велосипеде — Борис Татушин; сзади — Игорь Нетто.

Дружеский шарж И. СЕМЕНОВА.

ГДЕ БУДЕТ ИГРАТЬ РАЙМОН КОПА?

Зарубежная спортивная печать сейчас полна сообщений о предстоящем чемпионате мира по футболу. Во многих газетах пестрят заголовки вроде такого: «Если дон Сантьяго Барнабеу скажет «да», то Раймон Копа будет играть за Францию!»

Для читателя, не посвященного в тайны зарубежного футбола, подобный заголовок покажется загадочным, даже если ему известно, что такой Копа. О доне Барнабеу он, конечно, ничего не знает, так как эта личность знакома лишь узкому кругу специалистов.

Разъясняем: Копа — один из лучших футболистов Франции. С прошлого года он завербован испанским клубом «Реал-Мадрид», хозяином которого является С. Барнабеу. В чемпионате мира каждая национальная команда может состоять лишь из граждан своей страны. Игрок, выступавший за иностранный клуб, не допускался к розыгрышу первенства мира. Таковы были правила до последнего времени. Сейчас они несколько изменились. Теперь достаточно разрешения Барнабеу, чтобы Копа сыграл за родную команду (разумеется, с санкции национальной федерации Франции). Едва ли руководители французского футбола откажутся от услуг этого талантливого мастера.

С энтузиазмом встретили это новшество и руководители шведского футбола, ибо многие шведские футболисты играют за итальянские клубы.

Сквозь триумфальные ворота

З. ВЕЙС,
польский журналист.

Велогонка мира, Прага — Берлин — Варшава, является для меня юбилейной: я пятый раз принимаю в ней участие в качестве корреспондента. Но и до этого я, как и миллионы других людей, наблюдал за гонкой в одном пункте: промелькнут мокрые, потные велосипедисты в ярких майках, и все... Тысячи людей приветствовали незнакомых спортсменов, съехавшихся со всех концов Европы.

Традиционный велопробег стал крупным спортивным соревнованием, которому нет равного в мире.

Сейчас, глядя на радостные лица людей в городах, поселках и в деревнях, невольно думаешь не столько о спортивной стороне гонки, сколько о том, что все эти люди не хотят войны и верят в мир.

Мы промчались по территории Чехословакии, миновали Брно, Табор, вернулись в Прагу, побывали в Карловых Варах. На всем пути мы видели сотни триумфальных ворот, устроенных по случаю велопробега. На разных европейских языках было написано слово «мир».

В этом году в гонках принимает участие больше команд, чем в прошлые годы. Несмотря на это, спортивный уровень нынешних соревнований мне кажется очень высоким.

На территории Чехословакии шла упорная борьба за личный и командный зачет. Вначале успешнее других выступал швед Огрен, далее первенствовал болгарин Христов, в Карловых Варах первым на стадион «влетел» бельгиец Проост.

Нет смысла говорить о технических результатах и о шансах спортсменов, ибо пока выйдет в свет журнал, участники велогонки пересекут Германскую Демократическую Республику и будут накануне финиша. Сами понимаете, что в таком положении заниматься прогнозами весьма рискованно.

Можно сказать, что борьба будет крайне напряженной, как и до сих пор. Условия гонки трудные. Еще неделю назад была прекрасная весна, но уже в пути мы встречались и с холодным дождем и со снегом.

Победят те, которые сумеют преодолеть все трудности напряженного соревнования: крутые подъемы и спуски, дожди, снег и жару.

Карловы Вары (по телефону).
7 мая.

Десятая велогонка мира по маршруту Прага — Берлин — Варшава. На снимке: участники начинают гонку.

Фото Чехословацкого телеграфного агентства.

Шабашкин идет к финишу

Е. ЦУГУЛИЕВА

Артель «Бытремонт» мирно занималась своим делом: к чайникам припаивались утраченные носики, дырявые кастрюли украшались сверкающими заплатами,— когда на пороге мастерской, заслонив собой солнце, выросла величественная, широкоплечая тень.

— Анисим! — раздался зычный бас, и в мастерскую протиснулся обладатель тени — здоровенный мужчина с лохматой головой и хитрыми желтыми глазами.— Ты здесь?

Тот, кого звали Анисимом, от неожиданности уронил недолуженный котел на собственную ногу и воскликнул:

— Иван Ефимыч, наконец-то! А мы уж заждались.

— Ну, вот чего, — сказал Иван Ефимыч,— балеты разводить некогда. Погода на пятки наступает. Собирай ребят, послезавтра утречком по росе выступаем.

— А припасу сколько брать?

— Ты что, очумел? На кой нам припас? Всегда на месте добывали.

Через два дня Иван Ефимыч, Анисим, старичок с бородкой, которого звали Никанорычем, и еще несколько человек с мешками и сундучками шли по дороге, ведущей в колхоз «Светоч».

— В «Светоче» мы вроде раньше не бывали,— рассуждал Иван Ефимыч.— Они еще нестриженые. Надо попытать счастья. Сколько нас? Семеро? Что-то раньше я вроде этой рожи не видел...

Долговязый парень стыдливо зарделся.

— Он из парикмахерской, Иван Ефимыч,— пояснил Анисим,— увязался с нами. Хочу, говорит, тоже с Шабашкиным поработать. Ему, видишь, деньги нужны, жениться собирается, так на рояль, мотоциклетку и прочий причиндал, необходимый в семейной жизни...

— Ну что ж, нехай идет,— милостиво согласился Шабашкин.— А эти откуда?

— Матвей из холодных сапожников, по специальности латочник. Фирсов в оркестре на флейте играл, выгнали за излишние напитки. Анатолий школу бросил. Вот вроде и все.

— Ладно, — сказал «бригадир».— Кадры подходящие. Одного — в плотники, другой каменщиком будет, а парикмахер — на столярку. Пойдешь?

— А чего ж? — сказал парень.— Мне хочь токарем, хочь пекарем. Абы деньги.

— Деньги будут, — обнадежил шеф.— Не впервой идем, и все за деньгами... Вроде как пришли. Эй, малый, где тут правление колхоза?

Белобрысый мальчишка, задумчиво ковырявший в носу, прервал свое интересное, но трудоемкое занятие и воззрился на новоприбывших:

— Правление? А вон там, на горке. Давай, дяденька, я проведу.

Уже подходя к самому зданию, Шабашкин заметил что-то неладное. За ними шла группа колхозников. Они с интересом вглядывались в лица гостей и переговаривались.

— Те самые,— убежденно заявил парень в гимнастерке.

— Они,— поддержал старик-колхозник.— И новые есть.

Окончательную ясность в дело внес мальчишка, опять начавший терзать свой нос.

— А вы у нас в прошлом годе были...— сказал он Шабашкину.

— Чего вре-ешь! Мы тут впервой.

— Вот те и врешь! Овчарню у нас строили. Только ушли — и овчарня завалилась. Смеху было! Председатель колхоза к прокурору ездил, а тот его раззявой назвал. Ищи, говорит, свищи. Шесть тысяч отвалил проходимцам. Искали вас цельный год. А вы вон сами объявились.

— Митька, — толкнул мальчишку под бок колхозник в гимнастерке, — чего расшумелся? Еще сбегут! Мы тут за подмогой послали...

Уловив чутким ухом этот диалог, Иван Ефимыч неожиданно для всех повернулся и пустился бежать по дороге в обратном направлении. За ним резво мчались остальные члены «бригады». Опомнились они только за околицей.

— Вызволили угодники! — сказал Никанорыч.

— Черта пухлого! — зло сказал Шабашкин, отдуваясь.— Ноги тебя вызволили, а не угодники. Нужен ты им! А какая нелегкая нас сюда занесла? Это ты, Николай, сюда свернул?

«Старший плотник» виновато молчал.

— Ладно. Видно, на вас надеяться нельзя. Буду сам раскидывать мозгами. Пошли в укрупненный «Свободный труд». Они нас не знают, мы их не знаем. Шевелитесь, отдыхать на курортах будете!

Председатель «Свободного труда» Кулагин принял гостей радушно.

— Привет калымщикам! — сказал он.— Небось, шкуру с нас сдерете? Знаем вас! Ежели бы не крайняя нужда, век бы вас не видал. Ладно. Коровник построите?

— Хочь санаторий,— быстро сказал «бригадир», торжествующе оглянувшись на своих подчиненных.— Мы и дворец построим, и дачу, и завод, и свинушню, и курятню, и лаболаторию.

— Давай рядиться. Что возьмете?

— На сто голов? Пять тысяч шестьсот.

— Та-ак,— задумчиво протянул председатель.

— А харчи, бригадир, забыл? — напомнил Анисим.

— Правильно, харчи,— подхватил Шабашкин.— Яичек штук по сотне, сала, молока, куриц, поросен... нет, лучше подсвинка. Хлеба сколько влезет. Солененького там...

— По утрам кофий или какао подавать? — спросил председатель.

— Чего-о?

— А компот какой? Консервный или, скажем, из сухой дули? Ликер потребуется или коньячком обойдетесь?

Иван Ефимыч посмотрел на председателя. Тот стоял с невинным лицом и ждал ответа.

— Това-арищ председатель, — сладко запел Шабашкин,— мы ведь не навязываемся вам. Не подходит наша цена — других найдем. Была бы шея...

— А вот я тебе сейчас покажу шею! — многообещающе произнес председатель.— Ишь, архитекторы! Нашли дураков. А кто у нас в запрошлом годе взялся силосную траншею рыть да с деньгами дал тягу?

— Да мы у вас и не были никогда!

— Катитесь отсюда, пока не наклали вам по первое число,— предложил председатель...

— Куда теперь? — шагая по дороге, вслух рассуждал Шабашкин.— Может, в Красногвардейский район? Там мы, помнится, хорошо поживились. В «Рассвете» три тысячи хапнули да кадку масла. В артели «Вперед» харчей нам не дали, зато денег вдвое.

— А чего там делали? — с любопытством спросил парикмахер.

— Саман взялись резать. Сурьезные там колхозники. Помнишь, Анисим, как за нами на грузовиках гнались? Ежели бы не ночная темнота, догнали бы... Да-а. Как же это я упустил из виду? — почесывая затылок, размышлял Шабашкин.— Здесь нам уж не светит. Может, в артель «Луч»? У них недавно председателя сменили.

— Там до нас Андрюшка Чамкин побывал,— сказал Анисим.

— Отпадает,— сказал «бригадир».— Пошли, братцы, в колхоз «Дружба» кирпичный завод строить.

Начался дождь, и путники с трудом шлепали по грязи. Их нагнала грузовая машина. На поднятую руку Шабашкина водитель остановился и сказал:

— Всех не возьму. Вон у меня тут еще пятеро. На суд торопятся.

— Какой суд?

— В районе показательный процесс. Калымщиков судят.

— Ко... кого? — Голос Шабашкина прозвучал подозрительно тонко и несолидно.— Каких ка... калымщиков?

— Ершова, что ли. Недавно еще таких судили. По пяти дали.

— По пяти чего? — спросил парикмахер.

— Дурья голова! — прошипел Иван Ефимыч.— Куда лезешь на машину? С комфортом захотел в суд прикатить? Шпарь вон туда, на ту дорогу. Пешедралом пойдем. Спокойнее.

Дорога привела путников к большому селу. По широкой улице калымщики пришли в правление колхоза «Верность».

— Не надо,— отверг их услуги председатель колхоза.

— Почему не надо? — удивился Шабашкин.— Мы бы недорого и взяли.

— Не надо,— отрубил председатель, — проваливай отсюда!

— Так вы что, строить не хотите, что ли? — почти с отчаянием сказал «архитектор».— Нет такого закона, чтоб не строить! Вон и постановление было, чтоб, значит, строить.

— Постановления мы, друг ситцевый, знаем лучше тебя. Строить мы строим, а только без вас. Понял, еловая голова?

«Еловая голова» снова полез к себе в затылок.

— Са-ами?

— Дошло! — ехидно сказал председатель. — Вот именно. Бригады у нас теперь свои. И штукатурные, и плотницкие, и всякие другие. Вы сами уйдете или вам помочь?

...Уже в сумерках молча двигалась вперед «бригада» Шабашкина. «Бригадир» подавленно молчал.

— А куда нас черти несут? — нарушил молчание парикмахер.— Может, по домам разойтись?

— Знаю я еще один колхозик,— неуверенно пробормотал «бригадир».

— Хватит! — сказал Анисим.— «Колхозик»! Еще намылят там шею. У, леший!.. Из-за тебя работу бросил, потащился неведомо куда.

— А я совсем уволился,— уныло сказал парикмахер.— Сманили, ироды!

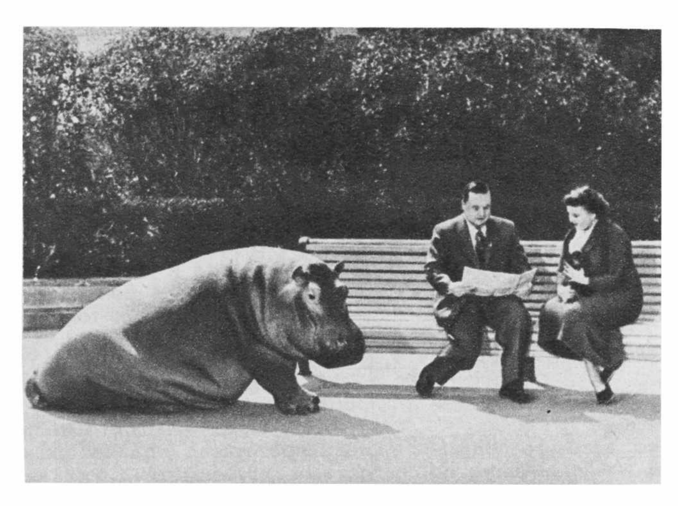
Шабашкин хотел было вступить с ним в дискуссию, но, взглянув на лица остальных, применил уже испытанный метод. Он оторвался от своей паствы и быстро побежал по дороге.

— Держи его! — кричали сзади.— Лови-и!

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Киноактеры Малышка и Пурш

Малышка взглянул равнодушно на газетную страницу, и даже рисунок Бидструпа не рассеял его меланхолии. Он глубоко вздохнул и отвернулся. Малышка действительно толстокож, и равнодушие его простительно: он бегемот. Малышка прилег у скамьи, на которой сидят дрессировщик Владимир Григорьевич Дуров и его жена Регина Васильевна. Недалеко от них расположились кинооператоры, а за ними — любопытные: не часто встретишь на улицах Баку бегемота. Центральная студия документальных фильмов снимает кинокартину о мастерах советского цирка.

Привыкли к кинооператорам и охотно позировали им питомцы Маргариты Назаровой. Тот, кто видел небольшой фильм «Человек и зверь», помнит его начало. Идет по лесу девушка. Вдруг раздается грозный рев, из-за деревьев выскакивает тигр. А в следующее мгновение идет веселая борьба между тигром и дрессировщицей Назаровой. Снимали эту сценку так: зверь был на свободе, а операторы и режиссеры — в клетке.

В Баку кинооператоры были на «свободе». Пурша посадили в «ЗИМ», и он совершил небольшое путешествие по городу. Оператор и ассистент довольны: Пурш послушно выполнял приказания дрессировщиков Назаровой и Константиновского и не внес в сценарий никаких коррективов.

А. КИКНАДЗЕ

Фото Э. Абрамова.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

В связи с многочисленными пожеланиями подписчиков собрание сочинений Э. Золя, выпускаемое в качестве приложения к журналу «Огонек», расширяется и составит примерно 450 печатных листов. За счет увеличения объема отдельных томов в собрание, кроме 20 романов серии «Ругон-Маккары», включаются романы «Лурд» и «Труд».

Астрономия за две недели

Редко, когда за небольшой промежуток времени, всего за две недели, случается столько интересных астрономических явлений.

Несколько дней в конце апреля на небе была особенно ясно видна комета, самая яркая за последние годы. Ее открыли в прошлом году бельгийские астрономы Аренд и Ролан. В апреле комета Аренда — Ролана ближе всего подошла к Солнцу — на расстояние около 50 миллионов километров (это в три раза меньше, чем расстояние от Земли до Солнца).

30 апреля произошло кольцеобразное затмение Солнца. Лучше всего его можно было наблюдать в Ненецком национальном округе, на северо-западе Коми АССР, в южной части Новой Земли. В Нарьян-Маре кольцеобразная фаза затмения длилась 92,8 секунды. В других районах затмение было частное, то есть Луна закрывала только часть солнечного диска.

Примерно 14 раз за столетие случается прохождение Меркурия по диску Солнца, и бывает оно только в мае или в ноябре. Такое астрономическое явление произошло 6 мая. Любопытно, что, кроме Меркурия, земные наблюдатели могут видеть прохождение по диску Солнца еще одной планеты — Венеры. В 1761 году великий русский ученый М. В. Ломоносов, наблюдая прохождение Венеры, открыл у нее атмосферу.

В ночь с 13 на 14 мая произойдет полное затмение Луны.

В. ЛУЦКИЙ

Между прочим

Груз — немецкий воздух

Знаменитый французский физик и химик, почетный член Российской Академии наук Ж. Л. Гей-Люссак больше всего занимался газами. Он вторым из ученых — после русского химика Я. Д. Захарова — с научной целью поднимался на воздушных шарах и брал пробы воздуха на высоте более 6 тысяч метров.

С Гей-Люссаком произошла следующая забавная история. Однажды ему понадобилось для опытов много особых тонкостенных стеклянных сосудов, которые в то время изготовляли только в Австро-Венгрии. Заказ ученого был выполнен, но на границе таможенники начислили на лабораторную посуду такую огромную пошлину, что ученый оказался не в состоянии уплатить ее, и посуда была отправлена обратно.

Выручил Гей-Люссака его друг, практичный Александр Гумбольдт. Он приказал тщательно закупорить все возвращенные сосуды, залить пробки сургучом и вновь отправить Гей-Люссаку, написав на ящиках: «Немецкий воздух. Обращаться с осторожностью».

Таким образом стеклянная посуда из товара превратилась в простую упаковку.

Сколько ни рылись таможенники в правилах и инструкциях, они нигде не нашли статьи, по которой можно было бы обложить пошлиной воздух. Ценные сосуды беспрепятственно проследовали через границу, а Гей-Люссак получил возможность осуществить задуманные эксперименты.

Ю. ПЕТРОВСКИЙ

Терпение

Китайская миниатюра

Один китаец уезжал в город исполнять обязанности государственного чиновника. Провожавший его друг сказал:

— В государственных делах самое главное — терпение.

— Да, конечно,— согласился чиновник.

Спустя немного времени друг снова напомнил:

— Не забудь, что самое основное в государственных делах — терпение.

— Хорошо, буду помнить.

— Что самое главное...

— Терпение! — перебил чиновник.

Когда же в четвертый раз друг обратился со словами: «Самое главное в государственных делах — терпение»,— чиновник закричал:

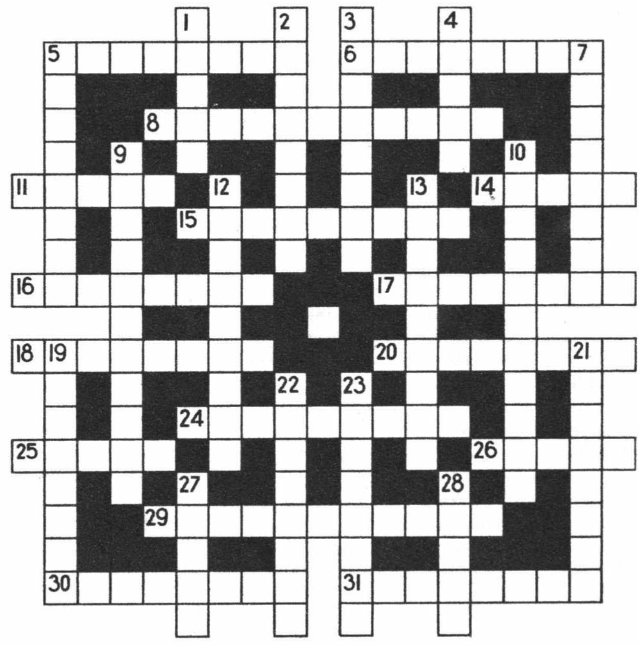
— Ты что, за дурака меня принимаешь?

Тогда друг печально ответил:

— О, оказывается, это не такое легкое дело: я ведь только четыре раза сказал!..

Перевел с китайского Ю. БУРИНСКИЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Измерительный оптический прибор. 6. Журналист. 8. Формулировка. 11. Город в Северо-Восточном Китае. 14. Советский шахматист. 15. Большой интерес. 16. Единица измерения частоты колебаний. 17. Смысл. 18. Текст оперы. 20. Неточная рифма. 24. Пересадка всходов растений. 25. Молочный продукт. 26. Тонкая черта. 29. Специальность рабочего. 30. Подъем целины. 31. Бодрый, жизнерадостный человек.

По вертикали:

1. Животное из семейства жираф. 2. Будущее. 3. Человек, направленный для выполнения поручения. 4. Собрание рукописей, писем. 5. Выдающийся итальянский скрипач и композитор. 7. Приток реки Огайо. 9. Танцевальное искусство. 10. Задушевность, искренность. 12. Ровесник. 13. Спортсменка. 19. Пароструйный насос. 21. Коллекционер монет, медалей. 22. Животное-грызун. 23. Род растений семейства злаков. 27. Сторона здания. 28. Итальянская сосна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

5. «Арзамас». 7. Триполи. 9. Кортик. 11. Фреска. 12. Атакама. 13. Штурман. 15. Нейтрон. 16. Динамит. 17. Ясенец. 18. Фермий. 21. Синоним. 24. Обертон. 25. Реализм. 26. Лысенко. 27. Якутка. 28. Ратмир. 29. Лигроин. 30. Калория.

По вертикали:

1. Ареометр. 2. «Маскарад». 3. Трафарет. 4. Электрод. 6. Автотрансформатор. 8. Представительство. 10. Юкатан. 14. Никелин. 15. Нивелир. 19. Корнет. 20. Объектив. 21. Согласие. 22. Мемориал. 23. Изобилие.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций с картин В. А. Тропинина, автопортрет С. Т. Коненкова, страница акварелей Ш. Айрапетова и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05201. Подписано к печати 8/V 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 456. Заказ № 1014.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

«НОВАЯ ФОРМА».

Фотоэтюд Н. Селюченко.

Цена номера 3 руб.
АЭРОФЛОТ
СССР-Л541Б
541Б
СССР
Реактивные пассажирские самолеты «ТУ-104» совершают регулярные рейсы в ИРКУТСК, ОМСК, НОВОСИБИРСК, ПЕКИН, ПРАГУ, ТАШКЕНТ, ТБИЛИСИ, ХАБАРОВСК.
Справки и продажа билетов на самолеты в городских агентствах Аэрофлота и в аэропортах. В Москве—Малый Черкасский переулок, дом 1/3. Справки по тел. Б 3-46-45.
АЭРОФЛОТ